

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Родился я 10 декабря 1896 года в Привислянском крае в селе Красное, Влодавского уезда, Седлецкой губернии. Ныне это Польша - Люблинское воеводство.

Отец мой - сельский народный учитель, сын крепостного.

Так как отец родился в 1847 году, то еще до 14ти - летнего возраста был крепостным. Позже ему удалось выучиться у дядька грамоте, попасть в Учительскую семинарию в г.Бела Седлецкой губернии (ныне Бяла-Подляска), ее закончить и стать учителем.

Сам же он родом из Гродненской губернии, Брест-Литовского уезда, село Олешковичи. В этом селе половина населения Бичуки.

Мать уроженка с.Вознесенки, ныне исчезнувшего. (район Октябрьской площади гор.Запорожья).

Отца часто переводили из одного села в другое, и вот мне запомнился переезд из села Красное в с.Бокинку. Оказывается, мне тогда было всего лишь 2,5 года. Об этом я узнал, когда мне уже было лет 15-ть. Я как-то маме рассказывал: "а помнишь, мы летом переезжали из села в село, и я просил тебя пить. Ты меня уговаривала "Потерпи, скоро приедем в село". И вот я помню: при въезде в новое село слева в 200 метрах от его начала колодезь; рядом гуси и куры пьют из лужи. Женщина дала мне из ведра воды, а мы затем скоро повернули влево в школу".

В Бокинке тоже недолго отец проучительствовал и по его просьбе перевели в село Сидорки в 5 километрах от города Бела.

Дело в том, что кроме меня, еще было у меня два брата и две сестры, и все старше меня. Надо было их устраивать в средние учебные заведения. Отец был на очень хорошем счету, и ему пошли навстречу. Мои братья и сестры ежедневно ходили в гимназию из села в г.Белу, проделывая каждый день 5 километров туда и обратно. Позже та же участь постигла и меня.

У отца зарплата была 26 рублей в месяц. Выручало следующее: квартира была бесплатной, она находилась в том же здании, что и школа. При школе имелся участок земли 2 десятины и луга тоже 2 десятины. Это давало нам возможность держать корову, свиней и кур. Отец очень умело вел хозяйство: был свой хлеб, свой картофель, капуста, репа, лук, огурцы и своя пасека. Зарплата отца шла главным образом на одежду, обувь и обстановку. Позже отцу удалось купить маленький домик в г.Беле и мы перебрались туда.

Вернее сказать, не отец купил этот дом (за 26 руб. в месяц дома не купишь), а моя бабушка (мать моей мамы) купила дом на свои сбережения моей маме, как "запоздалое приданое". Она дала 500 руб. и папа 100 рублей. Дом обошелся в 600 рублей и был записан на имя мамы. Это был "полуторжественный" дом: на нижнем этаже две квартиры: одна в три комнаты с кухней и вторая двухкомнатная и на втором этаже двухкомнатная квартира с кухней. В трехкомнат-

ной квартире жили мы, а обе двухкомнатные сдавали жильцам. И почему-то всегда евреям.

Я как-то спросил маму: "почему папа сдает квартиры всегда евреям?" "Знаешь, Ваня, евреи очень аккуратные плательщики. Они никогда не бывают пьяными и все они хорошие семьянины". По этим соображениям папа, ~~который в 1935-1936 годах переехал в Брест, Берлин и т.д.~~ ~~никогда не сдавал квартиры евреям, но~~ квартиры сдавал только им. И еще одна особенность. В нашем городе можно было сдать квартиру только в один день в году: 17 сентября. Откуда этот обычай взялся я никак не мог выяснить: ведь 17-го сентября - именины Софьи, Любви, Надежды и Веры никак не могли в Польше повлиять на этот вековой обычай сдавать квартиры на год только 17 сентября.

Отец, кстати, в городе получил место учителя городского училища, а мать продавала книги в книжном киоске на железнодорожном вокзале станции Бела.

После окончания гимназии и братья и сестры, уже будучи студентами вузов, сами себя содержали, давая уроки и уезжали летом на кондиции, т.е. на преподавание к тем ученикам, что имели переэкзаменовки.

Лично я грамоте выучился в четырехлетнем возрасте без букваря.

Как сказано выше, школа и наша квартира в селе были в одном здании, разделял их только коридор школы. После уроков я уходил в класс, на стенах которого висело изрядное количество географических карт, на которых было много кружочков и рядом названия. Старших братьев

и сестер я всегда спрашивая, а что это за кружочки? Мне отвечали: Киев, Варшава, Москва, Брест, Берлин и т.д. Кстати, природа наделила меня прекрасной памятью. Поэтому, можно сказать, играючи, я и выучился на географических картах грамоте уже в 4 года. Отец и для себя и для детей выписывал много газет, но особенно журналов, помнится "Нива", "Огонек:", причем с приложениями: Куприн, Чехов, Л. Андреев, Чириков, граф Салиас, Бунин. Уже в раннем детстве все произведения этих писателей были мною прочитаны.

Любимыми моими писателями были из русских Куприн А.И. и Андреев Л.А. Из иностранных позже стал Стефан Цвейг.

Зная мою страсть к географии и краеведению, родители специально покупали или выписывали книги по этой отрасли. При переходе из 5-го в 6-й класс отец купил мне замечательную книгу "Народы Западной Европы" Е.Водозовой в 3-х томах. Эти три книги, сохранившиеся до сих пор, очень повлияли на мою дальнейшую судьбу. Я всецело увлекся географией. А для моего морального и нравственного воспитания и с целью развития предприимчивости и упорства к достижению цели отец подарил мне книгу об археологе Шлимане Г. и книгу "Робинзон Крузо" Дефо. С целью же дать мне восторонние знания купил "Энциклопедический словарь" Павленкова в 1910 году. Уже в упомянутом году я прочел, что "Ленин - лидер фракции социал-демократов" "большевиков", написал книгу "История капитализма в России". Там же было ясное описание такти-

ки большевиков". Энциклопедический словарь, "Народы Европы" и книга о Г. Шлимане стали моими настольными книгами до сегодняшнего дня. Я их сохранил и сберег несмотря на все ~~Верипетия~~ судьбы. А Шлимана я и отец мой считали тогда самым умным человеком в мире.

По вечерам, особенно зимой, отец любил вести длинные разговоры о политике. Уже в 5-летнем возрасте я знал все подробности англо-бурской войны 1899-1902 гг. Кстати и любимой моей песней тогда была песенка о бурах: "Трансваль, Трансваль, страна моя, горишь ты вся в огне".

~~Дома~~. В 1904-1905 гг мы все были поглощены событиями русско-японской войны. Следили за каждым шагом передвижения войск наших и японских. Восторгались генералами Кондратенко и Мищенко. А еще больше следили за событиями революции 1905-1907 гг. Эту революцию я хорошо помню, так как в нашем польском городе Беле она имела особый характер, выразившийся очень резко во вражде двух наций: русской и польской. Поляки манифест царя от 17 октября 1905 года поняли по-своему. Они, в большинстве своем, ненавидели царское правительство, лишившее их всех свобод и ненависть выразилась в том, что они самовольно открыли польскую гимназию, придумали особую форму для своих гимназистов. Они, эти польские гимназисты, нас, русских, преследовали: утром, когда мы шли в гимназию, нас избивали со словами "уходите в Россию, здесь Польша". Очень часто, избитые, мы возвращались домой. Мне в 1906 году было 10 лет и я был учеником 1-го класса гимназии. Короче говоря, мне, позже эта революция вспоминалась, как на дороге.

побой со стороны поляков. Через год когда революция кончилась, мы вновь стали дружить с поляками.

В 9-тилетнем возрасте я прекрасно разбирался в географических и топографических картах. Любовь к ним так и сохранилась во мне на всю жизнь. Это было мое хобби. К тому же у меня была какая-то неумная страсть к передвижениям. Все время хотелось побывать то там, то тут. Моей постоянной мечтой было желание сделаться учителем географии. Когда я поступил в Бельскую гимназию в 1906 году, то начиная с 5-го класса, самым любимым предметом была география. Достаточно мне было перейти из 5-го класса в 6-й или из 6-го в 7-ой - на следующий же день я покупал учебник географии, по которому я должен был учиться с осени нового учебного года и тут же за сутки-двое перечитывал его от корки до корки.

До сих пор у меня сохранился учебник географии гимназических лет, и этому учебнику уже 65 лет.

Мне в "географическом отношении" в гимназии очень повезло. Директором гимназии в г.Беле был Эмануил Николаевич Пфейфер. Он же преподавал и географию.

Директор заметил мою страсть к географии. Не имея семьи, директор гимназии ежегодно летом уезжал за границу путешествовать. Он, повидимому, как и я, страдал непоседливостью и любовью к передвижениям. Каждый год, едучи за границу, он брал с собой меня. Я ему был нужен в роли как бы лакея: купить газеты, папиросы, билет в театр, принести обед, ужин из столовой, купить билеты на дорогу.

Для меня это было величайшим наслаждением — ездить по городам Европы и видеть своими глазами то, что было напечатано в учебниках и что особенно важно — мы никогда не возвращались обратно тем путем, которым ехали по государствам Европы. Всегда обратный путь был иной. Короче говоря, за 1912-1913-1914 гг мы успели побывать, за исключением Албании и Португалии, во всех крупных городах всех европейских государств.

Эти годы так и остались самыми счастливыми годами моей юности. И все, что я тогда увидел, до сих пор моя память цепко хранит так, как будто бы это было год-два тому назад, хотя прошло уже около 65 лет. Кстати, все это мне ни копейки не стоило. И дорогу, и еду, и гостиницу оплачивал директор гимназии.

Так эти путешествия составили особую, никогда не забываемую главу в моей жизни, повлиявшую на всю мою последующую жизнь и особенно на последние годы, когда я стал экскурсоводом, я считаю своим долгом на них остановиться поподробнее.

Я поставил своей целью: 1) увидеть то, о чем я читал и видел на фотографиях учебников географии, так как никакое подробное описание и фото не заменят личного впечатления. Восточная мудрость говорит: "лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать".

2) Особенно обратить внимание на внешний вид европейцев, как они выглядят, в каких домах живут, что едят и во что одеваются, т.е. изучить быт.

Повидимому такую цель поставил и директор гимназии Эм. Ник. Пфейфер, великолепно преподававший географию. Ему хотелось увидеть все своими глазами, чтобы потом в классе рассказать ученикам.

Но у меня был большой минус: мало знаний, заика, невысокий рост, ничем не примечательное лицо, а самое главное и основное — незнание иностранных языков. Вообразите себе глухонемого, путешествующего по чужой стране. Что он узнает? Очень мало. Надо было во все внимательно вглядываться и запоминать. Только в двух странах — Германии и Франции — я чувствовал себя лучше. Французский и немецкий в гимназии преподавались. Я заранее составил вопросник на 93 вопроса и примерные ответы (около 150) и, как баран, твердо заучил вопросы и ответы (возможные) на этих языках.

В другом положении был директор. Как немец он знал прекрасно немецкий язык. Но он еще знал английский, французский и неплохо итальянский. Конечно в Турции, в Греции, в Испании и Венгрии мы были в одинаковом положении. Все же знание им четырех языков часто нас выручало. Но основную помощь все же мы получали за границей в русских консульствах. Последние всегда с большим вниманием и даже удовольствием нас принимали и чрезвычайно много нам помогали. Этому, повидимому, способствовал и большой чин директора гимназии, и его очень уж представительный губернаторский вид, по сравнению с которым я имел вид совсем плюгавенький.

Один старик старше 80 лет в генеральской форме, авторитетный губернаторский вид, по сравнению с которым я имел вид совсем плюгавенький.

Экскурсии мы начинали всегда 15-го июня и заканчивали 1-го августа (по старому стилю). Дело в том, что к 1-му августа директор гимназии должен был присутствовать на переэкзаменовках и на осенних экзаменах лиц, поступающих в 1-й класс. А 15-го августа уже начинались занятия. Короче говоря за 1 1/2 месяца мы должны были уложиться.

Был составлен директором план: в 1912 году изучить север Европы; в 1913 - юг, а в 1914 году центральную часть Европы.

Начали с севера по двум причинам: 1) в 1912 году отмечалась 100-я годовщина Бородинской битвы и 2) в 1912 году в Стокгольме - столице Швеции, состоялись Олимпийские игры.

Решено было с гимназистами старших классов посетить Бородинское поле, Троицко-Сергиевскую лавру и Москву, а затем, отправив всех домой, нам двоим, директору и мне, отправиться за границу.

Экскурсии по Бородинскому полю, Лавре и Москве прошли удачно. Особенно много было уделено внимания в Москве Кремлю. Почти ежедневно мы ходили в Кремль, осматривали очень подробно Оружейную, Грановитую палаты, колокольню Ивана Великого, а на Царь-Пушке я даже сфотографировался. Жили мы в гостинице на Садовой, недалеко от памятника Пушкину А.С. Мне каждый вечер показывали на одного старика старше 80 лет в генеральской форме, который гулял возле памятника. Это был сын А.С.Пушкина, который ежедневно по вечерам разгуливал у памятника своему отцу.

Отправив после осмотра Москвы поезд с учениками домой в Белу (с учителем), директор со мной через Петербург отправился за границу.

В Петербурге мы осмотрели город: Невский, Сенатскую площадь, памятник Петру Великому, Кутузову, Барклайде-Толли, домик Петра Великого и поехали в г. Гельсингфорс в Финляндию, тогда еще принадлежавшую нам. Все города Финляндии, находившейся в течении 8 веков (до 1808 года) во владении Швеции, носят двойное название, например, Гельсингфорс - Хельсинки Або-Турну, т.е. одно финское, другое шведское. Гельсингфорс находится на северном берегу Финского залива (примерно против теперешнего Таллина) на гранитном полуострове. Впереди у самого залива крепость Свеаборг.

Прибыли мы утром на вокзал.

Директор стал наводить какие-то справки у начальника станции, а я смотрел за нашими вещами. Когда он вернулся, камера хранения почему-то была временно закрыта. Мы обратились к буфетчику-финну с вопросом: как быть с вещами? Он ответил: да, вот оставьте их на скамейке, а сами уходите. Мы были в недоумении. "А кто их будет охранять?"

"Да, никто" - ответил буфетчик.

"Вот видите уже полторы недели один спортсмен оставил свой чемодан и никто его не взял".

Мы с директором переглянулись и так как уже читали о честности финнов, решили его послушаться. Еще одно обстоятельство тут же подтвердило честность финнов:

Рядом с упомянутым буфетчиком был еще один буфет, но... без буфетчика. На стойке были разложены бутерброды с ветчиной, колбасой, сыром, маслом, икрой и каждый бутерброд стоил марку - 35 коп. Оказывается надо было самим взять бутерброд, на его место положить 35 коп. ... и все.

Это нас совсем поразило.

Мы решили, чтобы лучше узнать город, пойти пешком. Да и людей лучше можно изучить на улице чем с сидения извозчика.

Финны мне показались среднего роста, кряжистые, плотные, серьезные. По русски говорили все. Мы посетили два музея, посмотрели сейм, университет, политехнический институт. Устали. Зашли в столовую. Обратили внимание на то, что очень много рыбных блюд: и суп, и второе, в основном, рыбные.

Хотя финны и молчаливый народ, но отпуская обед (народу было мало), узнав, что мы путешественники, разговорился с нами, сообщив, что народ здесь трудолюбивый, все грамотны, любят спорт, занимаются, главным образом, рыболовством, лесопромыслом, сельским хозяйством и скотоводством.

На нашу просьбу, как познакомиться с жизнью села, буфетчик заявил: сел у нас нет, есть хутора. На хуторах финские домики всем в мире известные (таких много в Запорожье на 2-м поселке по ул.Каховского). Двор с домом называется "мыза". А что-бы познакомиться пойдите вот туда за город и все увидите сами".

Мы пошли за город на ближайший хутор. Обыкновенный финский домик с 4-5 комнатами, очень удобный. К двери прислонена палка. Мы постучались. Молчок. Пошли к следующему домику. Опять прислоненная палка. На стук ответа нет. Мимо следующего третьего домика проходил мужчина — финн. Мы его спросили: почему дверь не на замке, а хозяина нет и почему палка? Финн ответил: "у нас нет замков и запоров. Но если имеется палка, это значит, что хозяин ушел из дома. Но это не значит, что вы не можете в дом зайти. Заходите, напейтесь воды, оставьте записку."

Мы объяснили кто мы такие и что наша цель ознакомиться с бытом финнов. Финн рассказал почти то же, что и буфетчик, что основное занятие — рыболовство, столярничество, земледелие, скотоводство. Добавил, что все грамотные, спортсмены, но даже летом многие иногда ходят в фуфайках, так как часто бывают запорожки.

После этого мы с директором пешком пошли на вокзал решив, что о финнах нам все почти уже известно.

Страшно усталые, решили ехать поездом дальше в город Турку (или Або) — бывшую столицу Финляндии. А оттуда морем в Швецию.

Город Турку расположен на берегу реки Аура-Иоки при впадении ее в Ботанический залив. Основан в XIII веке шведами, как главный тогда город Финляндии, недавно ими завоеванной. В нем много старинных зданий. Это главный импортный город страны. Жители или моряки (много судостроительных верфей) или рабочие на текстильных, машиностроительных заводах. Есть мельницы, сахарный завод. Город небольшой, хоть и самый промышленный в Финляндии.

За день мы его обошли вдоль и поперек.

На другой день оформили документы в Швецию и мимо архипелага "Аланские острова" поехали пароходом туда. Архипелаг этот имеет около 6,5 тысяч островов и отдельных скал, но живут люди только на 90, примерно около 20 тыс. человек.

Ехали около суток и утром приблизились к столице Швеции - Стокгольму. Еще в Турку я купил кепку и пуговицы. Гимназическую фуражку заменил кепкой, а к гимназической тужурке пришил черные пуговицы, выбросив старые. Директор меня предупредил, что в гимназической форме ехать за границу неудобно. Он также заранее переделался в обыкновенный общеевропейский костюм. Мы подготавливали документы заранее. Я страшно волновался. Ведь это была моя первая поездка за границу. А вдруг что-то не так, вдруг затеряюсь, не зная языка. Ведь это ужасно. Короче говоря, я всю ночь не спал.

Издали Стокгольм произвел чарующее впечатление: на скалах, выступах, прорезанных проливами, все в соснах; видны главы церквей, какие-то красивые дома-дворцы. Но моя душа была в пятках. Оказалось, что мои волнения напрасны. Шведы вообще гостеприимны, вежливы. А в этом, 1912 году, особенно. Ведь это был год Международных Олимпийских игр - и шведы без всяких формальностей принимали людей со всех концов мира, как дорогих гостей. На наши документы только мельком взглянули: решили, что такой представительный гражданин как Э.Н.Пфейфер с замухрышкой-служгой не может ничем повредить Швеции.

Я взглянул на директора, он только улыбнулся. Наняли фиакр — извозчика. И сразу в русское консульство.

Город мне понравился сразу же. Много мостов, проливов, дворцов, церквей, улицы неровные: то поднимаешься вверх, то вновь вниз.

В консульстве любезно, как земляков, нас приняли. Обменяли деньги, но предупредили, что номера в гостинице и все немного подорожало, так как шведы, как люди трезвые, меркантильные, хотят заработать на Олимпиаде. Тут же позвонили в гостиницу, и все уладилось.

Купили подробный план города. Я его сразу выучил наизусть. Особенно два места: где консульство и где гостиница. Решил: от директора ни шагу. Он тоже шведского языка не знал. Но ему пригодилось знание французского и немецкого языков. Оказалось, что в Стокгольме очень многие знают эти 2 языка. Решили сразу же: в столовую не идти, а закусить тем, что было с собой и самим по купленному плану пройти по главным улицам, а на следующий день по остальным.

Действительно, город прекрасный, основанный еще в 1187 году. Он обогатился за эти годы прекрасными зданиями. Особенно интересны дома в старой части "город между мостами".

Больше всего нам понравилась церковь св.Николая, Гертруды, Рыцарский дом, Королевский Дворец, Национальный музей, Рейхстаг, Опера.

Понравилась нам и шведы. Все стройные (у них обязательна для всех юношей "шведская гимнастика"). У них

голубые глаза, светлые волосы, розовое лицо. Трудолюбивы, обдуманны в своих решениях, сдержаны. Но любят выпить и тогда вспыльчивы и быстро раздражаются.

За два дня мы осмотрели весь город: и старую, и новую части.

Чтобы познакомиться с простым народом, нам советовали поехать на большое озеро Мелар, которое начинается на западной окраине города. На его красивых берегах (а озеро большое) много шведских сел. Действительно, мы много увидели сел. Дома деревянные, т.к. шведы очень богаты лесом. Крыша из досок. На многих крышах мох, зеленый дерн. Дома выкрашены в темно-красный цвет. Все они, как вообще у северных народов, многокомнатны. Крестьяне, в противоположность горожанам, флегматичны. Сеют шведы рожь, овес, выращивают картофель; многие коров, поэтому сыра, масла и молока достаточно. Очень любят сахар и еду зачастую приправляют сахаром. Большинство лютеране; все грамотны.

Путешествие тоже длилось два дня.

Решено было ехать дальше в Норвегию в столицу Христианию (ныне Осло). Вечером выехали, утром приехали (поездом). На границе никакой проверки.

Норвегия страна гористая. Кругом горы, леса, заливы-фиорды, море.

Позже, когда я был в Швейцарии, невольно вспоминал Норвегию с ее горами и скалами. Осло красиво расположено амфитеатром на северном побережье Осло-фиорда.

Город сравнительно небольшой.

Мы сразу к консулу. Он распорядился, чтобы один из сотрудников показал гостиницу и самый город. В городе много старинных домов: здание Университета, парламента, национального театра.

Осмотрели также историческое ядро: старинную крепость, основанную еще в 11 столетии. Консул же устроил нам и поездку в ближайшее селение. Кстати, люди почти все находились в домах, на улице почти никого. Дома многокомнатные. Норвежцы красиво сложены, стройны, мужественны, высокого роста, чрезвычайно гостеприимны. Абсолютно все грамотны, даже на дальних хуторах, куда ходят "странствующие учителя". Каждый хуторянин и швея, и столяр, и плотник, и каменщик, и земледелец, охотник и рыболов. Очень честны, приветливы и правдивы. Гордятся своей историей. Это бывшие варяги-викинги. Народ никогда не знал крепостного права. Там нет и намека на какое-то ^{у нас в СССР не было} дворянство. Все равны и никто не имеет никаких пре- ^{мысли не имеют} муществ.) В городах дома преимущественно двухэтажные с большими окнами. В селах - одноэтажные, деревянные, на тесовую крышу обычно насыпают землю. Чаще всего едят овсяный хлеб, картофель и много рыбы. Совершенно нет нищих. Такая же картина наблюдалась и в Швеции и в Финляндии. Единственный недостаток - норвежцы любят выпить.

По плану мы должны были посмотреть еще гор. Берген, но нам сказали, что это самый дождливый город в мире; сейчас там тоже идет дождь и кроме гавани там смотреть нечего. Поэтому решили с директором ехать в следующую скандинавскую страну - Данию.

Пароход долго плыл по фьорду и мы любовались величественными берегами Норвегии, а затем слева опять Швеция и привартовались к шведскому западному порту Гетеборг. Опять серые глаза, русые волосы и розовые щеки шведов.

Этот город расположенный на берегу пролива Кате-гот, является по величине вторым в Швеции. Основан в 1603 году. Это сугубо торговый и промышленный город Швеции. Достопримечательности: Дом Ост-Индской Компании, Собор, старая ратуша.

Тем же пароходом поехали дальше. Слева все та же Швеция. Позже справа появились берега и Дании. Мы вышли в пролив Эресун, на западном берегу которого на острове Зеландия и расположилась столица Дании Копенгаген, возникший в 1043 году. После элементарных формальностей в гавани мы поехали как всегда в Консульство (ныне посольство), где нас уже ждали, предупрежденные из Осло. Тоже хорошо устроили в гостинице. Намекнули, что датчане очень хорошо относятся к русским, так как мать государя датчанка, а писатель Даль В.Ив. выходец из Дании. В посольстве нам порекомендовали кучера, хорошо знающего немецкий язык, т.е. язык, родной нашему директору. Поэтому Э.Н.Пфейфер его нанял на весь день с перерывом на обед.

Мы исколесили весь город вдоль и поперек. Подробная карта была на руках. Начали со старой части города, прилегающей к проливу. Здесь осмотрели Дворец-парламент, Биржу, дворец Росенборг, барочный дворец Шарлотенборг, цитадель, а на соседнем острове Алнагер старинную кра-

сивую церковь и остатки укреплений.

Поразительно громадное количество велосипедистов. Оказывается, в России не было ни одного велосипедного завода; в Дании их 13. Причем самые разнообразные: и для безруких, и для одноногих.

В магазинах обилие масла, сыра, молока, птицы, колбас. Первое впечатление, что страна сугубо сельскохозяйственная, и все это, в основном, вывозят за границу, главным образом, в Англию.

Нам советовали, что для знакомства со страной необходимо пароходом или поездом поехать на один день на север; на другой день на юг, так как датчане живут не совсем одинаково по всей стране: на севере хуже, на юге гораздо лучше. Мы так и сделали. Север Дании пустынный: море, дюны, люди занимаются рыболовством (мужчины), девушки собирают на берегу янтарь, а все остальные вяжут, вяжут и вяжут: чулки, свитера и т.д.

Я обратил внимание, что здесь они высокого роста, худощавые, живут замкнуто; в городе они гораздо ниже, коренасты, как будто неуклюже стоят с широко-расставленными ногами, руки в карманах. Что особенно отличало тогда датчан (не знаю как сейчас) это то, что многие ходили в тяжелых башмаках.

Через два дня мы поехали на юг. Здесь уже не то. Прекрасная черноземная земля, буковые леса. Бросается в глаза зажиточность крестьян. Прилично одеты, даже более того, многие крестьяне в цилиндре и их даже не снимают в комнатах. Дома многокомнатные, как вообще на севере. Нищих и бедных что-то не видно. Говорят, и во

ровства не бывает. Ходят медленно, задумчивы, очень трудолюбивы. Занимаются земледелием, скотоводством и рыболовством. Сеют рожь, овес, пшеницу, разводят картофель. Много свиней, кур, главным образом все на вывоз.

Я обратил внимание на то, что и в Дании и в предыдущих странах и в последующей Голландии, не видно совсем, или очень редко, полицейских. Директор также обратил на это внимание. Мы решили, что царский произвол и ведет к нищете и воровству населения; поэтому и много в России полиции.

Уже прошло две недели нашего путешествия. Остался месяц. Решено ехать дальше: в Голландию через Кильский канал. Опять пароход плывет между Швецией и Данией, потом между Данией и Германией и вошел в Кильский канал. Длина его 99 км., ширина 104 метра, глубина 11 метров. Проехали мы его ночью. Впадает он в устье Эльбы. Выехали в Северное море. Слева Фризские острова, принадлежащие Голландии. Море было не приветливо, штормило. Далее сама Голландия с ее дюнами, дамбами. По дороге делали остановки в каких-то голландских прибрежных городах, пока не дошли до канала Нордве, по которому прибыли в Амстердам. Я вспомнил Стокгольм. Всюду мосты, вода, каналы, но ни скал, ни леса, ни холмов. По русски Амстердам означает: "дамба (плотина) на речке Амстел". Возник в 1275 году.

На сей раз все обошлось без консульства: во-первых, потому, что голландский язык похож на немецкий; во-вторых,

что уже при въезде в страну чувствовалось, что люди занимаются в городах главным образом судоходством и торговлей и все знают немецкий язык. Поэтому было решено, устроившись в гостинице, подкрепившись и, отдохнув после качки в Северном море, сразу же взяться за изучение страны. Но так как мы чувствовали себя немного разбитыми, решили изучать город не пешком, а с помощью извозчика. Разложив на коленях подробную карту города, до вечера в течение целого дня осмотрели все достопримечательности. Здесь нас поразило все. Страна эта не похожа на другие. Город сохранил здесь свой средневековый облик; каждый квартал окружен водой. Некоторые жители так и живут на каналах в баржах-возботах. В городе, как нам сказали, 400 мостов, т.е. столько, сколько в Венеции. Безукоризненная чистота. Дома, тротуары, улицы моются щеткой. Этого в мире я никогда не видел. Всюду цветы. Как у нас на столиках продаются пирожки, у них селедки, последние тут же съедаются. Для меня все это было новинкой.

Мы посетили Государственный музей, где богатейшее собрание картин Рембрандта, посмотрели дом Рембрандта, королевский Дворец (быв. ратуша), Дворец промышленности, несколько интересных средневековых готических церквей. Изрядно устали.

На другой день решили посмотреть страну. Здесь также все не так, как везде. Нанятый извозчик повез нас вглубь по кругу длиною чуть ли не 90 километров и вернулись мы поздно вечером.

Воров, по словам жителей, нет, нет и полиции (толь-

Как нигде в Европе, здесь население чрезвычайно густое. Трудно отличить, где кончается город, где начинается село. И все у них по-своему. Каналы проходят выше нашей головы, страна напоминает не то сад, не то дуг, не то пастбище, не то цветник. Всюду зелень и вода. Каждый дом фермера отделен от другого или межевными рвами или зеленой посадкой. Куда не повернись - мельницы зерновые, но чаще водочерпательные: они гонят воду в море. Скот весь день на лугах. Народ голландский выше среднего роста. Одевается просто.

Первое впечатление, что они сдержанны, флегматичны, неприветливы, малоразговорчивы. Голландец больше думает, меньше говорит. Дома многокомнатные. Снаружи раскрашены в разные цвета.

Нам передавали, что голландцы терпеть не могут жить с кем-то под одной крышей.

Девушки очень скромные и тихие.

Голландцы мало едят хлеба, но много употребляют картофеля, масла, маргарина, свинины, бобов и гороха, много зелени. Но больше всего, как сказано выше, соленой селедки с огурцами и сыром. Ведь голландские сельди, сыр, масло да еще цветы славятся на весь мир.

Сдержанные внешне, они очень гостеприимны. Когда входил в их дом - рады приходу иностранцев. Гордятся тем, что в их стране учился кораблестроению Петр Великий. Они большие патриоты, очень помогают друг другу в беде. Когда в стране бедствие - разрушение дамбы морем - весь народ подымается на борьбу с несчастьем.

Воров, по словам жителей, нет, нет и полиции: толь-

ко в городах для наведения порядка.

Поздно вечером по прекрасным ровным голландским дорогам вернулись в Амстердам.

Решили утром поехать в Гаагу, потом в Роттердам, а оттуда в Англию. Эти города недалеко от Амстердама. Да и вообще эта страна небольшая, равная примерно нашей Запорожской области. Через часа два мы уже были в Гааге.

Гаага (в переводе "графская изгородь") основана в 1097 г. Является резиденцией королевского Двора. Очень зеленый, красивый город с многоэтажными домами. Перед каждым домом цветник, а стены домов обиты плющом до самой крыши. Особенно красив район старого города вокруг озера Вейвер. Здесь т.н. "Внутренний Двор", Рыцарский замок, Дворец Маурицхейс, церковь Якобскерк.

В городе имеются и международные учреждения: Международный Суд, Статистический институт.

Почти рядом (езды около получаса) гор. Роттердам. Это второй по величине город в Голландии. Самый большой порт в мире. Здесь происходит перевалка грузов с Рейна на морские пароходы и наоборот. Кораблестроение, обширная оптовая торговля со своими колониями и со всем миром. Несколько музеев, Ратуша (так как во время II-й Мировой войны город был разрушен, возможно, многое уже не сохранилось, что мы там увидели).

Остаток дня ушел на оформление в английском Консульстве наших документов в Англию. Вечером пароходом мы отправились туда через Северное море в устье Темзы в Лондон.

Нам сказали, что ехать придется около 350 километров и это займет около 1,5 суток. Все зависит от погоды в море. Примерно через полтора суток мы приблизились к Англии и вышли прямо в устье Темзы. Тут она очень широкая около 1,5 км. Но чем ближе к Лондону, она все время суживалась и у Лондона ее ширина не более 250 метров. Но склады, доки стали попадаться еще задолго до Лондона.

Берега Темзы укреплены дамбами.

С палубы парохода и в самом порту я обратил внимание на большую разницу между англичанами и теми народами, которых только что видел. Сразу выделялись три категории людей: 1) рабочие в кепи, чаще всего в синих комбинезонах или блузах, запачканные, с усталым видом. 2) Чиновники-клерки (их называют "белые воротнички") в шляпах, в костюмах европейского образца, выше среднего роста, с розовым лицом и 3) полные в цилиндрах, в сюртуках, чаще со своим двуконным транспортом - английская буржуазия. До сих пор я, хотя и видел это и раньше, но очень редко, как исключение. А тут на каждом шагу.

Такой чистоты, как в предыдущих странах, также не было. И что основное - много бедных и нищих, что совершенно не бросалось в глаза раньше в северных странах. Виденное в дальнейшем подтверждалось на каждом шагу. Правда, милостыни в Англии просить нельзя. Но мне сказали, что те, кто на улицах продают спички - это и есть нищие.

И еще одна разница: много полицейских, при чем все они чрезвычайно рослые и в шлемах. Это первое впечатление оказалось правильным.

Мы с директором остановились в гостинице согласно рекомендации роттердамского консула. Теперь в Англии директор чувствовал себя, как дома. Он прекрасно владел английским языком и вид у него был англичанина-джентельмена: высокий, плотный, розовый.

Но меня Лондон ошеломил. Такого потока людей, такого Вавилонского столпотворения ни до, ни после Лондона я не видел. И каких только наций там не было: и желтых, и коричневых, и черных. Одеты все, как угодно им самим.

Я заметил: никто ни на кого не обращает никакого внимания. Один на себя надел чуть ли не ночной горшок или что-то в этом роде — хоть бы ктонибудь на него взглянул — никто.

Мы решили на Лондон потратить 3 дня, а последующие 3 на остальную Англию. Конечно на такой многомиллионный город — три дня — это капля в море. В 1912 году он имел 5 милл. жителей и 282 кв. километров площади. Мы располагали великолепными планами Лондона (один даже на русском языке). Я день был посвящен Ист-Энду.

Город, существующий уже 2 тыс. лет, имеет три резко разграниченные части. Центр — Сити — торговый и административный центр. Западная часть — Вест-Энд — населенный буржуазией и аристократией. Ист-Энд — рабочие, бедные кварталы. Каждому району мы уделили по дню.

Первый день был посвящен Сити. Это центр деловой жизни не только Лондона, но и всей Английской империи, которая в 1912 году владела 1/4 всей территории земли и 1/4 всего населения мира.

Жилых домов не было видно; всюду банки, конторы, правления, биржи, полиция, несколько отличающаяся от остальной части города. Днем здесь уйма народу. Ночью только сторожа.

Здесь же и остальные достопримечательности: Тауер-старинный замок XI века, Собор св. Павла - второй (после св. Петра в Ватикане) в мире по величине. Очень напоминает собор Исакиевский в Петербурге.

На следующий день мы продолжали осмотр: западнее Сити Вест-Энд - самая красивая часть города: 3-х-4-х этажные дома, особняки, окруженные деревьями. Много садов, парков. Из последних известен всему миру Гайд-парк - это лес с рекой, озером, лужайками, водоплавающей птицей.

Из зданий всему миру известно Вестминстерское аббатство, тут же Вестминстерский дворец (парламент) в готическом стиле; дворцы Букингемский и др. В Вестминстерском аббатстве нам показали могилы королей, Шекспира, Мильтона, Адиссона и др.

Третий день был посвящен Ист-Энду. Там нет зелени. Дома однообразны, 2-х-3-х этажные с не-симпатичным видом. Много трущоб, поразительная нищета населения. Всяду оборванные, особенно детишки и особенно цветные, цыгане.

Эта часть города произвела на нас удручающее впечатление.

Я много видел нищих в России, видел крестьян-погорельцев, ходивших с сумой за подаянием. Но все же там, в Ист-Энде нищета хуже. Конечно рабочие, имеющие дома,

Через 2 часа мы уже были в Оксфорде, потом рядом с Кембриджем, Мейн-портлендом, и так далее. Каждый выбившийся в люди англичанин ставит своей целью иметь свой собственный дом (будь это служащий или рабочий). "Мой дом - моя крепость" - говорят англичане. Наблюдается какая-то семейная замкнутость. Как правило, даже в рабочих семьях, замужняя женщина не работает (возможно, за прошедшие 63 года там все изменилось).

В английских школах из девочек стремились сделать в будущем хороших домохозяек, а из мальчиков - мужественных, смелых, находчивых и предприимчивых людей и колонизаторов.

Сильное внимание обращается на развитие спорта, выносливости. Порицается изнеженность, излишества, стремятся подготовить юношей к практическому делу, даже несмотря на домашний комфорт. Очень ценят в Англии дисциплинированность, т.е. тактичность, строгое отношение к своим поступкам, к службе и порядочность в семейной жизни. Поощряется благотворительность.

Нам сообщили, что "завтра воскресенье" - самый скучный день в Англии. Все закрыто: магазины, столовые, театры. Только открыты церкви. Улицы пустынные. "Лучше уезжайте". Мы решили посмотреть хотя-бы из окна вагона среднюю часть Англии и север - Шотландию. Тем более, что уже половина времени, положенного на путешествие, прошло и надо было торопиться.

В первую очередь мы осмотрели два города: Оксфорд и Кембридж со старейшими Университетами. От Лондона они недалеко, что-то 70 километров и сами города небольшие.

Через 2 часа мы уже были в Оксфорде, потом рядом в Кембридже. Меня поразило, что университеты там не в отдельном большом здании, как в Варшаве, Киеве, Москве, а целый городок, т.е. город принадлежит, можно сказать, студентам. Там же в отдельных домах готического стиля им читают лекции, в других они живут. Пользуются большой автономией. Много уделяют времени спорту, даже очень много в ущерб занятиям.

Большинство магазинов - это книжные магазины. Каждый выдержавший экзамен может поступить в Университет, даже цветные, чернокожие. Но плата там высока и учиться в них могут только богачи.

На следующий день поездом поехали в Бирмингем, тоже с 1900 года Университетский город - мировой центр металлургии, снабжающий чуть ли не все страны света гвоздями, машинами, ружьями (рядом угольные и железные копи).

Город закопченный, грязный; большинство ходит в рабочих спецовках.

Из старинных зданий осмотрели 2 церкви и ратушу.

В следующем, тоже университетском городе, Манчестере, заметно преобладание хлопчато-бумажных и бархатных фабрик. Он чище Бирмингама, но не очень.

Далее на север пошла Шотландия, которая не так зелена, как Англия, и во многих местах гориста. Шотландцы выше англичан; дома их новые, похожи на английские, а старинные из камня и очень неприветливые.

Много лугов, пастбищ, а то и просто пустых мест.

Основное направление - скотоводство. Много охотничьих

заповедников английской знати. Ее и по своему личному

Сеют пшеницу, овес, картофель, сахарную свеклу.

Национальное блюдо "поридж" - жидкая овсяная каша. Ее

переняли и англичане. У последних завтрак всегда один

и тот же для всех: овсяная каша + яичница с ветчиной +

чай или кофе. Это по всей Англии у всех классов насе-

ления: от королевы до докера. На обед: суп с крупой,

мясом и картофелем и баранья или телячья требуха с лу-

ком и перцем. Любят чай, но особенно "виски" - "вода

жизни", которая идет и на экспорт. Национальной одежды

уже не употребляют (короткая юбка). Но в некоторых воен-

ных частях и по праздникам ее можно увидеть.

В Шотландии развито ткачество (шотланка - пледы), особенно в их столице Эдинбурге.

Сначала мы прибыли в Глазго - самый большой город: 680 тыс. в 1912 г.

Университет, много металлургических, но особенно судостроительных заводов. Здесь же самое старое в мире метро.

Недалеке от Глазго бывшая столица Шотландии Эдинбург, красивейший город в мире, на холмах. Много вузов, церквей старинных, но самое красивое здание - это замок и дворец на скале Холируд-Хайус, от которого трудно оторваться. Много и памятников, например, Вальтеру-Скотту, Б"ернсу.

Не заезжая в Лондон (мы вещи и уже оформленные документы взяли с собой), мы поездом по восточной части Англии поехали на юг, в порт Дувр. Короче говоря мы проехали всю Англию с севера на юг. На остановках ста-

рались выходить. По моей просьбе и по своему личному желанию Э.Н.Пфейфер выходил на перрон, беседовали с англичанами, а в вагоне с теми, кто с нами ехали.

Вообще-то англичане молчаливый народ: в купе вагона никогда первый не заговорит (подная противоположность русским пассажирам). Но если их о чем то спросить, то как и голландцы, обстоятельно и подробно все расскажут.

Я, конечно, ни слова не понимал, но позже от директора все узнавал и записывал.

Крестьян в Англии очень мало, меньше 1/10 населения. Почти вся земля принадлежит лордам и земельной аристократии - джентри. Лорды имеют в деревне парк, заповедник для охоты, сам с/х не занимается, а сдает в аренду. А деньги тратит на промышленность или торговлю. Что типично для фермера - это разнообразие продуктов хозяйства: он имеет и скот и свиней, и посеvy пшеницы, овса, и кур, овощи и сад. Короче говоря, с/х дает лишь 1/4 того, что необходимо для Англии. Остальное все ввозится.

В Дувре мы сели на пароход и поехали во Францию. Мне как-то стало веселее - возвращаемся хоть и другим путем, но на родину.

Откровенно говоря, я страшно боялся Лондона. А вдруг затеряюсь в этом людском Вавилоне без знания языка. Правда, я имел своих 150 рублей и знал адреса всех посольств и консульств русской империи во всех европейских городах. Но документы, кто я, были у директора.

Как несовершеннолетний не имел я вообще никакого документа - "беспаспортный Иван" - и все. А по Максиму Горькому, русский человек состоит из паспорта, души и тела". Как видно, на первом месте Горький поставил "паспорт", которого мне еще ждать 5 лет, т.е. когда мне стукнет 21 год. К тому же я все же знал немного немецкий и французский языки. Вот почему я так обрадовался, когда увидел первый французский город Кале, по которому назван и пролив, проезжаемый нами "Падэ-кале".

Кале портовый город на севере Франции. Тогда в 1912 году имел 61 тысячу жителей. Примерно 250 км. от Парижа. Это рыболовецкий, торговый порт, но в основном пункт, откуда уезжают в Англию лица, приехавшие из Парижа для посещения Великобритании.

Рано утром следующего дня мы были в Париже. Остановились в гостинице. И директор и я имели подробнейшую карту Парижа. Я даже две: и на русском и на французском языках.

Я мгновенно разобрался, где и что. И почувствовал себя веселее.

Решили по примеру Копенгагена и Амстердама в первый день нанять извозчика на весь день с тем, чтобы не на карте, а своими глазами увидеть Эйфелеву башню, Нотр Дам, Елисейские поля, площадь Звезды, площадь Согласия, Булонский и Венский парки. Причем нанять лихача, уже возившего иностранцев.

Э.Н.Пфейфер уже знал Париж вообще, но тут ему хотелось знать подробности.

Еду мы взяли с собой и для возницы, а, поелику он парижанин, еще и бутылку вина. Короче говоря, до вечера объездили Центр, в том числе бульвары и рынок.

На следующий день решили так: каждый идет туда, куда ему нравится. Дело в том, что Пфейфер когда-то страдал раком нижней губы и оперировался в Париже. Ему хотелось проверить себя у того врача, который его оперировал.

Я первым делом пошел на Эйфелеву башню. Поднялся наверх - 300 метров и увидел Париж как на ладони. Далее, мимо Нотр Дам де Пари, через мост пошел на правый берег Сены - посмотрел площадь Звезды, Согласия, Енисейский Дворец. Вернулся. Конкой проехал бульвары туда и обратно, осмотрел Рынок "Чрево Парижа", Пантеон и Лувр. Вернулся усталый и как грохнулся на кровать так и уснул до утра. Правда, Пфейфер вечером меня разбудил. Я ему заявил, что очарован Парижем, что красивее в мире города нет, Эдинбург тоже красив, но ведь он 1/100 Парижа.

Решили, - третий день провести так: до 3-х часов дня я предоставлен себе, т.е. буду изучать Париж, а директор отдохнет, т.к. за этот месяц поездки страшно устал.

Утром следующего дня я уехал посмотреть знаменитый Версальский дворец. Там же Большой и Малый Трианон, парк. Красота Версаля меня поразила. Более красивого парка в мире я не видел. Вернувшись посмотрел Монмарт с церковью Санте-Кер, Сен-Дени и усталый пришел в гостиницу. Пфейфер ушел оформлять документы на проезд через Германию, заявив, что три дня будет изучать Северо-западную Фран-

цию, Нормандию и Бретань, а по дороге в Бельгию - северо-восточную Францию.

Сперва я решил тоже отдохнуть, но не выдержал и побегал (мне же было 15,5 лет) досматривать Париж: букинистов на набережной Сены у собора Парижской Богоматери, рядом Дворец Юстиции, Сорбану, Люксембургский Дворец, Бурбонский Дворец, Дом Инвалидов, где похоронен Наполеон, военную школу, Институт Пастера.

Когда вернулся директор, то сообщил, что уже куплены билеты в Руан - столицу Нормандии и рано утром нам выезжать. Езда займет 3 часа примерно. Мы утром уехали. Поезд все время шел по берегу Сены. Виды красивые. По всему видно, что жители (кстати, они высокого роста) живут с достатком. Много лугов, скота, садов, а на возвышенностях леса. В X веке эта местность была завоевана норманнами, почему и название. Позже норманны усвоили французский язык.

Сам же Руан - бывшая столица норманнов - стариннейший город во Франции. Основан еще в 1-м веке до н.э. Сейчас это порт на Сене, доступный для морских судов. Развито судостроение и текстильная промышленность. И замечательные памятники старинны: Собор Нотр Дам (XII век) и еще несколько соборов, Дворец Юстиции - прекрасный образец готической архитектуры, старинный отель.

В 1431 г в этом городе была сожжена Жанна Д'Арк.

Вечером зашли в мерью. Там нам рассказали (да мы и сами из вагона видели), что "Нормандия богатейшая область Франции. Помимо того, что здесь развито судостро-

ение, черная металлургия и шерстяная промышленность, как нигде во Франции развито сельское хозяйство, скотоводство и садоводство. Нигде так во Франции крестьяне не живут хорошо, как здесь. А вот вы сейчас поедете в "Бретань", рядом, население самое бедное во всей стране".

Так оно и оказалось.

Мы вечером купили билеты в Брест — главный город Бретани на берегу Атлантического океана. Это что-то вроде нашего Севастополя, сугубо военно-морской город. Достопримечательностей никаких. Да и нас интересовала то сама провинция Бретань.

Это особая область Франции, когда то в У веке заселенная бриттами, т.е. англичанами, отсюда и название. Говорят они на особом языке, но знают и французский. Все они крепныши и все здесь связано с морем.

Мы специально наняли извозчика, чтобы он как можно дальше отвез нас и по берегу моря и в глубину страны.

Это самая отсталая область Франции. Дома разбросаны; поселки из 4-5 домов, вокруг дома живые изгороди. Дома из камня, низкие. Западная и северная стороны домов не имеют ни дверей, ни окон (из-за ветров). Двери и окна выходят только на юг. Вся мебель в доме кустарная. Дом же состоит из сеней, кухни и двух комнат. Много часовен. Основная пища: рыба, баранина, молоко, сыр, картофель.

Внешне бретонцы гораздо ниже норманнов, более суровы, замкнуты и неприветливо, как и их дома. Но когда зайдешь в дом, они очень вежливы и, как все французы, гостеприимны. А вообще-то французы очень веселый, вежливый народ.

Слова "пардон", "мерси" - за день услышишь сотни раз.

В противоположность англичанам и голландцам они разговорчивы, услужливы, правда, и драчливы.

Если они не на работе, французы любят проводить день на улице, в кафе.

Свидания, даже деловые только в кафе, на улице, но не в квартирах, как у нас.

Из Бретани мы поехали на юг - осмотреть Среднюю Францию. Избрали город Орлеан - старинный город французов, возникший еще до н.э. и прославленный Жанной Д'Арк, освободившей его от англичан.

Этот город на реке Луаре, сравнительно небольшой, но исторический, в свое время оспаривавший первенство с Парижем. Здесь очень много красивых и ценных памятников архитектуры: соборы Сент Круа, Сент-Эверт, Нотр-Дам, Старая Ратуша, Исторический музей.

Особенно интересна "Королевская улица".

Из Орлеана решили ехать в Бельгию, Германию и домой. Но по дороге через Париж заглянуть в гор. Реймс с его знаменитым собором - шедевром французской готики (1211 г). Не обладая литературным талантом, не могу его детально описать. Он поражает своей грандиозностью. Не даром в нем короновались французские короли. В нем все грандиозно: и колонны, и окна, и арки. До 1912 года более грандиозного собора я не встречал.

Из Реймса через города Лан, Ла Фер, Сен Кашен, Мобаж проехали в Бельгию.

Из окна вагона были видны всюду возделанные поля, много

Достопримечательности: Суконовые ряды, Ратуша,

виноградников, садов, а ближе к Бельгии каменноугольные копи. Чувствовалось, что земля здесь богатая и люди живут зажиточно.

На границе документы наши осмотрели таможенники очень бегло и мы благополучно прибыли в столицу Бельгии Брюссель. Сразу же в гостиницу.

В Бельгии живут два народа: на юге валоны, говорящие на французском языке, на севере фламандцы, говорящие на голландском.

Граница между ними проходит через Брюссель. Валоны ниже ростом, брюнеты, живые, веселые. Фламандцы высокие, блондины или рыжие, флегматичные.

Город Брюссель богат достопримечательностями. Прежде всего мы пошли на площадь "Гранд-Пляж". Ее окружают, построенные в готическом стиле, здания: Городского музея, Ратуши, Дом Гильдий. Интересны также: Дворец Правосудия, собор Сан-Мишель, Королевский Дворец, Парламент.

Второй день был посвящен двум старинным городам Генту и Брюгге. В центре Гента - музей археологии и изящных искусств; замок графов Фландрских, собор св. Бавона, городская башня, Ратуша, Дом свободных корабельщиков, много церквей.

Город Брюгге недалеко от моря. Соединен судоходными каналами с морем и другими городами.

Развито производство кружев и текстильная промышленность. Внешне - это средневековый облик: все дома готического стиля.

Достопримечательности: Суконные ряды, Ратуша,

собор Сант-Сальотор, Музей, Картинная галерея. За недостатком времени все это мы посмотрели только снаружи, редко заходя на минуточку вовнутрь.

Из Бельгии прямым поездом через Льеж в Германию в гор. Кельн. Нас по дороге поразила густота железнодорожных и трамвайных путей. Впечатление такое, что все заселено. Трудно отличить, где кончается городок и начинается новое село. Здесь самое густое население Европы. почти рядом.

На границе проверка документов. Персонал меняется. Входят немцы. Сразу же в туалетный вагона появляется мыло и полотенце. Я спросил директора: это зачем? Тот ответил: такой порядок, но никто этим пользоваться не будет. Все имеют свое".

На железнодорожных станциях Германии безукоризненная чистота. Попадается много военных, коих я не наблюдал в других странах, нами посещенных. Сразу почувствовал, что это какая то - особая милитаристическая страна.

А вот и Кельн - древнейший город Германии, основанный еще в 1 веке до н.эры. В 1912 году 450 тыс. жителей, крепость, обширная промышленность. По имени этого города происходит слово "одеколон" = по французски "вода Кельна". Имеет выгодное географическое положение: порт на Рейне, вблизи Рур.

Нас, конечно, больше всего интересовал собор (1248-1560). Его длина 144 метра, высоты 157 метров.

Увидели всех животных мира.

Долго, долго мы его наблюдали и изнутри, и снаружи.

Но в Кельне оказалось еще несколько достопримечательностей: церкви Апостель-кирхе, Сант-Мария и др., а также Ратуша, башня, Цейхгауз.

В Кельне решили познакомиться с Руром - сердцем германской промышленности. Там очень много крупных городов. Но нам посоветывали Дюсельдорф, как самый близкий и чистый (остальные, мол, закопчены). Поехали туда. Это почти рядом.

Дюсельдорф (в 1912 - 160 тыс. жителей). Родина Гейне. По дороге попадались города с трубами, много дыма. Но сам Дюсельдорф на Рейне с красивыми широкими улицами, парками, скверами.

Из достопримечательностей: церкви Санкт-Гамбюртус и Санкт-Андреас, Замковая башня. Дом фирм Маннмана.

Вернулись в Кельн и поехали в Гамбург на Эльбе.

Этот город (в 1812 году имел 885 тыс. жителей). Это главный морской порт страны.

Мне сразу вспомнились: Роттердам, доки Лондона. Сильно развита морская торговля и судостроение. Много самых разнообразных заводов - и самый знаменитый зоологический сад Гакенбекка, продающий диких животных во все страны мира, в том числе и в Асканию-Нова.

В средние века, во времена Ганзы он был самым главным его городом. Гамбург всегда был "морскими воротами Германии".

Достопримечательности: оперный театр, музей художественный и этнографии, зоопарк, который мы и посетили.

Увидели всех животных мира.

Из Гамбурга поехали в Берлин (2,150.000 жителей в 1912 году).

После Лондона, Парижа и Брюсселя он мне не понравился, о чем директор Пфейфер меня и предупредил. Действительно: вид казарменного города, всюду конная и пешая солдатчина, очень вымуштрованная, много часовых, много полицейских. В ресторанах, пивных, которых так много, тоже военные. Офицеры на гражданских смотрят свысока и холодно-вежливы.

Немцы, с одной стороны, чрезвычайно трудолюбивы, любят чистоту, дисциплину, порядок, но очень самоуверенны, деспотичны, требовательны до мелочей, педантичны. Мужчины часто грубы, лезут иногда в вагон напролом и очень крикливый у них голос, для меня чрезвычайно неприятный.

Женщины скупые, сварливые и большие сплетницы. И ни одной красивой, хотя среди мужчин попадаются красавцы. Берлин, да и вся Германия, мне представилась, как большая казарма. Чиновники (а их можно узнать по красным кантам) большие педанты.

Дети сдержаны, в них нет ни русской, ни французской резвости. Студенты ходят в особых шапочках. На щеке у многих шрамы. Это значит, дрался на дуэли. Это особо почитаемые немцами студенты. Директор мне все же намекнул: не все они дрались на дуэли. Многие сделали специально себе операцию. Конечно, он сам, как немец, хорошо об этом был информирован.

Все сказанное бросилось мне в глаза в первый же день. А в последующие три дня только ежедневно подтверждалось.

Главная улица Берлина "Унтер ден Линден" "под Липами" заканчивается Бранденбургскими воротами, за которыми громадный сад Тиргартен. На этой улице лучшие магазины, рестораны и бесчисленное множество пивных. Военных примерно столько же, сколько и гражданских лиц.

В пивных всегда народу много. Немцы очень любят пиво и сосиски. Много курят. Офицеры в пивных держат себя бесцеремонно. Они привыкли, чтобы им всюду уступали места.

Тиргартен очень большой и прекрасный парк. Безукоризненная чистота, много озер, скамеек, отдельных рощ. Когда я был в северных странах, я никогда не видел на улице целующихся молодых людей, также как и в России. Впервые это я увидел в Париже в конке и в садах. Оказывается, и в Берлине тоже целуются в Тиргартене открыто: жених и невеста. Берлинцы особенно любят Тиргартен. Там часто бывает в 3 часа дня их император Вильгельм II.

Первый день мы посвятили Унтер-ден Линден, второй Тиргартену, последующие дни осмотру города, хотя, откровенно говоря, таких достопримечательностей как в Париже, Лондоне, Брюсселе и Стокгольме, в Берлине нет.

Мы осмотрели пешком, не торопясь (только военные ходят быстро, немцы-же граждане медленно) следующее: Оперный театр (кстати, немцы очень любят музыку и дали

миру много композиторов и музыкантов), Университет, Старый музей, Рейхстаг, две готические средневековые церкви, Драматический театр, а также Моабит, Штандау и окрестности: Сан-Суси.

Вечером 29 июля директор заявил, что осталось посмотреть по плану два города: Лейпциг и Дрезден. Но мы до 1.УШ. не успеем. Какой смотреть из двух? Я ответил так: "ни тот, ни другой". Вы уже ранее в них были, а по планам, фотографиям и текстам я прекрасно знаю, что там увижу. Давайте посмотрим то, что редко кто смотрит, а географу это нужно до зарезу, т.е. по дороге домой заедем в город Бауцен, где умер и похоронен в 1813 г. Кутузов. Это, так сказать, столица "луизицких сербов", которые в последние годы подверглись сильной германизации. "Пфейфер со мной согласился и даже ударил себя по лбу, как это он сам не догадается посмотреть.

"Исчезающий славянский народ, единственный в Германии, посмотреть". Объявил мне "из Вас будет хороший географ".

На следующее утро поехали в Бауцен (Будишин ныне). Лица не совсем немецкие, но говорят на немецком языке. Решили нанять извозчика и поехать в ближайшие 2 села. Тут уже кроме немецкой речи, услышали и славянскую, мало похожую на польскую. Откровенно говоря, ничего не поняли. Зашли в дом. Дом из дерева, сени, далее кухня. Влево комната большая, в ней живут зимой, вправо другая, живут здесь летом. И почти все такие дома. Лица невыразительные, как и у наших белорусов. Женщины одеты в

белую рубашку, черную безрукавку и темную юбку. На голове чепец темный, завязанный под подбородком. Очень приветливо встретили, узнав что мы из России, специально приходили к нам узнать как они живут. Сами себя они называют сербами.

Оттуда мы вернулись в Берлин и сели на поезд Берлин-Варшава.

На границе у Калиша пересели на другой поезд (другая, более широкая, у нас была колея).

Через несколько часов приехали в Белу. Дома были несказанно рады и все время расспрашивали, что видел, какой народ, как живут, где лучше, там или у нас. Я уклончиво отвечал, что в 15,5 лет трудно давать характеристику людям, тем более что я, не зная языков, был на положении глухонемого. Но то что видел запечатлелось на всю жизнь. А внешнее впечатление о людях таково, что северные народы живут лучше, чем в забитой Царской России. Они все трудолюбивы, энергичны, честны, но слишком меркантильны, все они "Чичиковы, Коробочки"; Маниловых там нет. Только в Лондоне в Ост-Инде нишета хуже нашей. И наши русские люди как-то сердечнее, гостеприимнее и сострадательнее.

Вот такое впечатление лично создано у меня. А соответствует ли оно истине — судите сами. А на вопрос, а что же больше всего понравилось? ответил: из городов Париж, из народов норвежцы, а из стран Голландия".

Дома советовали виденное описать. Я это сделал, но во время 1-й Мировой войны записки затерялись.

Через два дня по приезде я пришел к директору на квартиру узнать, как он себя чувствует. Пфейфер вновь предложил: следующим летом поехать по южным странам Европы, примерно, по такому маршруту: Одесса, Константинополь, Афины, Неаполь, Рим, Барселона, Мадрид, Марсель, Ницца, Генуя, Милан, Венеция, Триест, Загреб, Белград, Бухарест, Одесса. Я с радостью согласился. Он обещал достать все карты, маршруты, фотографии, но попросил составить вопросник с ответами из 15-20 фраз на турецком, греческом, итальянском, испанском, сербском, болгарском, румынском языках и выучить наизусть на тот случай, что, если, не дай бог, придется отстать или заблудиться, чтобы можно было добраться по заученным фразам до ближайшего русского консульства, адреса которых к лету 1913 года будут уже известны.

Я начал искать самоучителя этих языков. А относительно турецкого договорился с нашими пекарями-турками, чтобы меня научили нескольким фразами.

В нашем городе была случайно пекарня, открытая турками.

Хуже всего было с греческим. Старо-греческий я изучал. Наша гимназия была классической. Но это не то, что надо было. Нынешние греки говорили на другом языке.

Во всяком случае к июню 1913 года, я, учитывая уже имеющийся опыт, считал себя более-менее подготовленным и волновался меньше, чем в первую поездку. Да и повзрослел: как-никак, 16 с половиной лет.

Директор гимназии тоже не дремал.

Надо было заранее до июня подготовить заграничные паспорта в разные страны. Узнать расписание пароходов, в основном из Одессы греческих пароходов, т.к. путь речной, на нем всегда делал остановку наша крымская линия и дружина, направлявшаяся в Петербург. Из-за обилия связей пароходы "Эвбеяны".

К июню у него было все готово.

Кроме обычных фотографий и описаний, он приобрел маршрутные карты с обозначением расстояний, кое-какие рекомендации, бинокль, чего раньше у нас не было. Последний принес нам большую пользу.

Директор списался через Одессу с каким-то греческим пароходством, чьи пароходы ежемесячно делали рейсы Одесса-Варна-Стамбул-Пирей - Мессина-Неаполь, перевозя пассажиров, туристов и грузы.

15 июня 1973 года мы были уже в Одессе и отправились в путь, по дороге любясь панорамой уходящей от нас Одессы.

На душе было, правда, тоскливо и боязно: как-никак, оторваться от родины на полтора месяца в такие далекие страны. Особенно почему-то пугала Испания.

На пароходе мы познакомились с несколькими семьями, ехавшими на лето за границу, в основном в Италию. Это были интеллигентные семьи из Киева, Петербурга, Москвы, но, главным образом, из Одессы. Мы были рады, что теперь мы не одиночки, как в прошлом году, а имеются попутчики соотечественники.

Всю ночь я провел беспокойно.

Утром 16.У1. с палубы был ясно виден остров Змеинный с высокими скалистыми берегами в 37 кил. от дельты Дуная. На нем всегда делали остановку наши киевские князья и дружины, направлявшиеся в Царьград. Из-за обилия змей назвали "Змеиным".

Иногда наш пароход заходил в Констанцу, если были там пассажиры и грузы, но на сей раз ни того, ни другого не предвиделось и мы поплыли дальше. Ехали день, ночь и прибыли в болгарский порт Варну. Кстати, из Одессы в Варну ехало несколько болгар - жителей Варны. Так как в Варне пароход стоял весь день, мы попросили наших попутчиков-болгар показать нам город и окрестности. Попутчики оказались большими патриотами. Они, обычно медленные, флегматичные, на сей раз с огоньком в глазах, рассказали богатую историю своего города.

Ему 2,5 т.лет. Основан в V веке до н.э. и 1100 лет назывался Одессос (откуда и название Одессы) и только с VIII и все грамотки, живут патриархально. Когда входи III века стал Варной.

Это третий по величине город Болгарии, порт, курорт. В свое время несколько раз осаждался русскими войсками и последний раз в 1828 году.

Это и рыболовецкий город, и судостроительный и основной их морской порт. Почти все население связано с морем. Но так как ему 2,5 т.лет (современник Арин) у него много памятников старины (Римская башня, Театр, здания минувших веков.

Во время длительной стоянки, все эти милые болгары нам показвали, тем более что город небольшой, и по нашей

просьбе познакомили с жизнью болгар-селян.

Мы съездили в ближайшие два села.

Болгары коренасты, среднего роста, смуглы, иногда на лицах проглядывает что-то татарское. Все они православные, живут как у нас на Украине, в глинобитных домах, покрытых соломой. Двор всегда большой, просторный. Мебель делают сами. Кроватей нет, есть сбитые доски для постелей. Стулья, столы самодельные. Подобно нам, русским и румынам, много едят хлеба. На обед фасоль, чечевица, "качанок" - густая каша из кукурузы. У тех, кто побогаче, свинина, баранина и обязательно кислое молоко, дающее болгарам завидное долголетие. В одной лишь Болгарии столетних стариков больше, чем во всей остальной Европе.

В чем мы сами убедились.

В Болгарии (1912 г) нет промышленности, ^{Всего лишь} нет совершенно помещиков. ^{Есть} только селяне ^и интеллигенция, ^и главным образом, учителя. Школьное дело поставлено хорошо и все грамотны. Живут патриархально. Когда входит отец в комнату, все встают. Чрезвычайно трудолюбивы. Особенно любят огородничество, садоводство. Розы у каждого дома. Очень любят русских.

Мы остались в восторге от всего виденного за один день.

Когда мы вернулись на пароход и все рассказали - нам посоветывали: вы так хорошо знаете Болгарию, что на обратном пути уже не заезжайте лучше с нами подолгу побудьте в Италии.

Мы согласились. Вечером мы тронулись дальше.

Ехали всю ночь и утром мы увидели водную щель с возвышенными берегами по бокам, на которых виднелись высокие башни маяков. Это был Босфор - граница между Азией и Европой. Этот пролив длиной около 28 километров, ширина его от 750 метров до 3,7 км. Напоминает реку. Его берега вначале неинтересны, лишены растительности.

Первое большое селение справа - Румели-Кавачи. Сразу видно, что мы в Турции - видны минареты. Далее за ним поселок Бюк Дерё, принадлежащий русскому посольству - мраморный дворец, построенный еще при Екатерине II, вот когда особенно понадобится билетик. *Е. И. И.*

Пролив начал сужаться. Слева выступают стены пятибашенного турецкого замка, построенного еще в 1390 г. В центре его черная башня - "Кара-Куле", где в свое время погибло много византийской знати.

Перед Стамбулом пролив стал шире. Справа огромный мраморный дворец Дольче-Бахче - резиденция султанов. В нем тронный зал, самый большой и красивый в Европе. Для него наш И. К. Айвазовский написал более 30 картин.

Далее предместье Фундуклы. За ним столица Стамбул, а слева, на азиатском берегу, Скутари, в нем самое большое кладбище в мире и все в садах. Перед впадением в Мраморное море Босфор образует справа залив "Золотой Рог" длиной в 11 км. С моря Стамбул сказочно красив. Основан в 658 г. В 1912 г. 150.000 жителей. Расположен на возвышенности, он среди моря дворы и крыши усеян белоснежными, тонкими, как свечки, минаретами ме-

четей. Среди садов много дворцов, а еще выше старинные стены древней Византии. Этим стенам уже более 1000 лет, тянутся на 16 километров и имеют 400 башен.

У "Золотого Рога" мы и остановились. В нашем распоряжении был весь световой день. А посмотреть здесь есть что.

У "Золотого Рога" расположилась "Галата" - это торговый центр города, выше "Пера", где посольства, консульства, лучшие магазины, театры, издательства. Самая главная улица Истекляль - на ней слышна иностранная речь. Здесь много немцев, англичан, французов, греков, армян, желтокожих и даже чернокожих.

Город сугубо интернациональный, но кроме улицы Истекляль все остальные грязные, особенно в старом городе, где расположен чуть ли не самый большой на планете базар. Поэтому все русские держались вместе, чтобы не растеряться. И тут тоже первую скрипку играют не турки; в лавках хозяева, в основном, греки и армяне. Они виртуозы по приглашению в свои лавочки, чуть ли не насильно втягивают покупателя к себе. Кстати, тут же за дверью они и живут.

Турки же более солидны, медлительны, мечтательны и флегматичны. Они не ввязывают; более того, сидят на стульях и поднимаются только тогда, когда вы пальцами указали на вещь, которую хотите купить. Тут же на базаре мастерские, особенно много кожевенных, оружейных (холодное оружие), кузниц. И даже в кузнице работают не стоя, а сидя. Ужасно ленивый народ и грязный, особен-

что в высоту, что в ширину одно и то же.

Чрезвычайно много бездомных собак. Вот теперь и вспомнил я, как дома говорили "много, как собак в Константинополе". Все они тут на улице живут, рождаются и умирают. Злы и имеют ужасный вид: то хвоста нет, то глава, то бока, то вся в паршах.

Но главное, что мы все хотели увидеть - это Аия-Софью. Самую красивую мечеть в мире или Голубую мечеть, что, говорят, еще красивее.

Благодаря взятке удалось туда проникнуть. Когда-то построенный в 537 году императором Истинианом этот собор Аия-Софья долгие века считался "чудом мира". Сюда со всех концов мира свозили золото, серебро, слоновую кость, драгоценные камни и мрамор. Строили его 10 тыс. рабочих пять лет.

Действительно такого богатства, такой роскоши и красоты я еще не видел. Долго мы в нем не пробыли, боялись чтобы нас не разоблачили, как не магометан, но то что мы увидели в течение 15-20 минут не забудется до самой смерти.

Осмотрели снаружи Голубую мечеть, бывший храм Св.Ирины, превращенный в Оружейный музей, Оттоманский Археологический музей с гробницей Александра Македонского.

Усталые, измученные, умирающие от жары, но все же счастливые всем увиденным, мы вернулись к назначенному сроку на пароход и поплыли дальше в Афины. Слева Принцевы острова. Их 9, из них 4 обитаемы. Название

красивое, но связано с трагедией, сюда ссылали сверженных султанов, их сыновей, жен, дочерей на вечное поселение - до их смерти.

Уже стало совсем темно, когда мы проехали остров "Мармара", давший свое имя морю. Он весь из мрамора. Из него построены все мечети, памятники и надгробия Стамбула. А длина моря около 280 километров, ширина около 80 кил. Мы его прошли ночью.

На следующий день вошли в Дарданелы. Это узкий извилистый пролив. Его длина 65 кл., ширина от 1,3 до 7,5 км. Справа, на европейском возвышенном берегу, город и крепость Галиполи, пушки которой смотрят на пролив. Слева, на азиатском берегу, города Чанак-кале. Здесь узкое место: 1 км. 310 м. В свое время здесь Байрон переплыл Дарданелы, а персидский царь Ксеркс 2,5 тыс. лет тому назад навел мост из судов для переправы своего войска из Азии в Европу. Сам пролив далеко не живописен: растительность почти отсутствует. За Дарданелами Эгейское море, названное в честь царя Эгея. Все внимание налево на остров Тенедос, расположенному напротив малоазийского берега, где находилась знаменитая "Троя", ^{воссозданная} описанная слепым Гомером. Тут же возникла легенда о змеях, удушивших Лаокоона и его сыновей, статую которым чуть позже я увидел в музее Ватикана.

Весь пароход заговорил о подвиге археолога Г. Шлимана раскопавшего тут в 1871 году Трою.

Вспомнил я своего отца, который обожал т. Шлимана, считая его самым умным человеком в мире, выучившего по

выработанному им же методу 14 иностранных языков, человека - немца по рождению, американца по паспорту, русского по деньгам и грека по призванию.

Через четыре дня я уже был на его могиле в Афинах, где стоит памятник с прекрасной надписью: "Спи спокойно; ты сделал достаточно". Действительно, он сделал более чем достаточно. Весь мир знал о Трое в течении нескольких тысячелетий, но никто не знал, где она. И вот в 9-ти летнем возрасте, голодный, в старом костюмчике Генрих Шлиман, узнав о Трое, дал слово ее открыть. Благодаря своему уму, энергии из ничего он делается миллионером и все свои миллионы тратит на открытие Трои... и открывает ее. И после германского императора, Бисмарка является третьим лицом по своей популярности в Германской империи.

Далее слева остров Лемнос, еще дальше остров Лесбос, а еще дальше справа остров Скирос, где жил герой Троянской войны Ахилес, а уже совсем далеко от греческого материка длиннейший остров Греции Евбея, где умер Аристотель.

Теплоход огибает с юга мыс Сунион, поворачивает на север и после трехдневного путешествия (после Стамбула) прибывает в порт Пирей - предместье Афин.

В порту нас встречают таможенные власти и полиция. Проверка документов. Город Афины в 8 километрах. Один из древнейших городов мира. В 1913 году 115 тыс. жителей. Едем по улице Перикла. Мы все просим возчиков остановиться в ближайшей гостинице: хотим в дальнейшем все

осмотреть пешком сами.

Греки - величайшие коммерсанты мира. Они "все знают, все могут".

В гостинице, где мы остановились на три дня, договорились с маклерами, что за эти три дня они купят билеты для всех русских от Пирея до Неаполя. Кроме меня и директора, все на какое-то время остались в гостинице. Мы же чуть не бегом к главной своей цели всей поездки - к Акрополю.

Благо самые подробные карты на руках. Должен сказать, что в качестве туристов были не мы одни. Таких было очень много, в том числе и из России. Да и сами греки считали своим долгом знать несколько иностранных языков.

Мы пошли дальше на восток, миновали площадь Конституции и старый дворец, где сейчас парламент. Справа - старый город с Акрополем. Слева - новый город с Академией, Университетом, Королевским дворцом, прекрасными кафе, банками и посольствами, в том числе и русскими. Но мы все это оставили на завтра.

А вот и Акрополь - 50-ти метровый скалистый храм. Проходим через Пропилеи с мраморными колоннами по бокам, построенные в 438-437 гг до н.э., - ступеньки, по которым 2,5 тыс. лет тому назад проходили Перикл, Фемистокл, Демосфен, Сократ, Платон, Мильтиод, Александр Македонский ...

Мои колени дрожали. Входим на холм. Слева удиви-

тельное по красоте строение - Эрехтейон, далее в глубине холма "Парфенон-величественный Парфенон, сооруженный 447-438 гг до н.э. Иктином и Калинкратом под руководством Фидия.

Афинский Акрополь, где воедино слита архитектура и скульптура, является недостижимым образцом в течение многих веков. Это высшее достижение длинного гения.

Но в 1687 году во время осады венецианцами Афин (они принадлежали туркам) одна из бомб попала в Парфенон, который турки превратили в пороховой погреб.

Многое было разрушено.

А в начале XIX века шотландский лорд Эддхин обобрал Акрополь и на нескольких судах вывез в Англию и за 30 тысяч фунтов стерлингов продал бесценные сокровища Акрополя английскому правительству. Сейчас они находятся в Британском Музее.

У самого подножия Акрополя находится театр Одеон, а ниже Акрополя находится холм Пникс. На его плоской вершине не раз в древней Греции решалась судьба мира. Здесь выступали Перикл и Демосфен. Здесь гремели призывы, проклятия и напутствия на подвиги.

На соседней возвышенности было место верховного судилища - Аэропаг.

Ничто сейчас не напоминает о том, что здесь был осужден в тюрьму победитель при Марафоне Мильтиад и приговорен к смертной казни Сократ.

При возвращении в гостиницу еще посетили храм Тессея. Он полностью сохранился.

Очень усталые, голодные, пропитанные потом мы вернулись в гостиницу. Но в душе мы были счастливы.

На следующий день решили с раннего утра опять посмотреть Акрополь, а затем весь город. Осмотрели очень, очень подробно, тем более что нашлись люди, которые уже здесь были не раз и все прекрасно знали (повидимому, археологи).

Во второй половине дня осмотрели старинный Королевский дворец (ныне парламент) с прекрасным парком, Афинский Университет, рядом Академия Наук, вход в которую украшен статуями древних философов. Рядом национальная библиотека, богатейший национальный музей, экспонаты которого пользуются мировой славой, новый королевский дворец, перед которым стоял рослый часовой в аллой феске, в белых в обтяжку брюках и в черных огромных туфлях.

Третий день был посвящен окрестностям с целью узнать, как живут крестьяне. Был нанят специальный извозчик.

Гористый рельеф страны не дает возможности обрабатывать землю в больших количествах; крестьянские участки небольшие. Поэтому упор на цитрусовые, маслины, виноград, что выгоднее. Где можно, сеют пшеницу, разводят табак. Неудобные земли (а таких большинство) идут под пастбища для овец и коз. Сильно развито рыболовство (ловят неводом), а также ловля губок. Многие занимаются гончарством, кузнечным делом, прядением, изготовлением сувениров для туристов.

Очень многие работают на кораблях. Греческий флот по тоннажу 5-й в мире.

Излюбленная еда: фасоль с оливковым маслом, чесноком и лимонным соком, помидоры, горох. Много употребляют рыбы, сыр, кислое молоко.

По своему внешнему виду они никак не напоминают своих предков. Ни греческого носа, ни профиля и в помине нет. Напоминают турок и армян. Очень любят коммерцию, маклерство, всякие сделки. Живут бедно, много нищих; особенно много детей, просящих подаяние и беспардонно, навязчиво предлагающих купить губки или воду для питья. Считают, что туристы богаты и с них можно содрать втридорога.

Если посмотреть на их жилища издали, то они всегда громоздятся на склонах гор и производят живописное впечатление. Но на самом деле улочки кривые, грязные, дома сделаны или из камня или из самана. У более богатых дома двухэтажные из дикого камня: внизу скот, сверху квартира, вход в которую по внешней лестнице.

А в горах домики из необработанного камня. Они покрыты крышей из ветвей и соломы, обмазанной глиной. На полу солома, иногда ковер. Подушки — это мешок с травой.

В конце третьего дня посетили кладбище, где похоронен Шлиман. Я машинально перекрестился. Ко мне подошли какие-то люди и задали вопрос. Я его не понял. Они опять задали его на их другом языке. Наконец директор мне разъяснил: они спрашивают, кто Вы и почему вы перекрестились на могиле Шлимана. Не являетесь ли

вы его родственником?

Я просил Пфейфера перевести: "Я ему не родственник, сам же я русский. Я перекрестился у его могилы просто из глубокого уважения к этому человеку, т.к. как-нибудь иначе выразить свое уважение я не мог. Я ведь пришел с пустыми руками: ни цветов, ни венка у меня не было".

Ответ мой им понравился.

Утром мы выехали в Италию.

Во второй половине Дня проплыли мимо знаменитого острова Милоса, где однажды крестьянин, пахавший землю, напоролся плугом на что то твердое. Раскопав ямку, обнаружил гениальное творение человеческого ума - статую Венеры, которая по острову получила название Милосской. Теперь она стоит первой от дверей в Лувре в музее в Париже. Год назад я ее видел.

Далее - море, море и море ... Ионическое море, названное греками по имени возлюбленной бога Зевса Ио.

Двое суток длилось наше путешествие.

Появилось сразу два берега: слева Сицилия, справа Итальянская Калабрия.

Все вооружились биноклями. На Сицилии вулкан Этна дымил, а справа Калабрия нас встретила суровыми скалистыми берегами. Едем по Мессинскому проливу и прищвартовываемся к пристани Мессина (в 1912 году 160 тыс. жителей).

4,5 года тому назад 29-го декабря 1908 года землетресением превращен в груды развалин.

Пять русских кораблей ("Слава", "Цесаревич", "Адмирал Макаров", "Богатырь" и "Олег") находившиеся поблизости, спешно прибыли в Мессину и наши матросы буквально руками разгребали развалины и вытаскивали раненых.

День и ночь работали моряки и спасли от смерти более 700 человек.

Итальянское правительство выбило специальную медаль об этом и подарило эти медали спасавшим морякам.

Когда мессинцы на пристани узнали, что на пароходе есть русские, к нам подошли какие-то граждане и сердечно, напомнив о минувшем, пожали нам руки.

Из Мессины поплыли на север и через ночь уже приблизились к району Неаполя.

Впереди перед Неаполитанском заливом виден скалистый остров Капри (9 тыс. кв. мил., жителей в 1912 году 4,5 тыс.).

Когда мы подъезжали к Капри, все заговорили о М. Горьком: вот где-то здесь он с 1908 года жил, преследуемый царским правительством, вторично пытавшимся его посадить в Петропавловскую крепость.

Справа в глубине Салернского залива гор. Салерно, а напротив Капри на выступе г. Соренто.

Проехав мимо Капри и Соренто, пароход вошел в Неаполитанский залив. Его ширина 30 кил., глубина 22 кил. Впереди неопишуемая картина. Я сразу вспомнил фразу из учебника: "Посмотри на Неаполь, а потом уйди".

Неаполь (в 1913 году 650 тыс. жителей) живописно

расположен на холмистых берегах Неаполитанского залива, основан в III веке до н.э.

Первые пришельцы назвали его новым городом, по нашему Новгородом.

Справа вечно дымящий Везувий. Город известен всему миру. Конечно, без Везувия он выглядел бы не так красивым. Его ежегодно посещают несколько миллионов туристов. Здесь Брюлов рисовал картину "Последний день". Здесь жил и работал художник Кипренский. Здесь рисовал свои картины И.К.Айвазовский, отсюда и началась его мировая слава. Четыре месяца здесь жил Н.В.Гоголь, был здесь А.И.Герцен, Чернышевский, Бунин и упомянутый выше М.А.Горький.

Мы, после того, как устроились в гостинице, решили все вместе через туристское бюро осмотреть Неаполь, Помпею, Салерно и Соренто, что касается Капри, то мы его, можно сказать, уже объехали и хорошо рассмотрели.

Туристское Бюро имело свой омнибус, где можно было разместить около 25 человек. В омнибус было впряжено четыре лошади.

Начали с муниципалитета, что недалеко от морского порта. Здесь же высится древний замок "Кастель-Нуово", где когда то жили короли, правившие Неаполем. Вблизи интересные здания: Королевский дворец, театр, галерея Умберто 1. Перед воротами дворца два бронзовых коня, точная копия петербургских на Анничковом мосту. Это дар Николая 1 неаполитанцам.

Отсюда поехали по центральной улице Корсо Умберто.

На ней расположен Университет, основанный в 1224 году. Далее нам показали величайший в Европе Археологический Музей, где имеются скульптуры с V века до н.э. и предметы найденные при раскопках Помпей, а также картины Рафаэля, Тициана и др.

Поехали на набережную - это бульвар, покрытый богатой растительностью. Тут мраморные статуи Виргилию, поэту Тассо. Тут же у берега знаменитый Аквариум, где собраны представители фауны и флоры Средиземного моря.

Нам показали несколько красивых церквей, фонтанов и зданий. По нашей просьбе нам показали беднейшие кварталы Неаполя. Здесь ужасная нищета. Люди живут, работают и даже спят на тротуарах. Двери и окна домов здесь настежь открыты: все видно что творится дома.

На этом закончилась экскурсия по городу.

На другой день решили поехать в Помпею, а на третий в Салерно и Соренто.

Победали мы с директором отдельно от всех в рабочей части города, чтобы лучше ее узнать.

Поскольку Преффер знал итальянский язык, нам легко было по вывескам найти столовую и решили победнее. Знали мы и то, что национальное блюдо макаронны, но готовить из них итальянцы умеют разнообразные блюда, как никто. Первое блюдо был макаронный суп, но в этом супе было что-то придававшее ему особый такой вкус. На второе тоже макаронны, но с мясом (рагу) и томатным соусом и еще какие-то специи. Некоторые пили еще и вино.

После обеда мы бродили по улицам Неаполя, изучая

живнь неаполитанцев. Много нищих, много мальчишек, выпрашивающих подаюние. У них особый нюх на иностранцев и несмотря на нищету и бедность, громадная разница по сравнению с лондонским Ист-Эндом: все весело, всюду слышится пение.

В городе много кафе и трактиров. По вечерам в них порядочное количество людей, но все одни мужчины. Мы вернулись в ту же столовую. Заказали то, что и другие посетители: винегрет и сыр. Это не Голландия, но сортов сыра видимо-невидимо.

Вечером, когда мы легли спать, долго не было покоя: за окнами было слышно пение, звуки гитары и мандалины. Правда, окна были открыты, а в июле в Неаполе жарко.

Утром поехали на юг, в Помпею.

Дорога проходила мимо подолвы Везувия, диаметр которой 16 километров, и подходит к самому морю. О Помпеях известно, что это был цветущий город, имевший более 20.000 населения. В нем находились дачи Цицерона, Помпея, Цезаря, Нерона, Плиния Старшего и др.

10. VIII. 79 г. в час дня взметнулось пламя, задрожала земля, черный столб пепла поднялся к небу. Из вулкана стали лететь раскаленные камни, пробивавшие дома и наводившие своим грохотом ужас на жителей. Начиналось землетрясение. Падали колонны, статуи, дома шатались. Разразился страшный ливень. Пепел с дождем образовал горячую грязь, которая заполняла дома.

Так продолжалось три дня.

Раскопки показали, что погибших было около 500 человек. Полагают, что большая часть населения покинула город. Все это подробно описано государственным деятелем Плинием Младшим, очевидцем катастрофы, причем его дядя поэт Плиний Старший погиб.

Раскопки показали как жили римляне, в каких домах, какие у них были фонтаны, какие учреждения, какие у них были врачи, чем они оперировали; какое оружие было у гладиаторов, каков был цирк и т.д.

Это заняло весь день.

На третий день чуть свет поехали в Салерно, который приютился на северном берегу уютной бухты, находящейся южнее Неаполитанского залива.

Возник этот город повидимому тогда, когда и Помпея. В XI веке он получил мировую известность, как центр медицинской науки, влияние которой продолжалось много веков.

В том же веке в нем был построен храм, сохранивший свой облик до сих пор. Рядом фонтан. Из Салерно через город Амальори, где поставлен памятник изобретателю компаса Флавию Джойя, мы поехали в Соренто. Это бывший курорт древних римлян. Здесь чудесный климат и чудесный вид на о. Капри, на Неаполитанский залив и на Везувий. Из-за живописного вида кто тут только не был: Вагнер, Байрон, Беннмор Купер, Вальтер-Скот, Ибсен, Верди, Оскар Уайльд, Стендаль, Чернышевский, Тургенев, М. Горький, Кипренский, Айвазовский. Нам показали дом, где родился Торквато Тассо, городской музей и развалины античных храмов.

Всюду раскрытые окна; всюду музыка и пение.

Это самое красивое место в Италии. Недаром это слово "Соренто" в переводе означает "улыбка".

Далее, не останавливаясь, наш омнибус проехал через Торедаль Грено и Торе-Анупунать в Неаполь.

В Туристском Бюро опять вместе с русскими-туристами договорились о поездке поездом в Рим, Флоренцию, последующем возвращении и поездке морем в Испанию в город Барселон (от слова каталонский) - эрмитаж Блаженный, построенный в 30 году до н.э. Размахом 195 м на 156 м и высотой 45 м. Имелось около 90 статуй, статуя Аполлона найдены в 1500 году статуя Рафаэля, статуя Аполлона.

Выехали рано утром следующего дня.

С нами в вагоне ехали и экваторированные, как всегда, итальянцы, и суетливые греки. Сперва проезд шел параллельно морю по равнине по полям Кампанья. Из окна вагона как на ладони видны поля под пшеницей, кукурузой, картофелем, клубникой и виноградом. Крестьяне, мужчины и женщины, в черном, все с серпами в руках. Бросается в глаза, что крестьянские участки очень мелкие. По дорогам ослики ташат на спине в корзинах грузы.

Местность постепенно становится холмистой. На их склонах множество не то сел, не то городков. Из окна вагона видны остатки старинной Аппиевской дороги и остатки акведуков.

А вот и Рим "вечный город" - заветная мечта туристов.

Мы поехали в город и остановились в гостинице на главной улице "Корсо".

Для того чтобы изучить Рим нужны, конечно, месяцы

а не три дня, кои мы себе отпустили. Ведь древнейший Рим был в несколько раз больше теперешнего и имел 2 миллиона жителей (сейчас в 1913 году 475 тыс.).

Здесь прекрасное Туристское Бюро, план города с изображением памятных мест. Нас, конечно, больше всего интересовал Собор Св.Петра, Ватикан, Колизей, Форум, древние и средневековые памятники.

За три дня мы успели посмотреть следующее: Колизей (от слова колоссальный) - амфитеатр Главиев, построенный в 80 году до н.э. Размеры 195 м на 156 м и высота 48,5 м. вмещал около 80 тыс. жителей. Здание 4-х ярусное. В настоящее время сохранились лишь грандиозные развалины. Здание предназначалось для гладиаторских боев и зрелищ.

Далее, Ватикан - столица католического мира, папское государство имеет 44 га, 11 тыс. комнат и населения 1000 человек. Охраняется швейцарами, одетыми в старинные формы. Здесь богатейший в мире музей: группа Лаокоона, найденная в 1506 году статуя Рафаэля, статуя Апполона Бельведерского, Сикстинскую капеллу Микель-Анджело с картиной "Страшный Суд" (1541). А самое главное в Риме - это Собор Св.Петра, построенный в 1628 году.

Зодчие: Брамант, Рафаэль, Микеланджело, Бернини. Это самый большой в мире собор. Длина 211,5 м., ширина 42 м., высота 141 м. Площадь 15.000 кв.метров. Может вместить 87 тыс. молящихся. Поражает своим богатством и роскошью. С правой стороны алтаря сидящая бронзовая статуя апостола

Марианна Бовелла, капеллу Мадонны с гробницами дома Медичи;

Петра - самая главная святыня католиков. Вблизи ниша, где ^{но} покрывается прах Петра.

За эти три дня посмотрели в Риме: Квиринал (издали) - дворец итальянского короля, Пантеон. Это красивое здание, построенное еще в 1 веке. Здесь могилы итальянских королей и Рафаэля. На Капитолийском холме памятник первому королю объединенного государства Виктору-Эмануилу II очень громадный, аляповатый. Отсюда близко Форум - остатки бывшего величия могущественного Рима. Здесь "обломки тысячелетий" (в основном 1-го и II-го веков).

В северной части Форума арка "Септимия Севера", сооруженная в 203 г. н.э., на другой стороне Форума арка Тита. К северу от Форума колонна Траяны высотой в 36,6 мт. (построена в 113 году н.э.). А на другой стороне реки Тибра осмотрели замок св.Ангела (140 г) - усыпальница римских императоров и т.д.

После трехдневного пребывания вечером выехали во Флоренцию, куда прибыли утром.

Флоренция (от слова флоренс - цветущий) - очень красивый город по р.Арно. Много памятников архитектуры, созданных в эпоху Возрождения.

Это город-музей. Здесь мы осмотрели собор Санта-Мария с куполом работы Ф. Брунелески (1296 г); рядом дом для крещения - баптистерий Сан-Джованни с замечательными бронзовыми дверьми; далее палаццо Векньо (1298), здание картинной галереи Уффици.

Проехали мимо "Воспитательного дома" (1419 г) Санта-Мария Новелла, капеллу Медичи с гробницами дома Медичи;

мимо Нодеста, Медичи, Тонди, Стрени и старинные мосты
через р. Арно. Проехали и мимо грандиозного кладбища. К сожалению,
сторож не знал, где могила нашего польского земляка -
композитора Огинского. Да и времени было в обрез. Через
сутки мы вновь оказались в Неаполе и взяли курс на испанский
город Барселону. Но тут нас ждало разочарование. Не было
непосредственного парохода Неаполь-Барселона. Надо ехать
сперва в Марсель во Францию, а потом в Барселону. Итак,
курс лежал мимо островов Сардиния и Корсика с звездами в
город Аяччо. Это заняло более двух суток времени. Этот путь
лежал через пролив Бонифаня. Слева остров Сардиния 21.500 кв. килом.
с 825 тыс. жителей (в 1913 г). Остров горист. С парохода
видно, что телеги там, как на Кавказе, двухколесные
арбы с плотными колесами.

По дороге остановились в гавани довольно живописной
Аяччо, что была справа на остр. Корсика.

Пользуясь остановкой мы целой гурьбой пошли в город
(18 тыс. жителей) посмотреть дом, где родился Наполеон.
Нам показали дом, комнату, вернее пол, где он родился.
Дело в том, что роды были срочные и его мать не успела
дойти до кровати.

На пристани продажа сувениров (в основном виды гавани,
дом Наполеона и его фотографии).

Население говорит больше по итальянски, чем по французски,
хотя остров со времени Наполеона принадлежит Франции.
Да собственно говоря, Наполеон Буона-

парте, по существу, и не француз, а итальянец, точнее корсиканец. Корсиканцы невысокого роста, подвижные, экзальтированные, все в беретках; питаются густой похлебкой-полентой и лепешками из каштановой муки. Много употребляют рыбы.

Народ еще пока дикий. На стене обязательно висит ружье с патронами.

До сих пор имеет место кровавая месть (вендетта).

Через сутки попали в Марсель (в 1913 г., 500 тыс. жителей).

Марсель по величине второй город во Франции. Основан в III веке до н.э.

Напоминает немного Одессу. Громадный порт, ведет торговлю со всей Европой и Востоком. Среди кораблей есть и наши, русские. Это самый большой порт во Франции. Очень много моряков. Обилие выдающихся по архитектуре зданий, в частности Университет (с 1409 г.).

Очень много проституток, сидящих у порога здания, окон. Город сугубо коммерческий и судостроительный.

Поездка по городу заняла меньше дня.

К концу дня тем же пароходом переехали в Барселону. Утром были в Барселоне.

Повидимому, русские редко бывают в Испании, поэтому документы наши проверялись тщательно. Да и директор не знал испанского языка. Кстати, в Барселоне говорят по-каталонски, что совсем для нас было непонятно.

Тут впервые в эту поездку пришлось прибегнуть к помощи русского консульства. Там помогли нам и с гости-

ницей, с ознакомлением города и покупкой билета в Мадрид.

Барселона — самый крупный порт в Испании. Он амфитеатром расположился по побережью залива. Город старинный, дома 4-х-5-ти этажные с большим количеством балконов. Улицы узкие и кривые, много заводов.

Мы осмотрели готический собор (14 века), церковь Санта-Мария (14 век), ренианский дворец (15 век), памятник Х. Колумбу на улице Пасео-Колон.

Каталонцы невысокого роста, плотные, загорелые, часто ссорятся с испанцами. Живущие на окраинах владеют домами сбитыми из досок и имеющими непривлекательный вид.

Национальные блюда — эскуделья: это лапша с бульоном. На второе говядина или свинина. Все они католики. Спустя сутки, через Сарагоссу мы поехали в Мадрид с письмом барселонского консула к русскому послу в Мадриде с просьбой оказать нам помощь в изучении города в Испании. Была также послана телеграмма о нашем приезде и один из сотрудников посольства нас встретил у подъезда посольства, адрес которого был написан по испански на бумажке. Эту бумажку мы вручили извозчику.

То ли потому, что мы не знали испанского языка, то ли потому, что мы вообще устали, то ли потому что в Испании в июле невыносимо жарко, мы чувствовали себя очень скверно.

Но нам в посольстве очень помогли. Долго спрашивали о нашей стране, о тех странах, что мы проехали. Они хорошо устроили нас в гостинице, разменяли деньги

на испанские и были безотлучно нашими экскурсоводами. Они посчитали, что директор гимназии хочет писать учебник географии; поэтому и решил приехать самолично с гимназистом в Испанию.

Так как Каталонию мы уже видели, решили показать ядро Испании - Мадрид, его бывшую столицу Толедо и дали подробную инструкцию о стране басков, которую мы должны были посетить после Мадрида - итого четыре дня.

В день приезда мы никуда не ходили. Осмотрели лишь с балкона на улице и изучали испанцев. Среднего роста, смуглые, с черными волосами, с яркими платьями, особенно у женщин, они не были похожи ни на те народы, что мы уже видели.

Женщины мне почему-то напоминали цыганок. А мужчин не с кем было сравнивать: темные, узкие штаны, куртка на пуговицах, широкий пояс из яркой ткани, на голове шапочка с отогнутыми вверх краями - я еще такой картины никогда не видел. И хотя это был южный народ, но не было ни суетливости, ни экзальтации только виденных народов, а наоборот какая-то гордость, особенно у мужчин. Даже выходящие из таверн-кабачков выходили с видом говорящим, что они все преисполнены сознанием своего достоинства. Но вообще народ очень бедный, многие ~~оборваны и чувствуются по~~ ~~делам, это были~~ ~~дети~~.

Особенно не понравилось их расписание дня. С утра немного работают, потом целый день из-за жары не работают, а вечером вновь на работе. Обедят чуть ли не ночью. Все у них готовится на оливковом масле. К небольшому количеству жареного или тушеного мяса они до-

бавляют много лука, чесноку, перца, томата. Очень популярна "тортилла" - это хорошо прожаренный омлет + хлеб + перец, лук и помидоры. Это постоянное дежурное блюдо, с которым идут и на работу, и в поле, и в школу.

Любят еще испанцы апельсины, лимоны и вино. Этим добром страна богата. Они выставлены повсюду.

С работниками посольства мы посмотрели в Мадриде (в центре это очень красивый город, имевший в 1913 году 550 тыс. жителей) следующее: музей Прадо, собор Нуэстра Синьора Альмудена, Королевский дворец (издали, конечно), епископскую капеллу, мадридский парк и парк Каса-деи-Кампо и несколько церквей. Должен сказать, что священников и монахов в городе Мадриде также много, как и в Риме.

Вечером было слышно пение и звуки гитары.

Один день мы посвятили поездке в г. Толедо, что вблизи Мадрида. Это до 1591 года была столица Испании. Сейчас в Толедо 21 тыс. жителей. Здесь резиденция испанского архиепископа.

Основная достопримечательность: крепость-дворец Алькасар и готический собор (с 1927 г), Дом художника Эль-Греко, ныне музей.

Из Мадрида, гонимые невыносимой жарой, мы поехали на север страны через Вальядолид с целью познакомиться с народностью - басками.

По дороге у окна вагона чувствовалось, что едем по чрезвычайно бедной выжженной солнцем стране. Видно, что участки земли небольшие.

В вагоне узнали от ехавших с нами французов (да и в посольстве нам сообщили), что в стране 4000 помещиков имеют земли вдвое больше, чем все крестьяне Испании.

Подобная картина была и в Италии.

Сеют пшеницу, кукурузу, ячмень, но урожаи мизерные. Много слив, виноградников. Убирают пшеницу серпом, молотят цепом. Скота мало. Видели ослов, коз, овец и свиней, при чем все малопородистые.

Дома, видимые из окна вагона, из серого неотесанного гранита. Одни покрыты черепицей, другие соломой. Несколько лучше ^остоит дело в северной Испании, где много лесов, гор, много выпадает дождей, где живут баски. Откуда они, как появились, их язык они даже сами не знают. В мире нет языка, похожего на ихний. Полагают, что это последний остаток иберийцев, когда-то населявших всю Испанию и юг Франции. Было их в 1913 году 600 тысяч.

Это крепкий по телосложению невысокого роста народ; по внешнему виду, как и голландцы, флегматичные. Но их узнать можно сразу: все они как один ходят в беретках из сукна черного, синего, белого цвета. Береты носят все мужчины от стариков до мальчиков. Женщины все в белых платках. Они двуязычны: дома говорят по-баски, в городах по-испански, во Франции по-французски.

Занимаются в зависимости от местности: скотоводством пастбищным, земледелием, садоводством, виноградарством, рыболовством, а вблизи города Сан-Себастьяна

и цветоводством. Среди них много контрабандистов.

Любимая пища "бронья" - кукурузный хлеб размоченный в молоке. Национальный напиток сидр - вино из яблок.

Вместо ослов здесь волы. Живут хуторами.

Крыши в домах всегда двухскатные; чем больше в местности дождей, тем выше крыша.

Мужчины и женщины не едят вместе. Мужчины обедают за столом, женщины у очага.

Главный город баскской провинции Гиповская. - Сан-Себастьян - порт на берегу Бискайского залива и центр рыболовства басков.

Замечательно красивый курортный город.

В нескольких километрах французская граница, где проверка документов и где мы почувствовали себя веселее, избавившись от Испании, где так чувствовалось дыхание Сахары. Через города: Тулузу, Марсель, Тулон мы прибыли в Ниццу.

Во время этого пути в вагон входили и выходили пассажиры, в основном, это были французы.

Я обратил внимание, что громадная разница между теми французами, которых я видел в прошлом году на севере Франции и теми, что на юге. Южные французы ниже ростом, темнее, все брюнеты и очень непоседы, болтливы. Общее лишь то, что и те и другие чрезвычайно вежливы и галантны.

Ницца (в 1913 г - 105 т. жителей) - прекрасный город. Курорт всемирного значения. Основан еще в

III веке до н.э. греками и называлась тогда "Никея".

Мы прибыли в разгар сезона.

Все население занято в сфере обслуживания (гостиницы, рестораны, магазины, кафе).

Это сугубо аристократический курорт.

Та часть города, что у моря, застроена пышными зданиями.

Есть археологический музей. Кстати, нам сообщили, что Ницца родина Гарибальди и что здесь имеется могила Герцена.

Много русских богачей. Рестораны все с верандами и видами на море.

Я как-то спросил директора, "а как узнать русских", он улыбаясь ответил: "Вы, Заня, посмотрите в ресторане, кто ест много хлеба - это обязательно русские."

Я лично несколько раз пролелся по Приморскому бульвару. Нас особенно интересовало княжество Монако. Оно рядом.

Главный город княжества Монте-Карло 3,5 тыс. Это курорт с известным всему миру игорным домом "Казино".

Меня, как мальчишку в казино не пустили, но директор ради спортивного интереса туда пошел на час 1 1/2-2. Я же в это время осматривал Оксанографический музей.

Отсюда мы отправились в Италию. Лазурный берег продолжался. всюду курорты и курорты, всюду богатая публика.

Да и природа здесь чудесная, в особенности в районе

Сен-Ремо, Империя. Короче говоря по всему Генуезскому заливу вплоть до города Генуи места чудесные.

В Генуе мы сделали остановку на сутки. Это очень красивый с моря город (в 1913 - 245 т. жителей). Прижатый Альпами к морю, он вытянулся на десятки километров вдоль залива. Основан в III веке до н.э.

В X-XVIII столица Генуезской республики высшего могущества достигла в XIV веке (тогда она владела и нашей Феодосией, Судаком, Балаклавой). Родина Х. Колумба, Паганини.

Генуя один из важнейших портов Средиземного моря. Он же и промышленный город.

Много памятников архитектуры живописно расположенных амфитеатром по склонам залива. Мы посмотрели очень красивые исторические здания: соборы Санто-Мария и Сан-Лоренцо, палаца Пародони и Мунчипале, Университет (1634). Очень много фронтонов, галерей, Сузей архитектуры и скульптуры и богатейшее в мире кладбище "Стальено".

Из улиц особенно красива Римская улица. Характерный резкий контраст пышных построек с ужасными трущобами на окраинах города.

На следующий день поехали в Милан, примерно в 120 кил. Севернее Генуи.

Милан основан в V веке н.э. и имеет (в 1913 г) 500 т. жителей. Богатейший торговый промышленный центр северной Италии.

Остановку сделали на два дня, т.к. город богат историческими архитектурными памятниками.

Конечно мы начали с самого красивого в мире грандиозного белораморного собора (с 1386). Можно часами стоять и любоваться этим собором. Такого собора из чистейшего белого мрамора я никогда еще не видел.

В Милане много соборов и очень старых: 1У века, 1Х века и более поздних, которые также были осмотрены.

Очень красив театр "Ла скала", "Замок Сфорца", Санте-Мария, где фрески Леонардо де Винчи "Тайная Вечеря".

Из Милана через Брешию, Верону и Падую поехали в Венецию.

Это особый город. Единственный в мире.

В нем вы не увидите извозчика, автомобиля, мотоцикла, велосипеда. Только лодки - "гондолы".

В нем (в 1913 г) - 152 тыс. жителей.

Венеция расположена на 118 островах; в ней 390 мостов, 134 канала. Улиц нет - это каналы и только одна площадь св.Марка.

Здесь же Дворец дожей, Собор Св.Марка, много музеев.

Основана Венеция в 1У веке в связи с нашествием гуннов (население бежало на остров). С X века самостоятельная республика и по ХУШ век.

Время расцвета Х1У-ХУ века.

Промышленность небольшая и представлена старыми предприятиями судостроительными, стеклянными и текстильными. Это собственно говоря город-музей, живущий в основном за счет туристов. Поэтому, как нигде, развито производство сувениров. Много Дворцов, церквей и музеев.

Мы, конечно, посетили основные: Дворец дожей, мост Вздохов - быв.тюрьму, Собор св.Марка, здание религиоз-

ного братства с коиным памятником Кондотьеру Калеони.

Между прочим, венецианцы не похожи на южных итальянцев. Они высокие, мало брюнетов и много рыжих.

Кроме лодочников-гондольеров собственно говоря никого видеть: все в зданиях. Дома сырые, много мха на домах. Всю грязь и помои выливают прямо на улицу, т.е. в каналы. Гондольеры хватают чуть ли не за руки каждого, желающего покататься и ссорятся между собой. Стоит лишь сесть в лодку, как сосед иронизирует: "а вы попросились с женой, оставили завешание, у него же лодка с дыркой, вы утонете".

В общем неособенно сладкая их жизнь.

Многие имеют нездоровый вид: повидимому туберкулез и ревматизм здесь процветают.

Из Венеции мы поехали в Австро-Венгерскую Империю в гор. Триест на берегу Триестского залива Адриатического моря.

Триест (в 1913 г) 180 тыс. жителей, основан во II-м веке до н.э. Центр судостроения и главный порт Австро-венгерской империи. Здесь же основная стоянка военного флота империи.

Из Триеста через Лайбах (теперешняя Любляна) поехали в гор. Загреб.

Местность гористая, покрытая лесами. На ст. Лайбах (Любляна) долго стоял поезд.

Мы обратили внимание, что население, особенно женщины, как-то, особенно одеты: в белых платках с бантами

Узнали, что здесь живет славянское племя. Славянцы культурный народ, имеющий в городе свою словенскую филармонию.

Язык слышится не немецкий, а славянский, хотя понять ничего нельзя.

В городе Загребе мы сделали суточную остановку с тем, чтобы ознакомиться с славянским народом - хорватами, главным городом и столицей, которым является Загребе.

Этот город (основан в 11 веке) - копия Полтавы.

Жителей (в 1913 г) 62 тыс. Здесь Университет, Южно-Славянская Академия Наук. Много церквей, епископский дворец, развита промышленность.

Хорваты сами себя называют крoатами. Это те же сербы, что живут южнее в Югославии, но католики. Сербы же православные. Народ один и тот же, но т.к. в течение целого тысячелетия они были отдалены друг от друга, то в силу исторических условий, хорваты приняли католичество; сербы же православие.

Осмотрев все достопримечательности города мы поехали на окраину и в ближайшие села.

Дома из кирпича или из дубовых досок (здесь много лесов). Крыши двухскатные.

Хлеб пекут или пшеничный, или кукурузный. Мясная пища главным образом свинина или баранина. Много употребляют молока. В ходу и гречневая каша.

Живут в селах задругами - большими семьями из 2-3 поколений. Мужчины ходят в шляпах всех видов. Хорваты все высокого роста, мужественного вида. Очень гостеприимны, по крайней мере к нам, русским.

Из Загреба мы поехали в Сараево, чтобы специально познакомиться с "босняками" - народом тоже сербским, но в силу исторических событий (500-летнего турецкого ига) принявшим магометанство.

Первое впечатление, что мы в Турции: всюду минареты, все в фесках, но странно... все говорят на сербском языке, а турецкой речи не слышно.

Само же Сараево (в 1913 г) 40 тыс. жителей, основано в XV веке.

В 1878 г. перешел во владение Австро-Венгрии. Это был ее опорный колонизаторский пункт.

Сильно развито кустарное производство: изделия из кожи, ковры, дерева и меди.

Куда не повернись, ремесленные мастерские.

Проходя по главной площади города я никогда не мог подумать, что ровно через 11 месяцев 28.Ул.1914 г. здесь раздастся выстрел студента-сербя Принцича, который послужит поводом к 1-й мировой войне, переформировавшей карту Европы и мира и в корне изменившей судьбу моей семьи, вынужденной во время этой войны покинуть родной край (Белу) и разлететься, как птицам, членам моей семьи по разным местам.

Часто вспоминаю я этот яркий город турецкий по внешнему виду и славянский по населению.

Город все же оригинален:

улицы кривые, рядом с домиками или кузница, или оружейная мастерская, или шорницкая, или гончарная, или ковровая.

Хозяин в шароварах и в красной феске, и хотя говорит по сербски, но имя у него турецкое.

Дома двухэтажные, причем второй выступает над первым, как у нас в старом Бахчисарае.

У мусульман дома построены несколько иначе: они имеют больше комнат, т.к. для женщин имеется особая половина. Также и ковров у них больше. Некоторые женщины носят чадру — покрывало.

Босняки, хотя и магометане, но многоженства у них нет, разве только у богачей.

Если босняк-мусульманин женится на сербке-православной, он не требует от нее отречения от своей веры, зная из истории хорошо то, что когда те его предки тоже были христианами.

Из Сараево уехали в столицу государство Сербии — Белград, что на правом берегу Дуная. На левом пограничная станция Земниц. Здесь проверка документов.

Поезд пришел поздно ночью.

Австрийцы, которым принадлежала дорога Вена-Стамбул, в связи с вековой враждой с Сербией, нарочно составили расписание поездов так, чтобы их поезда приходили в Белград по ночам.

Белград красиво расположен на правом берегу Дуная при впадении в него реки Савы.

В нем следующие достопримечательности:

остатки старинной крепости Калемегдан (от слов Кала крепость, майдан — площадь), мечеть Байракли-Джалия, — лицей Обрадовича, дом князя Любимцы, Старый Дворец,

пл.Теразие, парки, Сербскую Академию Наук, Университет, Народный музей.

Побывали в окрестных селах.

У каждого серба в селе обязательно огород и садик, по крайней мере в тех селах, что вблизи Белграда.

Села большие: тянутся на 5-6 километров.

Дома значительно удалены друг от друга. Дома или из дерева (в Сербии много лесов) или глинобитные двухскатные, крыша камышевая или соломенная.

Хлеб пекут пшеничный или кукурузный или смешанный (пшеница и кукуруза). Из мясной пищи больше всего употребляют свинину. Свиной в Сербии очень много. Из спиртных напитков любят ракию - водку из слив.

Из деревьев садовых больше всего разводят сливы.

Неотъемлемой частью мужского костюма является шерстяной пояс самой разнообразной окраски.

Сербы живут большими семьями (квадруги).

Они выше среднего роста, бронеты, почти все худые. Чрезвычайно, как ни один народ в Европе, гостеприимны, особенно к русским. Очень обижаются, когда за еду предлагаешь деньги.

Из Белграда мы пароходом поехали по Дунаю до города Турну - Северину, где находятся "Железные ворота". Порожистая узкая часть Дуная. Расстояние примерно около 150 км. Слева Румыния, справа Сербия. Правый берег более высок, левый низкий. В Турну-Северину сели в поезд, который привез нас в Бухарест.

Бухарест, вернее жители Бухареста, напомнили мне Париж. Много гуляющих, расфранченных эсэб, много кафе,

много музыки в кафе, даже больше чем в Париже.

Румыны, особенно румынки, красивы. Это смесь славян, даков, римлян. Чрезвычайно веселый, любящий музыку и различные удовольствия народ. И город Бухарест все эти развлечения жителям предоставил, хотя в нем (в 1913 г) 280 тыс. жителей, в 10 раз меньше чем в Париже. Но стоит только поехать на извозчике на окраину города - картина резко меняется: вместо богатых, красивых многоэтажных особняков ужасные развалины и трущобы, ужасная бедность.

Во всем городе много нищих, развито воровство. Ничего нельзя оставить без присмотра: обязательно стянут.

В этом отношении окраины Неаполя и Бухареста тождественны.

В Бухаресте очень много церквей (население все православное).

Мы осмотрели достопримечательности: Атениум (Филармония), Дворец юстиции, почтамт, Университет.

Второй день был посвящен румынским деревням.

Впечатление незавидное.

Крестьяне живут бедно, да иначе не могло быть: 12 тысяч помещиков владеют таким количеством земли, сколько 2,4 миллионов румынских семейств.

Дома из плетня, обмазанные глиной, многие дворы не огорожены. Некоторые дома из самана или не обожженного кирпича. Еда однообразная - мамалыга, т.е. густо заваренная каша из кукурузной муки. Ее едят с молоком, брынзой, борщом, голубцами и с вином.

Вся одежда домашнего изготовления: из льна, коноп-
ли и шерсти — тем не менее все в шляпах.

Транспорт — воля. Да и подготовиться мне не пришлось.

Так как уже было 31 июля, мы оправдывали домою.

Сели на поезд Бухарест-Констанца, а из Констанцы
пароходом в Одессу. Из Одессы в г.Белу.

Эта поездка, как и предыдущая, дала нам много, осо-
бенно мне. Впечатление такое, что южные народы (турки,
греки, итальянцы, испанцы, румыны) живут хуже северных
во всех отношениях, но по темпераменту гораздо веселее
и общительнее последних.

А ведь основное было для меня не виды, не здания
и интересные памятники, а люди: как они выглядят, как
себя ведут, живут, во что одеты и что едят.

Конечно при таком мимолетном осмотре, да еще при
незнании языка и незрелом возрасте многие мои наблюде-
ния, повидимому, ошибочны.

Но, говорят, первое впечатление самое верное. Вот
эти впечатления, первые и последние, засели в моей го-
лове так крепко, что сейчас, спустя 63 года, держатся
так цепко, что будто все это происходило несколько дней
тому назад.

Упоенный успехом, я стал готовиться в следующем
году к поездке по Центральной Европе + Португалия.

Директор же взялся, как всегда, за оформление до-
кументов.

Маршрут мы наметили такой: Австро-Венгрия, Швей-
цария, Средняя Франция, Португалия, Гибралтар, Мальта, Иеру-
салим, Одесса.

Первая мировая война помешала нам осуществить полностью этот маршрут, но первая его половина Австро-Венгрия прошла без помех. Да и подготовились мы не плохо. Описание стран, фото городов и отдельных исторических сооружений были усвоены и заучены.

15-го июня 1914 года мы выехали из Бельи и через Варшаву поехали в Австро-Венгрию в гор. Краков. Это глубоко польский город, бывшая столица Польши до 1609 года. В нем много исторических памятников. А польский язык мы с директором знали и чувствовали себя не как за границей, а как дома. Кстати, Австро-Венгрия тогда имевшая 56 мил. жителей, состояла из множества национальностей.

Из них: поляков	-	10%
украинцев	-	8%
румын	-	5,5%
чехов	-	20%
словаков	-	2,5%
сербо-хорватов	-	10,5%
венгров	-	19%
австрийцев	-	23,5%.

Короче говоря, господствующая национальность - немцы - австрияки - по количеству населения составляли менее 1/4 части. Правда, в учреждениях переписка велась на немецком языке.

Краков, имевший в 1914 году 95 тыс. жителей, торговый, промышленный город, крепость. В нем старинный Университет с 1364 года. Академия Наук, но основное - это холм Вавель с королевским замком Вавель. Здесь целый

Осмотрели в два места: "Цеплюв" и "Бухобет". комплекс исторических памятников, в том числе государственная художественная галерея. Тут же Кафедральный собор - усыпальница польских королей и крупных национальных деятелей (Костюшко и др.). Рядом Марицкий костел (13-15 века).

Осмотрели также в городе Торговые ряды "Сукенице", а также несколько еще старинных костелов.

Из Кракова поехали в Будапешт. Так как мы не знали венгерского языка, заручились заранее письмом к русскому консулу. Но оказалось, что достаточно знания немецкого языка - официального в стране. А у директора Пфайфера этот язык был национален. Нам в консульстве только посоветовали, что осматривать в городе в первую очередь и дали также совет поехать в г.Дебречин, чтобы обстоятельно познакомиться с венгерской национальностью.

Буда-Пешт (в 1914 г. 750 тыс. жителей) - красивый город на обоих берегах Дуная: Буда на возвышенном правом берегу, Пешт на низменном левом берегу. А на самом Дунае длинный остров Маргарит, что-то вроде нашего острова Хортицы.

Больше всего мне понравилось здание Парламента в новоготическом стиле (1832-1902 гг) на берегу Дуная в Пеште. Там же, в Пеште, осмотрели Оперный театр, национальный музей и еще незаконченный памятник "Тысячелетия Венгрии".

На следующий день в Будае было осмотрено: гора Геллерт, остатки римского поселения аквинкула (1-1У век н.э.), Королевский дворец (XIII-XV в). А вообще Буда имеет узкие улицы и напоминает средневековый город.

85.
34.
Осмотрели и два моста: "Цепной" и "Эрхибет".

Я обратил внимание на обилие в столице красивых экипажей, запряженных также очень красивыми лошадьми. По видимому - это наследственная черта, унаследованная от их предков кочевников-гуннов.

В ресторанах обычно цыганская музыка. В общем Будапешт произвел на меня хорошее впечатление. Это один из лучших городов Европы.

Мы с директором послушали совета русского консульства. Поехали в Дебрецен, короче говоря, пересекли почти всю страну поперек с запада на восток. Первое впечатление - это южная Украина: степь, степь и степь. Это т.н. "Альфелд" в переводе "низменность". Ни лесов, ни камня, ни песку, всюду чернозем. Мало городов. Сразу же бросается в глаза главное занятие жителей - земледелие (пшеница и кукуруза) и скотоводство, а также виноградарство.

Между прочим, венгры эту местность называют "пуштой" - пастбище.

Бросаются в глаза колодцы с длинными журавлями. Из этих колодцев в степи венгры (кстати сами себя они называют мадьярами, а не венграми) поят многочисленные стада лошадей, коров, овец и даже свиней.

Между прочим, из окна вагона можно довольно хорошо изучить венгерскую пушту.

Вот быстро едет коляска, запряженная в пять лошадей: впереди три лошади, сзади две. Это значит, едет

богатый венгерец. Если две хороших лошади - это немец, если две плохих (клячи) - еврей, если одна - цыган. А вообще, в Венгрии много богатейших помещиков-магнатов и много малоземельных крестьян, а еще больше батраков. Села все большие. Один дом от другого на большом расстоянии, дворы большие, часто заборов нет, так как нет лесов. Почти у каждого села на окраине табор. Это цыгане. Их здесь, как ни в одной стране мира, 800 тысяч. Не имея ни религии, ни письменности и чувствуя отвращение ко всякой гражданственности, здесь они живут как птицы небесные - только сегодняшним днем. Что будет завтра, послезавтра - цыган не беспокоит. Более безопасных ~~(и-попытки)~~ людей я не видел. Они обладают чрезвычайной наблюдательностью, все видят, все знают. Очень навойливые попрошайки. Страшно боятся смерти. Откровенно говоря я их недолюбливал с детства за воровство и прекрасно изучил их тактику: заходят в дом толпой, сразу же просят дать воды с целью, что хозяин на минуту ушел в кухню за водой, в эту минуту они разбегаются по всем комнатам и воруют мелкие, даже ненужные им предметы, скажем ручки, карандаши, так как они неграмотны. В Польше и России, зная неприязнь к ним населения, они называли себя или сербиянами или курдами.

Здесь в Венгрии они занимаются то кузнечным ремеслом, то лужением посуды, то представлениями с медведями, то танцорами и музыкантами, особенно на свадьбах, то гаданьем, ворожбой, а главное - мелким воровством и конокрадством. Тут они виртуозы. Любую лошадь за одну ночь перекрашивают и продают на ярмарках, которых в

Венгрии очень, очень много. Даже клячу продадут как рысака и делается это очень просто. Цыган имеет с собой особое седло с гвоздиками, обращенными вовнутрь. Продавая паршивую лошадевку, цыган кладет седло на лошадь, садится на нее. Лошадь чувствуя невероятную боль от впившихся гвоздей, несется как дикий зверь.

Купивший, ничего не подозревая, платит деньги. А когда сядет сам — лошадь не двигается или плетется как кляча. Но цыган моментально скрывается и его больше не найдешь. Но вообще, венгры привыкли к цыганам, живут с ними дружно, а во время свадьбы без них вообще не могут обойтись: музыка, медвежье представление, песни, танцы — все здесь цыганское.

Венгры не любят ни ремесел, ни торговли. Последнюю они ненавидят. У них только два класса: помещики-магнаты и крестьяне + батраки, а торговля, ремесла в руках евреев и немцев.

Мы прибыли в Дебрецен (в 1914 году 75 тыс. жителей).

Это особый город: город-село. В середине несколько старинных зданий, расположенных на просторных площадях и широких улицах.

Реформатский Собор Коллегия (реформатская). Музей. В этом соборе в 1849 г. Кошут провозгласил низложение Габбургской династии и создание венгерского национального правительства.

В городе много мукомолен, колбасных, кожевенных заведений. Все остальное — большая деревня.

Как и всюду, в Венгрии у каждого хозяина виноградник. В больших дворах видны лошади и скот, очень по —

хожий на украинских волов с громадными рогами.

Несмотря на то, что Дебрецен-город, на окраинах постройки покрыты тростником. Стены домов побелены.

Венгры красивый народ, со смелым взглядом, гордой поступью, большие патриоты. Не любят покидать свою родину и считают, что лучше ее другой страны в мире нет.

Венгры народ, который не дает эмигрантов. А если когда-нибудь и покидают свою родину, то ненадолго.

Очень любят лошадей, одеты в шляпку с приподнятыми краями, в "венгерку" - что-то напоминающее форму гусар, и все в сапогах. Почти все неграмотны. Когда спросишь венгерца, почему дети неграмотны, обычно отвечает: "мой дед, мой отец и я были неграмотны, почему сыну надо знать больше нас".

Питаются венгры хорошо, даже батраки. У них много свинины, мяса, сушеных фруктов. И все это заготавливается впрок. Много и всякой птицы.

Венгры умеют высушивать мясо на солнце. Такое сушеное мясо батраки и пастухи берут с собой в поле. В Венгрии много вина; но почему-то пьяных мы не видели. По словам многих венгерцев, живут они между собой дружно и не ссорятся. Они считают себя "народ-сирота", т.е. народ, говорящий на таком языке, на подобном которому в Европе никто не говорит; поэтому они и сплочены. Нас, русских, они не любят за подавление их восстания Николаем I в 1848-49 гг. Об этом нас в Будапеште предупредили. Поэтому мы выдавали себя за поляков, зная что венгерцы всегда дружили с поляками и некоторые польские короли были из венгров, например Стефан Батори II.

Из Дебрецена через Будапешт поехали в гор. Вену - столицу Австрии.

Этот город уже был знаком директору Пфейферу, и мы с ним сами, не торопясь, то пешком, то в коляске, изучали город и людей.

В Вене в 1914 году было 1 мил. 800 тыс. жителей. Это очень красивый город на Дунае.

Основан в X веке н.э. римлянами под названием Виндобана. Много старинных красивых домов.

Сравнивая две столицы - Берлин и Вену, - мои симпатии были на стороне последней и в отношении самого города и их жителей.

Венцы совершенно не похожи на берлинцев: последние молчаливы, грубоваты, скaredны. Венцы внимательны, веселы, остроумны, находчивы.

В Берлине всюду пивные и кондитерские. Здесь кафе с множеством газет. Военных гораздо меньше. Чрезвычайно музыкальны. Со всех домов и этажей слышны звуки пианино. Недаром самые лучшие пианино изготовляют здесь.

Также на весь мир славится венская мебель, венские экипажи, обувь и предметы роскоши - что-то в роде маленького Парижа. Много евреев, которым, кстати, принадлежат лучшие магазины, гостиницы, рестораны. Среди ремесленников (а тут их видимо-невидимо) также много евреев.

Город очень культурный.

В 1914 году были: Университет, основанный в 1365г. 10 высших специальных учебных заведений, не считая военных, 60 средних учебных заведений, 400 низших.

Вена дала много известных всему миру композиторов, врачей, писателей, в том числе и мною так любимого Стефана Цвейга.

За три дня пребывания в Вене мы осмотрели: Собор св. Стефана (1137-1147), Готический залный хор, Дворцы Нижний и Верхний, Бельведор, баронные дворцы Евгения Савойского, Дворец и парк Шенбрун, Оперу, Естественно-исторический музей, Университет, Парламент, парки, несколько церквей, кладбище, где похоронены знаменитые композиторы и Венский лес на западной окраине города. И городом, и венцами мы остались довольны.

Особенно нам понравилось, и мы были очень рады, что один из старых знакомых Пфейфера предложил на автомобиле поездку в г. Прагу - главный чешский город в Богемии. Особенно этому радовался я, так как никогда не ездил на автомобиле до 1914 года.

В г. Беле автомобилей не было. К тому же я прекрасно понимал, что проехать 250 километров на автомобиле не то что в поезде: можно больше увидеть, остановиться где хочется и спросить поподробнее. Так оно и оказалось в действительности.

Богемия (нынешняя Чехия) - чрезвычайно богатая и культурная страна. Здесь одинаково развиты и промышленность и земледелие, причем обработано все. Пустопорохних земель нет. Плотность населения в 1914 г. 120 человек на 1 кв. километр. Сеют рожь, пшеницу, овес, свекловицу и много, много хмеля, как ни в одной стране мира.

(здесь масса пивоваренных заводов). Что особенно характерно: в северных частях страны созревает все раньше на две недели, чем в южных. Объясняется тем, что на севере Судеты защищают от холодных ветров северную половину страны, и холод распространяется больше на юге.

В Чехии много мелких городов и 1/2 населения живет в них. Все они старинные и некоторые имеют средневековый вид. Дома в деревнях или каменные, или из дерева. В пищу любят употреблять кнедлики: это что-то вроде пирожков из теста с сливами в середине, клецки из картофеля, фасоль, горох. Из мясных блюд - обычно копченая свинина. Из всех славянских народов чехи самые культурные, самые образованные. Каждый чех знает какое-то ремесло + к тому он обязательно спортсмен или музыкант. "Визкультурное общество "Сокол" имеет отделения почти во всех городах.

Чехи все грамотны, хорошо знают свою историю и ненавидят немцев, которые лишили их самостоятельности.

Мы въехали в Прагу (в 1914 г. 500 т. жителей). Красивый город на р. Влтаве.

Всюду абсолютная чистота, как в Голландии.

Город промышленный. Имеет Университет, Политехнический институт и Консерваторию. Знакомый Пфейфера на машине показал все достопримечательности города и в первую очередь ядро Праги - Градчаны с Пражским кремлем, место старинной крепости Вышеград, Ратушу, Карлов мост с башнями, Бельведер, Шварценберг, национальный театр, два Университета (немецкий и чешский), несколько монастырей, церквей и памятников.

Короче говоря, я был от этой поездки в восторге - в короткое время я очень много увидел: страну, людей и столицу.

На следующий день через Вену, Инсбрук поехали в Швейцарию.

Билет ваяли до города Цюриха.

Швейцария - это особое государство, постоянно нейтральное. Здесь много международных организаций: Красный Крест, Почтовый союз, Банк международных расчетов. Первое впечатление, что я в Южной Норвегии: горы, леса, водопады. Здесь живут три народности: немцы на севере и востоке, французы на западе и итальянцы на юге. Каждый чиновник обязательно должен знать все три языка. Как раз Фрейфер и знал эти языки.

Мы решили: по одному дню на каждый город, тем более, города небольшие и расстояния между ними маленькие.

Цюрих, как и последующие города, которые мы видели в Швейцарии, старинный город, расположенный на северном берегу Цюрихского озера, имеет средневековый облик.

Город промышленный. Имеет Университет, Политехнический Институт и Консерваторию.

Между прочим, в этих вузах учится немало русских, главным образом тех, что уволены по политическим убеждениям из русских вузов и евреев, т.к. в России для последних существовала процентная норма для поступления в вуз.

Кой-кто учился здесь и из нашего города. Про них

то мы и вспомнили с директором гимназии.

Есть и музей. Но основное то, чего я нигде в других странах не замечал - это банки, банки и банки. Несколько сотен банков в таком небольшом городе.

Проходя по улицам с директором я шутил: "а вот впереди тоже будет банк (здания банков более солидные)". И я не ошибался. Узнаем, что банков в стране много потому, что страна нейтральная, никогда не воюет; второе - сугубая секретность вкладов. Никто никогда не узнает, сколько, что, на какой срок, на каких условиях вложены в банк деньги. Раскрытие тайны вкладов по швейцарским законам очень сурово наказывается. ~~(недавно Союзники туда вложил свои гроши).~~

Впечатление такое, что жители почти все слухат в банках, или мелкие торговцы, или владельцы небольших предприятий или ремесленники.

В городах нет шума.

Жизнь отличается какой-то размеренностью, консервативностью.

Все здесь основано на деньгах, все пропитано меркантильностью. Куда не повернешь - деньги: что-то посмотреть - деньги, позвонить срочно по телефону - деньги. Повидимому эта меркантильность зародилась много веков тому назад, когда Швейцария занималась транспортированием грузов из стран Южной Европы в северную и наоборот. Мозги всех пропитаны наживой.

Швейцария не дала миру ни одного поэта, ни одного

писателя, ни архитектора, ни музыканта, ни композитора, ни одного ученого с мировым именем. Только банкиров.

Откровенно говоря: насколько мне понравилась страна, настолько не понравилась швейцарцы. Между прочим, по своей медлительности, солидности ^{очень} напоминают голландцев.

На следующий день мы поехали в Берн - столицу Швейцарии. Та же картина: банки, банки.

Там много средневековых зданий на довольно узких улицах.

В этом городе большое количество международных организаций.

Мы посмотрели: Университеты, Собор Святого Винцента и церковь св. Духа, Ратушу.

Изерна поехали в г. Лозанну, что на северном берегу Женевского озера.

Лозанна небольшой, но красивый, курортный город.

Очень много туристов. Оказывается, это центр иностранного туризма.

Не задерживаясь, поехали в Женеву - столицу Французской Швейцарии.

Всюду французская речь. Да и по длинному ному, как у поляков и чеченцев, сразу видно, что здесь живут французы. По моим наблюдениям только и имеются длинные носы: у французов, поляков и чеченцев.

Женева (в 1914 г. - 150 тыс. жителей) - город, живописно расположенный на берегу Женевского озера.

Много часовых фабрик и магазинов ювелирных изделий.

Часы висят на каждом углу.

Здесь Международный Комитет Красного Креста.

Успели посмотреть: Университет, Соборы Сен-Пьер и Сент-Мери-Медлен, Сен-Порье, Дворец Энар и вообще весь город и Шильонский замок.

На следующий день собирались поехать в глухой какой-нибудь уголок.

Этот следующий день - 29 июня - положил конец нашим экскурсиям и мы срочно вернулись домой.

Дело было так.

Как всегда я утром покупал директору газеты, и очень много, на разных языках. Он очень интересовался политикой. Уже у киоска, где я покупал газеты, я обратил внимание, что слишком много людей, покупающих газеты. И все страстно спорят.

Сперва я не обратил на это внимания - в 17 лет я мало интересовался политикой. Но когда я все газеты отдал директору, заметил, что его лицо посуровело. Но надо было еще купить и папирос.

Я убежал за папиросами и когда вернулся, увидел директора расстроенным.

Он мне громко заявил: "Сегодня же едем домой".
Что случилось?
- "А Вы, Ваня, помните 11-ть месяцев тому назад: это был турецкий город в Австро-Венгрии Сараево?"

- "Помню".

"Так вот: какой то серб на той самой площади, что мы проходили, убил наследника австрийского престола Франца-

18. Ул. 1914 г., как всегда начинались занятия. Это был Фердинанда и его жену".

- А мы причем? ведь надо осмотреть Южную Францию, Португалию, Гибралтар и Мальту?

- Никаких Португалий и Гибралтаров.

Вы еще молоды и ничего не понимаете в политике. Да и за незнанием языка уже две недели не читаете газет.

Я хорошо знаю, чем это пахнет. Вы тоже, но позже поймете сами".

"Ай, ай, ай, а Гибралтайский пролив, Гибралтар, Мальта". "Это мелочь. На карте вы увидите как на ла - обычно ванимали "репетитора", который должен был при-"

- "А португальцы невысокие, курносые, смесь европейца не то с арабом, не то с чернокожим.

Подумайте, что купить своим домашним, т.к. с пустыми руками без подарков ехать домой неудобно; вечером едем".

Директор был, конечно, прав.

Всюду по дороге из Мены в Варнаву возбужденная публика, газеты нарасхват.

Какая-то спешка всех приехавших за границу вернуться домой.

Всю дорогу я думал о той площади, что одиннадцать месяцев т.н. проходил в г. Сараеве и не подумал, что этот выстрел 28. Ул. 14. позже в корне изменит и мою судьбу, директора и гимназии и судьбу всей Европы.

По приезде я с жаром бросился в политику, короче говоря стал читать аккуратно каждый день несколько газет. А двумя пальцами, не признавала 4-х угольного

16. УШ. 1914 г., как всегда начались занятия. Это был последний год учебы - 8-й класс, по окончании которого выдавался аттестат зрелости.

Я стал очень примерным и стал подумывать, как я буду жить в Университетском городе после окончания гимназии.

Надо было думать и о деньгах.

Конечно, директор не забывал меня и зимой.

Тогда была такая мода: если ученики не успевали по какому-нибудь предмету или по нескольким, родители обычно нанимали "репетитора", который должен был приходиться вечером на квартиру неуспевающего ученика и ему помогать. В зависимости от средств родителей этого неуспеваха, занятия эти оплачивались в месяц 15-20-25 рублей. Меньше двух уроков я никогда не имел. Короче говоря, я зарабатывал в месяц больше, чем мой отец.

Обычно родители такого ученика обращались к директору с просьбой дать их сыну хорошего репетитора.

Уж кому-кому, но мне директор давал очень выгодные уроки.

Кстати, эти деньги я не "транжирил".

Отец был суров, очень строг. Мы, дети, не курили, не пили, в карты не играли (отец был старовер).

Кстати староверы или старообрядцы - это те русские православные люди, что и сейчас, но с той лишь разницей, что они все обряды исполняли так, как это было на Руси до патриарха Никона, т.е. крестились не тремя, а двумя пальцами, не признавали 4-х угольного

г. Бела, в гимназии которой я учился, был уездным креста, называли не Иисус, а Исус, не молились за царя в церкви, а главное - тоже жили по старинным обычаям, по "Домострою", т.е. не пили, не курили, не играли в карты, не брили бороды.

Отец же, в основном, увековечил не обряды церковные, а домостроевские обычаи.

Деньги мои шли на всю семью, но в основном на журналы с приложениями.

Страсть к библиомании - это была наследственная черта нашей семьи.

Наступил 1914/15 учебный год - последний год моей учебы в гимназии. А на полях Польши пылала 1-я мировая война.

В г. Беле было слышно, как где-то далеко, далеко громыхают пушки. К весне 1915 года фронт приближался к нашему городу.

Директор получил распоряжение, в виду приближения немцев, к 28 апреля 1915 года закончить занятия и выдать аттестаты зрелости, что и было сделано.

Этот восьмилетний период учебы в гимназии был самым ~~лучшим~~ ^{справедливым} периодом в моей жизни.

Недаром я чаще всего его вспоминаю и помнится он мне во всех подробностях. Возможно потому, что следующий восьмилетний период был, наоборот, самым ~~худшим~~ ^{ужасным} периодом моей жизни.

Теперь несколько слов о том "климате" гимназическом и семейном, в котором я жил, будучи гимназистом.

г.Бела, в гимназии которой я учился, был уездным городом Седлецкой губернии и имел тогда 14 тыс. жителей. В нем была еще женская гимназия, учительская семинария, которую когда-то закончил мой отец, две городских школы и большая фабрика деревянных колодок для обуви.

Населяли: 1/3 русско-украинцы, 1/3 поляки, 1/3 евреи.

В гимназии был строгий режим. Ежедневно без четверти девять утром гимназисты на 10 минут ходили в церковь, находившуюся в здании гимназии. С 9 до 13.30 были уроки. За проступки: опоздание, шалости, грубости-карцер. В воскресенье провинившиеся приходили в гимназию и их запирали на 12 или 24 часа в особом классе.

В течение 8 лет моего пребывания в гимназии, я был трижды наказан. Один раз за то, что после звонка на перемену выбежал из класса в коридор так быстро, что... столкнулся с проходившим преподавателем и его сшиб.

Второй раз, расшалившись, локтем разбил во время перемены стекло.

Третий раз, тоже во время перемены, съев данный мамой хлеб со смальцем, из-за зубной боли не смог съесть целиком; корку хлеба, пропитанную смальцем, выбросил через окно со 2-го этажа на улицу. Эта жирная корка попала на погон проходившего офицера. Тот, конечно, пожаловался.

За все три проступка одно и тоже наказание. За первые два карцер по 12 часов, за последние 24 часа и еще

два наказания дома от папы и мамы.

У отца был свой единственный метод: ремень по менее умной части тела, у мамы же свой метод: она входила в мою комнату, когда никого вжруг не было, бледная, объясняла мое легкомыслие, несерьезность поведения и это для меня было ужаснее всего. Смотрела на меня такими грустными и печальными глазами, что было за нее страшно.

Заканчивала мама обычно словами: "меня не интересует, кем будешь: учителем, агрономом, врачом или священником, а каким ты будешь. Вот таким, как сейчас, я тебя не хочу видеть".

Вот это для меня было хуже всяких пороков и карцеров.

За воровство, оскорбление начальства увольняли из гимназии, иногда с "волчьим паспортом", т.е. без права поступления в другую гимназию.

Достаточно сказать, что из 30 гимназистов, поступивших со мной в 1903 году в первый класс, закончили гимназию в 1915 году 12 человек. 18-ть отсеялось. Часть за поведение была уволена. Часть переведена в другие учебные заведения.

В гимназии не было, как сейчас в школах, собраний, заседаний. Политикой заниматься строго воспрещалось, но все гимназисты очень интересовались политическими событиями, особенно речами депутатов в Государственной Думе, где было несколько партий: правые, октябристы, партия народной свободы, трудовики, социал-демократы. Каждый гимназист мысленно относил себя к той или дру-

гой партии и в классах во время перемен раздавались горячие споры. Что касается классового состава учащихся, то большинство было — дети чиновников, учителей, священников.

Из двенадцати получивших аттестат только один был сыном крестьянина и ни одного сына рабочего.

По национальному составу:

8 русско-украинцев, 2 поляка и 2 еврея.

Кстати, из стен нашей гимназии вышли видные деятели: 1) академик В.В.Данилевский; 2) бывший нарком здравоохранения УССР Кантарович; 3) профессор хирургии Шидловский. Что касается Кантаровича, то ему выдали аттестат зрелости с 4 по поведению, т.е. он не мог поступить в русский Университет. А четверку он получил за то, что при обыске на его гимназической квартире нашли социал-демократическую литературу.

В 8 часов вечера раздавался гимназический колокол, слышимый по всему городу.

Все должны были уходить домой, иначе карцер. Только имевшие рецепт от врача и идущие в аптеку и идущие как репетиторы к ученику могли быстро пройти по улице.

В гимназии существовали надзиратели (мы их называли педели), которые следили за нашим поведением. Они имели право заходить в квартиры и вели наблюдение за тем, чем мы занимаемся.

Дома, в нашей семье, дисциплина была строгая.

Отец — человек умный, очень серьезный, начитанный, умело вел хозяйство дома. Но он был деспот и ввел свою

же им придуманную систему воспитания детей.

Дома, в квартире, нельзя было ходить, как обычно ходят все, а только на цыпочках. Нельзя перебивать, если кто читает, что-то делает или с кем-то разговаривает. С целью "закалки" организма как только покупали новую обувь, отец сразу же сверлил в подошве дырку.

Мать чрезвычайно добрая, скромная и всех нас любившая, всегда возражала против этого, но ничего не помогало. Правда в дождь и в снежную погоду, мама заклеивала тайком от отца подошвенные дырки.

Отец считал, что дать образование детям - это священный долг родителей. Покупал пособия, выписывал много журналов, приложений к ним, но никогда не проверял дневников, так как знал, что все мы хорошо учимся.

Отец пользовался большим уважением у губернского начальства народного просвещения, считался лучшим учителем во всей губернии. Особенно ценили в нем одну черту: верность данному слову и пунктуальность. Все знали, что если учитель Бичук Михаил Клементьевич скажет, что к такому то сроку будет сделано - этому верили все. Отец превыше всего ценил в людях только это единственное качество. Все остальное его не интересовало. Этого он требовал от учеников, торговца, портного, любого гражданина. Сдержал человек свое слово, сделал вовремя - для папы это был идеальный человек. И эту черту он привил всем своим детям, а особенно мне, так как я лично только по этому одному качеству тоже сужу о людях.

Таким же уважением отец пользовался у жителей города. Но никто не знал, и мы все молчали о его деспотизме. Все считали, что Бичуки - это счастливая, уважаемая всеми семья. А на самом деле отца мы все не любили, и когда кончали гимназию и поступали в вуз, домой редко заглядывали, только разве, чтобы увидеть маму и друг друга. А из-за деспотизма отца предпочитали жить отдельно, подальше от него.

У него была еще своя особая теория морального воспитания.

Как сын крепостного-бедняка, отец не любил богатых и даже презирал богатство, считая, что богатство развращает, изнеживает людей, ведет к болезням, полноте и быстрой смерти.

На первом месте у него стояла: скромность, верность данному слову и немедленное выполнение задания. Всякое поручение должно было выполняться мгновенно. Боже упаси откладывать на вечер или на следующий день. Это в будущем привело к тому, что я мог только подчиняться начальству, но никогда не стать администратором. У меня не было даже намека на административную хилку. Приказывать я так и не научился в течение всей своей жизни.

Особенно дома преследовались "сплетни"-то, что папа называл "бабские забобны". Боже упаси кого-нибудь осуждать, порочить, даже вора, даже убийцу. И папа и мама всегда говорили: мы не знаем мотивы этого поступка или преступления. Чужая душа - потемки. Возможно у этого человека были мотивы (а мы их не знаем) поступить так. А

От нас делами людей, в частности слыши, на
 "страсти" и на "мероприятиях". Дел
 "неприятности" надо изловить: либо болен
 либо прома, либо бунт, либо жадность, либо
 жадность в семье, на службе, в обществе и т.д.
 Дел "страсти" надо, как говорится
 "отловить" и обеспечить, и зорко
 дружная семья, хорошие отношения
 с ней и на службе. Нам не нужно, как
 считал, что "коробки" "люди" "чужие"
 своего сердца. Они неграмотны и мари
 не "замесить" ковать свое сердце: или
 лить, или неоправданными и
 сварлив, неулыбчив, гордый или постолю
 шим ловким и с хитростью. Во времени
 "каждому" доверять "сердце" слыши, построить
 года и надевать "сердце" "но не боюсь
 трудолюбие, бережливость, общительность,
 откровенность друзей и близких, верность и
 хорошие привычки. "Вот почему мы старе
 ры. Вера в бесмертные души. Сты
 жайте "сердце". А если кто попал
 в беду, не скоро и ему поможешь.
 Ты слышишь он нам, детям, не слу
 ли не командой веры. Но предостерега
 об осторожности с "сердцем". Простор
 богатства. Но не мнимо богатство - это
 роковая судьба, ирреверентность, коррупция,
 позор, долги, скорая смерть. Мы
 не переживали года, все случилось и случилось.
 А теперь: возможно было прав, возможно
 нет, но может. Будущее неужели попомнет.

бабушка (единственный религиозный человек в доме) еще и добавляла из евангелия: "не судите и не судимы будете".

103

В конце концов я пришел к выводу, что
 именно в семье заключившаяся фунда-
 ментальная ошибка привела к тому, что
 повеления в семье.

У отца не было большого достатка, но
 и не было ни каких-либо признаков
 было достигнуто и предпринято, но у них
 не было ^{принципов} ~~принципов~~, — абы, дети, получили
 от него с перемешкой и не хватало
 по сути дела, никогда не каприз-
 ными, зная хорошо, что всегда
 придется это в конечном итоге
 то придет время и у нас будет
 порядок. — Никогда не позволяю
 не задаваться, никогда и в школу
 не вмешивался — то переусложнить.
 Она работала все время в магазине
 "не в единичестве". Каким образом
 следовало "милосердием многообразие"
 известными принципами и это не должно
 нас неслучайно так же видеть и в том
 плане неважно переосмыслить это

кабана. Такая система нам нравилась. Она освобождала
 маму от частных посещений магазинов. Почти все было на
 зиму в доме заготовлено.

бабушка (единственный религиозный человек в доме) еще и добавляла из евангелия: "не судите и не судимы будете".

Поэтому в нашем доме никаких разговоров о поступках чужих людей, никаких сплетен не было в помине. А любопытство считалось признаком дурного тона.

Но особенно подавлялось хвастовство и тщеславие, зависть. Правда этих качеств ни у меня, ни у моих братьев и в помине не было. Но все же отец наставлял "Ваня, никогда не будь первым, избегай славы. На "первого", "знаменитого" всегда все смотрят и обращают внимание. Ты связан, так как за тобой следят: так ли прошел, так ли одет, так ли сказал, так ли сделал. А когда ты второй или третий - за тобой не смотрят, ты свободен, ничем не связан и счастливее будешь".

Воспитывал и предприимчивость: как поступать в тяжелых сложных ситуациях. Я должен был по нескольку раз перечитывать "Робинзон Крузо" и рассказывать отцу, как выходил из тяжелого положения этот человек-одиночка на необитаемом острове.

Самым лучшим в мире воспитанием отец считал "английское"; недаром англичане благодаря своей предприимчивости ^{и предприимчивости} покорили 1/4 часть мира: и по территории и по населению.

У него была манера, когда он устроился учителем в городе, осенью покупать продукты на весь сезон: куль муки, несколько мешков картофеля, бочку селедок и тушу кабана. Такая система нам нравилась. Она освобождала маму от частых посещений магазинов. Почти все было на зиму в доме заготовлено.

Но из-за деспотизма, за неимением права возразить, высказать свое мнение, мы, дети, его не любили, даже ненавидели.

Я лично старался как можно меньше быть дома.

Еще одно обстоятельство необходимо отметить.

Небольшая зарплата отца приучила нас всех к стройнейшей экономии. Получилось так, что в течение 8 лет пребывания в гимназии ни разу не пришлось иметь нового костюма. Я донашивал куртку, бровки старших братьев. В результате: я никогда не стал франтом, никогда не заботился о своей внешности и, как отмечали со стороны, у меня наблюдалась зачастую какая-то небрежность в костюме.

С получением аттестата зрелости начался у меня новый период, период самостоятельной жизни, которая в связи с наступлением немцев и бегством семьи из родного города очень осложнилась.

Этот период длился тоже 8 лет. Ему трудно придумать название, так как в течение этих лет я был студентом, и военным, и служащим и скитался с одного места в другое. Можно скажем, его назвать студенческо-военно-служебным, но и это трудно выговариваемое выражение не будет вполне точным.

Это был самый худший период моей жизни - период тяжелых переживаний, потери родных, невзгод, голода, тяжелых болезней - период, который, наконец, закончился в декабре 1923 года, когда я стал врачом.

Неприятности начались с первых же дней после получения аттестата.

Немцы быстро наступали на наш город. Надо было эвакуироваться и надо было поступать в вуз. Но Варшава, где учились мои братья и сестры, была уже занята немцами. Пришлось ехать в другой университетский город. Ближе всех был Киев; туда мы все и выехали. К своему ужасу я узнал, что географических факультетов в России вообще нет (первый был открыт в Петербурге в 1916 г.).

Чтобы быть учителем географии, о чем я мечтал, надо кончать физико-математический факультет, естественное отделение. Там на 3-м курсе читается география. Вот это и дает потом право по окончании факультета преподавать географию. Меня мучила мысль, что придется изучать и математику, которую, я как и Н.В. Гоголь, терпеть не мог.

Приехав в Киев, я подал в Университет заявление и был принят на естественное отделение физ.мат.факультета. Это было начало мая 1915 г. Три месяца ждать начала лекций (с 1-го сентября). Для моей непоседливой натуры это было мучительно. Но тут на какое-то мгновение фортуна мне улыбнулась. Какой-то гражданин, познакомившийся со мной в Киеве, предложил мне поехать в Асканию-Нова, мимо которой ему надо было проезжать и ехать дальше. Лошадей из Херсонщины за ним в Киев прислали. Я с радостью согласился быть ему попутчиком до Аскании-Нова, которая давным-давно меня влекла к

себе. О ней я уже знал много из литературы и от знакомых, посетивших ее.

Мне хотелось не только там побывать, а вообще походить там и поработать.

Ведь условия жизни в Киеве были тяжелыми. Мы наняли на Васильевской улице квартиру из одной комнаты с кухней. В кухне жила мама, а я с отцом в комнате. Братья и сестра остались в захваченной немцами Варшаве.

Жить с отцом в одной комнате мне страшно не хотелось. Кстати, я имел своих собственных заработанных репетиторством денег около 300 рублей. Я их берег и покупал лишь самое необходимое.

Всю дорогу в Асканию-Нова я обдумывал, как подойду к его основателю Фридриху Эдуардовичу Фальц-Фейну, что ему сказать, чтобы принял на работу.

Мысли были невеселые.

О его таланте, трудолюбии и доброте я был наслышан. Но нужен ли я ему, поправлюсь ли? Эти мысли не давали мне покоя в течение всех этих четырех суток, которые мы проделали, пока не прибыли в знаменитый Асканийский Заповедник.

Уже за десять верст до Аскании-Нова мой попутчик указал мне пальцем на нее. Я увидел знакомый по фотографиям зеленый оазис с эмблемой Аскании-16-ти-метровой водонапорной башней. Через час мы въехали на главную улицу (ныне Ленинскую). Слева увидели дом основателя заповедника Ф.Э.Фальц-Фейна. Через метров 200 мы остановились: справа была его контора. Попутчик

поехал дальше на юг Херсонщины, а я сошел с повозки и пошел к конторе. Всюду масса зелени и безукоризненная чистота. Перед конторой Фальц-Фейна у обоих углов здания по глубокой яме: в одной на цепи медведь, в другой волк.

Было 13 час. 30 мин. дня — обеденный перерыв.

Мне сказали, что Фальц-Фейн на обеде и скоро придет. Ждал я его около 20-25 минут и эти минуты мне показались вечностью. Мой мозг долбила одна и та же мысль, как он меня примет, даст ли работу, а если нет, то как добираться домой? Ведь до ближайшей пристани Каховки 35 километров, а до ближайшей железнодорожной станции тоже около этого (ново-Алексеевка).

Но вот в калитке мелькнула невысокого роста, плотная фигура с типично немецким лицом. Я догадался, что это Фальц-Фейн.

Я сделал несколько шагов вперед. На мне была форменная студенческая фуражка и тужурка.

"Вы ко мне, господин студент?" довольно приветливо спросил Фальц-Фейн.

"Да, к Вам, Фридрих Эдуардович!"

"Ну, пойдем в контору".

Дверь не была закрыта. Фальц-Фейн усадил меня на стул и спросил: "Вы приехали посмотреть Асканию-Нову?"

Я ответил: "Не только посмотреть, но если можно и устроиться на любую работу." Тут я рассказав, что я бегенец из Привислянского края, эвакуирован в Киев царскими властями, поступил в Киевский Университет на естествен-

ное отделение (такое же кончал в свое время Фальц-Фейн в городе Юрьеве - теперь Тарту).

То ли мой печальный вид, то ли то, что его бывшие соотечественники-немцы заставили меня покинуть родные места, Фридрих Эдуардович добродушно посмотрел на меня и сказал: "Работники мне сейчас очень нужны. Идет война. Многие мобилизованы. Людей не хватает. Будете учетчиком. Ваша работа такова: вам дадут людей-женщин и мужчин; женщины сажают, полют - мужчины копают ямы, канавы. Вам надо будет указывать им работу и вести учет. Еда для всех рабочих бесплатная. Женщины получают в месяц 16р.50к., мужчины в 1 1/2 раза больше, а вы в 2 раза больше. Жить можете вот тут рядом, а если вы любитель природы - в шалаше или в палатке - это ваше дело.

Я с радостью воспринял сказанное. И написал маме в Киев обо всем письмо. Вскоре получил ответ. Папа, уже пенсионер, тоже нашел себе работенку: управляющим каким то большим домом.

Хотя я был учетчик и мог не делать никакой физической работы, но всегда принимал в ней участие: по полал, то рыл канавы. Все мне здесь безумно нравилось - и ботанический сад и диковинные птицы, а особенно редкие животные. Но обстановка в целом в связи с поражением русских войск на фронте была неважная. Все проклинали наше правительство.

В августе получил от матери письмо, что меня призывают на военную службу, как родившемуся в 1893 году.

Но поскольку я студент, необходимо из Университета взять справку об этом и предъявить в военкомат. ^{Восемью} Дадут отсрочку.

Вскоре получил еще одно письмо из дому, что в связи с наступлением немцев Киевский Университет эвакуируется в Саратов. Необходимо ехать учиться туда и, кстати, перебраться всей семьей в этот город.

Я оба письма показал Тальц-Фейну и он меня отпустил. На прощанье сказал: "приезжайте следующим летом. Для Вас всегда будет работа".

Я уехал осчастливленный и тем, что для меня тут всегда будет место и тем, что не истратил ни копейки из своего неприкосновенного запаса (300 рублей).

Наоборот, еще увез из Аскании-Нова около 60 рублей.

Прибыв в Киев, сразу же окунулся в дела эвакуационные. Часть обстановки, и так уже скудной, продали за бесценок и поехали в Саратов. Прожили на вокзале как беженцы 3-4 дня и за вокзалом у какого-то железнодорожника наняли квартиру: комнату с кухней. На сей раз я поселился в кухне, а папа с мамой в комнате.

Саратовский Университет находился близко: через 2 квартала. Прекрасные корпуса, только-что построенные. Часть корпусов была выделена для Киевского Университета. Жить стало трудно. Все дорожало. Деньги быстро таяли. Найти уроки не удалось. Нашел довольно неприятную службу: ночью дежурить в частной психиатрической больнице. Суть дежурства заключалась в том,

чтобы смотреть за сумасшедшими, в основном, чтобы они не дрались между собой и не кончали жизнь самоубийством. Работа крайне тяжелая и неприятная. Каждый час я должен был надавливать пальцем на какой-то прибор, долженствующий удостоверить, что я не сплю. Там внутри яко-бы все это отмечалось.

Поздней осенью начались занятия. Лекции посещал аккуратно, не пропускал ни одной. Но дома мало занимался науками. Все ждал 3-го курса, на котором преподавалась география. Зачеты сдавал во-время. Как и все, внимательно следил за военными действиями, за государственными деятелями и выступлениями в Государственной Думе. С нетерпением ждал лета 1916 года, чтобы вновь пасть в Асканию-Нова.

Сдав экзамены чуть-ли не первым, поехал уже без мрачных мыслей, как в минувшем году, к Гальц-Фейну, зарнее предупредив его о своем приезде.

Аскания-Нова попрежнему сияла своей безукоризненной чистотой. Но всюду чувствовалась какая-то неуверенность в то, что будет с нашей страной. Только одно событие всех радовало: разгром генералом Брусиловым австрийцев.

Чувствовался также недостаток рабочих и предметов первой необходимости, не считая, правда, еды. Гальц-Фейн кормил попрежнему безукоризненно.

Перед первым сентября я рассчитался и уехал в Саратов продолжать учебу на втором курсе.

Недолго продолжалась учеба. Вскоре получил повестку явиться в военкомат. Был приказ правительства мобилизовать студентов, до того времени пользовавшихся отсрочкой, с целью подготовки офицерского состава, понесшего большой урон во время войны.

Нас, призванных студентов, сначала отправили в Царицын (теперешний Волгоград). Там мы проходили предварительную подготовку, затем к Новому 1917 году отправили в школу прапорщиков № 5 в гор. Киев. Для этой школы было на Подоле предоставлено прекрасное здание. Вскоре я узнал, что это здание б. Духовной Академии. А в прошлом здание митре известной Киевско-Могилянской Академии, основанной митрополитом Петром Могилой в 1631/32 годах. Это было первое высшее учебное заведение в России. Здесь учился ~~Богдан~~ Хмельницкий, одно время М. В. Ломоносов, прапрадед, прадед и дед Н. В. Гоголя.

Когда я об этом узнал, то к каждой ступеньке, к каждой колонне стал относиться с большим почтением: вот тут проходил ~~Б.~~ Хмельницкий, здесь стоял Ломоносов, а в том углу спал дедушка Гоголя.

Занятия делились на теоретические, проходившие в аудиториях, и практические. Последние проводились за городом: в Пуше-Водице, Куреневке, на Трухановом острове. Вечера предназначались для самостоятельной учебной работы по военным наукам. Но вместо изучения все мы ударились в политику: убийство Распутина, белые полосы в газетах (не разрешенные цензурой речи членов Государственной Думы), поражения на фронте, скандальные ситуации в придворных сферах — вот что занимало наши умы.

Вскоре разразилась Февральская революция. В подавляющем большинстве, за редким исключением, мы ее встретили восторженно. Я особенно. Слишком уж дискредитировала себя династия Романовых своей связью с немцами и Распутиным. В ее успехе никто не сомневался. Кроме ненависти к монархии большинства народов, в Петрограде ей способствовали (по моим личным представлениям) ^{то} два обстоятельства: ~~1) Теплая погода - оттепель. Все население с ребятишками в такую погоду могло находиться на улице. Второе:~~ в декабре был призыв очередной но-вобранцев. Эти лица не успели за полтора-два месяца стать старорежимными солдатами; они еще вот-вот были гражданами и их мысли и чувства были такими же как и у восставшего народа.

Занятия в школе проводились почти формально. Все думали, что будет с нашей страной, с войной, чем это все кончится. Многие тайком уходили из здания школы и проводили время, прислушиваясь, что говорят на митингах, длившихся на улицах до середины ночи.

1-го мая 1917 года мы все, юнкера, принимали участие, впервые, как и вся страна, в первомайской демонстрации в Киеве на Крещатике.

Все были поражены, как один из наших военных преподавателей очень скромный и тихий человек, произнес громкую, прекрасную речь против царизма. А мы все думали, что этот тихоня-монархист и двух слов сказать не может.

В конце мая и в начале июня 1917 года занятия в

школе проводились формально. Всех охватила политика: говорили только о войне, о Николае II, Временном правительстве, Керенском, Ленине. Меня очень интересовал: кто он такой, из какой семьи - интересовал не как политик, а как человек вообще, его личный характер.

И в этом отношении мне повезло, совершенно случайно. Дело было так.

В 5-й школе прапорщиков в Киеве со мной в 4-й роте был юнкер по фамилии Бонч-Бруевич. Такого же низкого роста как и я. С одутловатым, вытянутым грушевидным лицом и толстым задом. Очень неповоротлив. При беге всегда отставал, за что я его недолюбливал, так как в строю он был всегда рядом со мной. Мне особенно была неприятна его неуклюжесть. Но манеры его, поведение, разговор ясно выдавали его аристократическое происхождение.

Я, правда, совершенно не знал и не слышал, кто такие Бонч-Бруевичи.

Двойная фамилия только лишь подтверждала аристократическое происхождение.

Я как-то с товарищами-юнкерами разговорился о Ленине: кто же он такой: "приехавший в запломбированном вагоне, что он хочет сделать в нашей стране". Те мои коллеги, заявили: "а вы ведь спите рядом с Бонч-Бруевичем. Он все знает. Он не то сын, не то племянник того Бонч-Бруевича, который хорошо знает Ленина."

Несколько дней я думал, как разговориться со своим коллегой на эту тему.

Прочитав заметку о Ленине, я как-то вечером в кровати спросил Бонч-Бруевича, как бы невзначай, "а кто такой Ленин?"

Кнкер Бонч-Бруевич действительно знал биографию Ленина, его отца, брата Александра и все мне рассказал.

Так, случайно, я узнал подробности о семье Ульяновых.

В июне я закончил школу прапорщиков и получил назначение в Казанский военный округ. В Казани, по моей просьбе, меня направили в Саратов, где жили мои родители.

В Саратове я попал в 185 Башкадыкларский полк, который должен был вскоре отправиться на фронт.

В начале августа нас и отправили на Румынский фронт в распоряжение 9-й Армии, штаб которой находился в Могилеве-Подольском на Днестре.

Месяца полтора-два мы находились в резерве в селении Атаки против Могилева на правом берегу Днестра. Затем нас отправили на фронт в 47 дивизию в район станции Мамалыга. В окопах жили в специально устроенных землянках. Офицеры по очереди дежурили по ночам. Только боев не было. Днем небольшая артиллерийская перестрелка и то, главным образом, со стороны австрийцев. У нас снарядов было маловато и наши стреляли гораздо реже. Дисциплина на глазах падала. Все поголовно говорили только о политике. Только и слышно было: большевики, Ленин, октябристы, Милюков, Керенский и т.д.

Иногда посылали в разведку.

Один раз я получил задание разведать, есть ли в одном

месте у неприятеля артиллерию. Это место было немцами тщательно замаскировано. Днем оттуда не стреляли. Но ночью (у нашего начальства явилось подозрение), что именно из этого замаскированного места австрийцы ведут стрельбу.

В темную дождливую ноябрьскую ночь, получив от начальника разведки соответствующие инструкции, я пошел в направлении, мне указанном. Сперва ползти было нетрудно. Но через час-полтора я изнемогал от усталости и неровной местности и колючих кустарников. На что-то натолкнулся головой и услышал немецкую речь. Я замер и... вдруг ужас. Над моей головой раздался оглушительный взрыв. Натолкнулся я, оказывается, на колесо артиллерийского орудия. А над моей головой был его ствол, который я в темноте не заметил, тем более, что съехался когда услышал немецкую речь.

Ни до этого момента, ни после него я в жизни не испытывал такого страха, как в эту ночь. Мне казалось от неожиданности, что пришел конец света, землетрясение и небо рухнуло на землю.

Я надвинул шинель на голову, затаил дыхание. Все ждал повторных выстрелов - их не было. Когда все утихло, я начал медленно, а потом все быстрее и быстрее пополз к своим окопам.

Утром я все рассказал начальнику разведки. Артиллерия там стоит, но сколько орудий - сказать не мог. Вскоре во время артиллерийской перестрелки меня ранило в левую половину шеи и бедро. Санитарным поездом в числе других меня отправили в тыл.

С начальником санитарного поезда мы договорились, чтобы, мы саратовцы, попали во что-бы то ни стало на стационарное лечение в г.Саратов. Действительно он устроил так, что мы в конце концов попали в г.Саратов в госпиталь № 100 на Казарменной улице.

Наш путь из Могилева-Подольского в Саратов пересекая в поперечном направлении всю Украину и европейскую часть России. Меня, как тяжело больного, поместили в железнодорожном вагоне на нижней полке. Так мы доехали сначала до станции Жмеринка. Слева проехали ст.Бар. Еще будучи в Могилеве и Атаках я собирал краеведческую литературу о Подольской губернии, изучил ее досконально. Мне стало грустно, что я не могу с нижней полки видеть станции, поля, леса, людей.

Без всякого труда я уговорил лежавшего выше мною более легко раненого:поменяться местами. Это произошло на ст.Жмеринка.

Был, правда, конфликт с медицинским начальством. Медикам было тяжелее меня перевязывать на верхней полке. Но я доказал, что эта перемена места для меня имеет жизненное значение. Я, мол, географ и все должен видеть своими глазами. Я чуть ли не со слезами на глазах доказывал, что проехал сугубо исторический город Бар (бывший до XV века Ров), где когда-то состоялась знаменитая "Барская конференция" в 1772 году, я его не видел, что Жмеринка ведет свое начало чуть ли не со времен доскифских, когда здесь жили кимерийцы. Окончательно всех убедила подробная карта железных дорог

России, где были указаны все станции и переезды и я заранее всех мог предупредить к какой станции мы приближаемся. Последний аргумент убедил всех, что я должен лежать на верхней полке, с которой видно все при небольшом даже повороте головы.

Мой авторитет сразу вырос. Это первый случай в моей жизни, когда окружающим пригодились мои географические знания.

А когда мы проезжали Киевскую губернию (ст. Христиновку, Шпалу, Смелу) и я сообщил, что самые длинные ступни в России у жителей Киевской губернии и торговцы обувью поэтому делают специальные заказы на соответствующие номера ботинок, все в вагоне были изумлены. Посыпались вопросы, а почему? Я пожал плечами и дал такое объяснение: повидимому, летом здесь все привыкли на полях и сахарных плантациях работать босиком, без обуви. Вот и растет без всяких стеснений ступня.

Далее санитарный поезд свернул на юг. Мы поехали на Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Не доезжая верст 35 станция "Запорожье-Каменское" (ныне Днепро-дзержинск) - там нас задержали: в городе и на станции перестрелка. Это было, кажется, 5-6 января 1918 года. Здесь уже с 28.XI.17г. утвердилась советская власть.

Мы так и не знали, кто с кем воеет. Лишь гораздо позже узнали, что воевали большевики и очень успешно с националистами - петлюровцами.

В Екатеринославе задержались на сутки. Поразила очень теплая погода. На дворе ведь январь. В вагон до-

пустили торговцев "бузой". Мне объяснили, что это особенный напиток из овечьего молока. Буза мне понравилась. Вдруг я вспомнил, ведь отсюда недалеко и Гальц-Фейн, Аскания-Нова. Я написал ему длинное-предлинное письмо. В письме выражал желание его видеть. В письме указал адрес Саратовский: Привокзальный переулок № 7.

Из Днепропетровска поезд взял направление на Донбас. Но почему-то в дороге повернул на север в г. Воронеж. Наш санитарный поезд здесь остался. Но его начальник наши просьбы не забыл. Всех саратовцев перевели в другой санитарный поезд и мы поехали через Ковлов, Тамбов и Саратов.

Поместили нас в госпитале № 100 по Казарменной улицы. Это было недалеко от нашего дома. К той палате, где я находился была прикреплена сестра милосердия (так тогда называли медсестер) Татьяна Сгибнева. Жила она недалеко от нашей квартиры. Поэтому охотно согласилась отнести мое письмо к родителям.

На следующий день пришла мать, резко постаревшая. Я, конечно, сразу догадался в чем дело: имея 5 взрослых детей, не иметь сведений о четырех. Да и денег было мало. Отец с матерью жили на пенсию, а цены к началу 1918 года сильно возросли. И то обстоятельство, что я был ранен в шею, тоже сильно ее смущало.

На следующий день пришел и отец. Вскоре меня комиссовали и освободили от военной службы вообще. Стал вопрос, что делать дальше? Киевского Университета уже в Саратове не было. Он эвакуировался к себе на родину. В Саратовском же был лишь один меди-

цинский факультет. На домашнем совете было решено, особенно на этом настаивала мать, чтобы я поступил на медицинский факультет Саратовского Университета. Да я и сам после ранения заинтересовался медициной. Желание матери соответствовало и моим желаниям. Я пошел к ректору медицинского факультета. Рассказал ему всю свою биографию. Он предложил подать чуть позже заявление и 1-го сентября 1918 г. приступить к занятиям.

Возник и второй очень важный вопрос, на какие средства жить? Мне взрослому, хотя еще и больному, жить на средства, кстати, очень скудные, родителей, было неудобно. А работа не находилась.

Война с Германией кончилась.

Все вернулись домой. Безработных было масса. Продавать на базаре, т.е. заниматься спекуляцией, как это делали мои некоторые фронтовые товарищи, мне было противно.

Кстати пришло письмо от Гальц-Фейна. Правда, он работы не предлагал, но в письме была фраза "очень хотел бы увидаться с Вами". За эту фразу я уцепился. Кстати, шел поезд Саратов-Харьков, в котором был специальный вагон для какого-то учреждения, выехавшего в Харьков. Один из едущих обещал взять меня бесплатно до Харькова. Это меня устраивало. А из Харькова до Аскании-Нова, я решил, как-нибудь доберусь.

В Киеве и на Украине в это время шла борьба между Украинской Центральной Радой и большевиками.

В первых числах февраля я выехал в Харьков, откуда в Асканию-Нова.

То-ли зимнее время, то ли беспокойная обстановка вообще — Аскания-Нова показалась мне как-бы мертвой.

Фальц-Фейн за эти два года поседевший в висках, пополненный и немного обрызгший, принял меня, как всегда, приветливо. Но вообще бросился в глаза его грустно-задумчивый вид. Он сказал мне прямо: "Вы можете оставаться в Аскании-Нова. Но, я, проживший почти весь год в Москве, знаю, чем все это кончится и поэтому пока что решил ехать на родину предков. Мои братья уже уехали или уезжают. Мать, Софья Богдановна, как вы знаете, местная и очень богомольная, остается здесь. За границу ехать ни за что не желает. Ведь, собственно говоря, я сам в настоящее время здесь на птичьих правах".

Ведь по декрету все, все: земля, леса, луга, недра национализированы. Скоро заберутся и сюда. Можете здесь оставаться, работу я вам дам, но сам я уезжаю. Я ответил, что "без Вас я здесь не останусь". Он улыбнулся. Я продолжал: "продиктуйте или расскажите подробно свою биографию. Мне это очень, очень нужно".

"Ну, слушайте. Я буду говорить очень, очень медленно. Вы можете или слушать, или записывать".

"Да, так лучше всего. У меня память хорошая, а даты или фамилии, если надо, я в блокноте запишу".

Так появилась сохранившаяся до сих пор биография Ф. Эд. Фальц-Фейна.

На следующий день я пришел к нему попрощаться.

Он спросил "Вы едете в Саратов? Там есть агроном, мой приятель. Он ведаёт не то полями, не то огородами

в окрестностях Саратова. В свое время я ему кое-что сделал. Давайте, я ему напишу письмо. Он обязательно устроит Вас на работу хоть чернорабочим. На это я ответил: "Ради бога напишите".

С этим письмом я и уехал.

Обратно путь был очень трудным, то пешком, то подводой, то машиной, но чаще всего товарными поездами, груженными углем и шедшими куда-то на восток в сторону Саратова.

Я успел, кстати, домой.

В феврале уже Германия начала оккупацию Украины.

По приезде в Саратов, несмотря на то, что был еще не сезон для полевых работ, я сразу же с письмом Гальд-Фейна пошел разыскивать агронома. Фамилии не помню, но была она сугубо украинская. Должен, кстати, тут оговориться, что обладая прекрасной памятью вообще, я в этой области имел изъян: у меня всегда была плохая память на фамилии.

Агроном, повидимому, находившийся в близких отношениях с Фридрихом Эдуардовичем, очень подробно расспрашивал о нем.

В процессе разговора он как-то спросил: скажите, а свой кабинет он, когда уходит, закрывает на ключ? Я сразу вспомнил 1915 год первое посещение Аскании-Нова, когда, только что познакомившись, вошли в его кабинет, который не был закрыт при уходе хозяина на обед. Я ответил, что не только он, вообще все не закрывают квартир, все открыто, без замков, как в Финляндии.

Агроном сказал: это повидимому единственное место в России, где так много честных людей. Я с ним согласился. И сейчас, когда прошло уже 60 лет, еще до сих пор редко кто, уходя из дому, закрывает квартиру. Повидимому, по традиции, укоренившейся здесь, честность передается от поколения к поколению. Судя по всему, не только мне, но и другим бросилась в глаза честность асканийцев.

Что же касается работы, то саратовский агроном сразу же ее предложил: "сейчас можете работать в теплице, где цветы, а весной перейдете на поле. Там у нас огороды и посевы злаковых.

На душе как-то отлегло. Работенка нашлась, причем (по крайней мере в теплице) легкая. А кругом кипела, бурлила жизнь - второй год революции. Митинги, лозунги, собрания, агитаторы, возвания, а главное газеты, из которых черпались сведения, что творится в новой России и за рубежом.

Не обошлось без восстания и в г.Саратове.

Как-то, будучи в поле на окраине горлда, слышна была сильная стрельба в городе. Мы догадались, что в Саратове кто-то восстал. К вечеру пальба прекратилась. Все же я в этот день домой не пошел. То же сделали и другие из боязни облав. Утром узнали, что было восстание, повидимому эсеров против большевиков.

Как-то в июле, примерно в 20-х числах, прихожу с работы домой. Вижу мама всхлипывает. Спрашиваю, в чем дело. Мама отвечает - царскую семью в окрестностях Екатеринобурга (ныне Свердловска) расстреляли.

"Так ты же не любишь царя за 9-е января, а царицу терпеть не можешь", - вставил я.

"Да, но расстреляли царских девочек и 13-ти летнего сына. Они-то чем виноваты?" Я ответил: "Это историческая необходимость. Ведь погибло в эту войну 10 миллионов человек. В чем они виноваты?" На этом разговор так и окончился.

Мама хорошо знала, что особенно из-за Распутина я терпеть не мог семьи Николая II.

В конце августа я рассчитался: надо было с 1-го сентября приступать к занятиям на медицинском факультете. Было принято около 180 человек.

Вдруг сенсация. По декрету Советского правительства любой мог поступить в Университет без аттестата зрелости в любом возрасте. Количество заявлений дошло до 3 тысяч. В Университете суматоха, что делать с 3-х тысячной оравой первокурсников.

Решено было разбить на две группы: утром занималась первая группа, вечером вторая. Все аудитории недавно построенного красивого Саратовского Университета на лекциях были забиты до отказа. Была высказана надежда, что много студентов со временем отсеется: то ли за неподготовленностью, то ли из-за тяжелых условий жизни. Надежда эта оправдалась. Уже к новому 1919 году отсеялось очень много.

Медицина мне очень понравилась. Дело дошло до того, что самый главный предмет я посещал два раза :

и утром и вечером. Это даже заметил профессор Стадницкий; позже он поспособствовал тому, что я стал у него старостой по анатомии. В мою обязанность входило правильное распределение в анатомке моих коллег на практические занятия и ведение списков о посещении этих занятий.

Наступил 1919 год.

Самый страшный, самый тяжелый в моей жизни — год гибели моих родных, год голода и тяжелых болезней. Он же и для нашей страны был одним из тяжелейших.

Началось с того, что в феврале мы получили письмо от моей сестры Нади (старше меня на 1 1/2 года). Писала она из Киева, занятого советскими войсками. Писала она о гибели наших братьев: Николая, закончившего Университет в Варшаве по юридическому факультету и умершего от туберкулеза, и еще более старшего Евгения — ветеринарного врача, погибшего на войне. Что касается самой старшей сестры Веры, то неизвестно где она. По слухам якобы ее видели в психиатрической больнице "Творки" в Варшаве. Сама же Надя вернулась в гор. Белу, продала наш домик и устроилась учительницей в Киеве. Просит меня приехать к ней. Нашла же она нас таким образом. В Киеве ей стало известно, что Киевский Университет был переведен в Саратов. Стало быть, наша семья в Саратове. Она сделала запрос, ей ответили и дали наш адрес. Этот адрес подтвердился и в делах Киевского Университета, вернувшегося уже из Саратова.

Нашему горю не было предела. Особенно горевала мама.

Она правда любила всех, но все чувствовали, что Коля она любила больше всего.

Я решил ехать в Киев.

Не помню точных дат, но в конце января или в начале февраля 1919 года я уже был в Киеве, захватив все документы из Саратовского Университета. Ректор Киевского Университета довольно внимательно выслушал мою биографию, причины побудившие меня вернуться в Киевский Университет (правда, на другой факультет) и наложил резолюцию принять меня тем более, что за 1 семестр у меня было сдано уже немало зачетов. Помимо этого, у меня еще имелись зачеты по естественному факультету. А на последнем преподавались несколько предметов таких, какие и на медицинском, например, химия, ботаника. И так я начал заниматься в Киеве.

Но одно горе следовало за другим.

23.П.1919 года получена телеграмма о смерти матери от сыпного тифа. Сестра Надя ходила как мертвая. Через несколько дней она сама заболела. На 9-й день умерла и она.

На лекции я ходил аккуратно, как всегда, но ничего не соображал. Смерть матери и моей любимой сестренки, чрезвычайно тихой, скромной и кроткой (качества, которые я очень ценю у женщин) меня сломили. Обычно подвижной, со стремительной быстрой походкой я ходил, как тень, медленно, медленно. Кругом ни родных, ни знакомых. Всем чужой. Да и в этот голодный год вообще все как-то друга друга чуждались.

В моей жизни конец февраля и март 1919 г. — это

самые ужасные дни моего существования. Я потерял то, что больше всего любил, ибо ~~никогда~~ так сильно не любил, как свою мать. Я никогда не могу вспомнить, как ни напрягаю свою память, чтобы она с кем-нибудь ссорилась, кого-то ругала, кого-то била. Всегда скромная, она переносила все невзгоды судьбы и горе, молча, с скатыми губами, бледная как стена, глотая слезы. Ни воплей, ни криков, ни обмороков. А горя было много - 16 раз рожала моя мама, но выжило 5 детей. Одиннадцать умерло в раннем младенческом возрасте. Не желая ~~о~~ окружающим доставить еще более горя, мама бледная, молчаливая, без папы, без нас несет малюсенький гробик на кладбище (оно было всего лишь в 300-400 метров от нашего дома), роет могилу, хоронит сама, на другой-третий день появляется крошечный крест на могиле, а в последующие дни скрытно от нас уходит ежедневно на эту могилу и на коленях молится, придерживаясь папиных старообрядческих правил.

От матери я унаследовал и некоторые черты ее мировоззрения, что "счастье - это скромность желаний".

Всю свою жизнь всех людей я всегда мысленно делил только на две категории, какой бы они пост не занимали от министра до уборщицы: скромный или нескромный - (развязный, беспардонный). Первые всегда могли видеть во мне своего друга, вторых я молчаливо ненавидел.

Глубоко уверен, что такая моя психология - это неизгладимый след материнского воспитания. И не даром

17.1X. по старому стилю - день ее рождения и день именин ее и двух сестер Нади и Веры - были у нас в

семье самыми главными, самыми торжественными днями в году.

В июне занятия на 1-ом курсе кончились.

Мы, студенты-первокурсники, перешли на 2-й курс. Но перерыва нам не дали. Страна нуждалась во врачах. Сразу же начались занятия на 2-ом курсе и тоже 9 месяцев. Затем через 9 месяцев начались занятия на 3-м курсе и т.д.

Короче говоря за 3,5 года мы должны были без единого дня на перерыв закончить обычный 5-ти летний курс обучения на медицинском факультете. Кто жил у родных и имел средства, тот как-то тянул ляжку, но что делать мне одному, без средств и без родных. Просить у отца выделить из своей пенсии деньги я не мог. Деньгам тогда был грош цена. Да и не хотел я помощи получать от нелюбимого человека, хоть он и мой отец.

Первое время я еще держался, продавая вещи (швейная машинка, кровать, платья) покойной сестры. Но этого хватило ненадолго.

Пришлось искать работу. Нашел случайно. На улице встретил своего товарища по гимназии Полетыло, женившегося на сестре моего друга по гимназии Барановского. Он сообщил, что работает на Печерске начальником караула: А караулить надо на площади перед Арсеналом старые австрийские повозки, двуколки, разбитые автомобили и т.д. Из этого "барахла" кое-что арсенальцы берут на починку новых повозок. Постов 3; 4-й при караульном помещении, где небольшой цейхгауз. Штат небольшой - около 18 человек. 3 смены по 8 часов смена. Работа легкая, отстоять свои 8 часов и все. Никто на это "барахло" не покушается.

Вакантное место есть. Начальник один только он, Полетыло. Плата, конечно, ерундовая, но главное ежедневно будешь получать паек и с голоду не помрешь".

Я сразу же согласился. Попросил только не говорить моим будущим товарищам по караулу, что я студент-медик и чтобы дежурства были по возможности ночные и только по воскресеньям дневные, чтобы я не мог пропускать лекций.

На это Полетыло ответил, что все зависит от него и все он сделает. Это тем более легко, что никто не любит ночные дежурства, хотя они и нетяжелые. Смело можно спать в какой-нибудь австрийской повозке: никто кроме него, Полетыло, караулов не проверяет. Зимой, конечно, плоховато: холодно, ветер, а спец. одежды нет".

Итак, началась новая жизнь: днем лекции, ночью дежурства. Пока публика ходит, стоишь на карауле, как только все затихает ложись на дно повозки, смотришь на небо, а если мимо кто проходит, приподымаешься, посмотришь на проходящего и... все.

Работа неутомительная и дававшая возможность заучивать лекции.

Публика караула самая простая и разношерстная, ни с кем никакого контакта. Пришел за 10 минут до смены, взял винтовку, сменил товариша. Отстоял свою смену и домой. Знали лишь друг друга по фамилии и только.

И так тянулось это несколько лет подряд. За это время часто менялись власти, но нас не трогали. Считалось: вооруженная команда сторожей, все беспартийные, большинство пожилые. И никто нами не интересовался.

Но иногда случались жуткие ситуации. Например, в са-

мом конце сентября, кажется 30-го числа, сменившись я возвращаясь с Печерска по Собачьей тропе через Бессарабку домой. Жил я на Нестеровской 23. Меня предупредили, что в городе неспокойно. Стрельба. Я все же пошел, был страшно голодный.

Действительно при приближении к дому стрельба усиливалась, но самих стреляющих я не видел. Документы я как правило, всегда носил с собой. Они были в порядке. Но когда я дошел до угла Владимирской и Брест-Литовского шоссе (ныне бульвар Шевченко), с другого квартала, а именно с угла Владимирской и Фундуклевской (ныне Ленина) кто-то стрелял прямо по направлению к бульвару Шевченко. Пули так и свистели мимо меня. Я шел по левую сторону Владимирской мимо каменного забора, за которым росли во дворе довольно большие деревья. Не знаю, где у меня взялись силы подпрыгнуть и ухватиться за гребень забора и перепрыгнуть во двор. Но так как стрельба продолжалась, я быстро влез на дерево, что погуще, сел верхом на толстую ветвь, спиной к стволу и привязал себя к стволу, связав поясной ремень с веревкой. Так я провел всю ночь. Утром все как будто бы утихомирилось. Слышу шаги, говор на улице. Я себя отвязал и тоже незаметно растворился в толпе.

Оказывается это вошел в город Петлюра.

На следующий день опять пальба, вошел в Киев белогвардеец - генерал Бредов.

Через полтора, примерно, месяца на несколько дней вошли красные, потом опять белогвардейцы, в середине декабря вновь советские войска.

Но в это время со мной опять приключилось великое горе. Постоянное напряжение: учеба, служба, недосыпание, недоедание сделали свое дело. Я начал слабеть, но крепился. Решил, что это какой-то временный пустяк.

Однажды я пришел на дежурство примерно 1/2 8 вечера. На самом деле мне надо было дежурить с 12 час. ночи до 8 час. утра. Но так как в октябре ночи наступали рано, а дорога по Собачьей Тропе была небезопасна, я приходил заранее. В караульном помещении до 12 час. ночи лежал на топчане, ожидая своего дежурства. В караульном помещении я был один, рядом в маленькой комнате находился мой начальник Полетыло. Он вышел ко мне. Как бывший товарищ по гимназии я с ним, когда никого не было, был на "ты". А вообще мы скрывали, что раньше были знакомы и что я студент.

Поздоровавшись Полетыло сказал: "что-то ты мне не нравишься, глаза горят. Лицо бледное, щеки красные. Не заразился ли ты от меня". Он еще с гимназической скамьи болел туберкулезом. Меня поразило, что он не медик (он заканчивал юридический факультет), а знает больше меня. Я заявил, что вообще чувствую себя уже несколько дней плохо. Полетыло продолжал. "А здесь туберкулезных "не я один". Как не один? Он еще назвал двух. И причина - эта комната. Ведь они ни разу никогда не мылась. Подметут пол кому не лень и все. Уборщицы по штату нет. Все курят, все плюют, все харкают, никто пола не моет, только ве-ником поднимают пыль с туберкулезными бациллами. Вот ты пришел в 8 ч. Четыре часа до дежурства ты будешь глотать эти туберкулезные палочки, Солнце сюда никогда не загля-

дывает. Вот тебе и причина твоей и таких-то (он назвал фамилию) болезни".

Я сидел ни жив, ни мертв. Он продолжал "Иди домой. Не ты один сегодня болен. Пост № 4 я временно закрою. Ты медик. Тебе попасть в клинику проще чем нам, грешным. Там кормят бесплатно. Зарплаты ты не получишь, но я "постараюсь сохранить тебе паек". Я ответил, что сегодня уже отдежурю. Идти ночью домой опасно. Под открытым небом в повозке переночую, а утром пойду к своему профессору".

На этом наш разговор закончился.

Утром я отнес винтовку в караульное помещение. Пошел в поликлинику. Попросил ассистента клиники меня принять. Он осмотрел меня, печально покачал головой, отправил "на рентген". Последний показал: туберкулез верхушки левого легкого. Я лег в клинику. Через несколько дней сосед по квартире принес телеграмму из Саратова: "Отец умер. Приезжайте, забирайте вещи".

Я попросил соседа отнести на почту ответ хозяину отцовской квартиры: "Приехать не могу. Вещи сложите в сарае, квартиру забирайте".

Никогда в жизни я не переживал таких тяжелых дней как поздняя осень 19-го года. Правда слез не было, как после смерти матери и сестры. Отца я не любил. Но мысль, что я один остался на свете Бичук, что абсолютно нет уже никого, даже дальнего родственника нет, даже хотя бы одного друга, привело меня к решению, что жить больше не стоит, что даже если я и выздоровлю, то все равно меня не ждет что-то хорошее. Будущее представ-

лялось, как хронический туберкулез, нищенское голодное существование. Я вспомнил немецкую поговорку: "лучше ужасный конец, чем ужас без конца".

Покончить жизнь самоубийством — эта мысль неотступно преследовала меня. Но как? Револьвера нет, яда нет, веревки нет. Наконец я придумал: зарезать себя, перерезать себя ножом. Решил во время раздачи обеда украсть нож и ночью, когда все уснут, проделать эту операцию. Обдумал все детали: кражу ножа и место, где бы я мог его спрятать до прихода ночи.

Днем во время обеда не удалось. Один только нож на столе на всю палату. Подождал вечера, когда принесли ужин. В конце ужина, как это часто бывало в то время в Киеве, потух свет. Я этим воспользовался. В темноте, на цыпочках подошел к столу, схватил нож и сразу под рукав рубашки. Этого никто не заметил.

В постели я прорезал в матрасе дырку и глубоко засунул в матрас нож.

Я знал, как только появится свет, его будут искать. Так и получилось.

Пришла няня убирать посуду и подняла бучу из-за пропажи ножа.

Начали бесцеремонно поднимать подушки, смотреть под одеяла... Нож исчез. Дождавшись ночи, когда все уснули, я решил перерезать себе горло. Вынул нож из матрацной дырки, взял в правую руку и полоснул слева направо по кадыку, но нож оказался чрезвычайно тупым, его много лет уже не точили, а силы настолько слабые в руках, что разреза не получилось. Я попробовал вновь справа налево и опять слева направо по горлу. Не режет.

Пользуясь темнотой, положил нож опять на стол, прикрыл его какой-то бумажкой.

Итак, попытка к самоубийству не удалась.

Решил я так: или я здесь умру, или, если выздоровею, сброшусь с моста.

На следующий день мне объявили, что меня переводят в другую палату на 2 человека. В этой новой палате было две койки. Одну занимал больной — служащий той же клиники по хозяйственной части. Вторую занял я.

В клинике на каждого больного велось две истории болезни: одну вел ассистент клиники, другую писал куратор-студент, обучающийся на медицинском факультете. Обе писались очень подробно, имея ввиду педагогические цели — воспитать в будущем врача. Моим куратором была студентка Ярошевская. Она до тошноты скурпулезно распрашивала все подробности моего детства. Я в это время думал: вот такая участь ждет и меня, когда я буду на 4-ом или 5-ом курсе.

Чуть позже как-то Ярошевская мне заявила: "а мы с вами земляки". Как так? Очень просто: вы уроженец Владавского уезда, т.е. левобережной части р. Зап. Буга, а я напротив Вас на правом берегу. Там против Владавы мой отец имел землю, но продал и поселился в окрестностях города Умани.

Нашлись у нас и другие знакомые в гор. Владаве. На следующий день входит улыбающаяся сестра милосердия (так тогда называли медсестер) и заявляет "вам передача". Это был громадный кусок сала и белый хлеб. На мой вопрос, "а кто принес?" Ответ "какая-то чернявая". Ни Ярошевская,

организма: и белки, и жиры, и углеводы. Кстати я ее очень любил еще с детства. И в течение этих трех лет моя пища была постоянно одной и той же: чай + гречневая каша.

За эти три года я не был ни разу ни в кино, ни в театре. Словом, нигде, даже в магазинах.

Кроме медицинских учебников, изредка географических, ничего не покупал.

Иногда, когда менялась власть и магазины были закрыты, голодал, но это было редко. Я унаследовал от отца привычку: всегда иметь небольшой запас непортящихся продуктов.

Что же касается учебы, то профессора Киевского Медицинского института были более эрудированными, более пожилыми и более солидными, чем Саратовского. Но последние отличались большей доступностью, добродушием и мои симпатии были на стороне последних.

Среди киевских профессоров были знаменитые, известные за пределами родины: хирурги Волкович, Крымов, анатом Старков, патологоанатом Линдеман, терапевты Образцов и Ф.Г.Яновский. Последний был общим любимцем всего города. Это был врач типа Гааза и Пирогова. Никогда никому не отказывал в приеме. И когда он умер, процессия на кладбище растянулась на 4,5 километра. Пошел весь город... и все священнослужители всех вероисповеданий: священник, ксендз, равин, пастор - таково было уважение к этому бессеребряннику, зачастую дававшему бедным больным свои деньги на лекарство.

Он же во мне оставил на всю жизнь неизгладимый след.

Как-то я в 1922 году обратился к нему, почувствовав себя однажды очень плохо. Конечно, я ему все рассказал, упомянул о перенесенном туберкулезе левой верхушки легкого. Также рассказал ему о первых годах моей жизни, а именно, что моя мать, будучи беременна мною, тяжело болела. Я был искусственник (молока у мамы не было), золотушным, рахитиком с кривыми ногами, из уха текло, но здоровая деревенская обстановка, спартанский домашний режим взяли свое и к четырем годам я стал здоровеньким мальчиком. Рано стал в гимназии заниматься гимнастикой (по системе Мюллера, позже Анохина) и ни разу до последних лет не болел. Закалил себя в любой погоду, к ветру, слякоти, сквозняку и никогда в жизни не простуживался.

Последние слова профессора были: "хотите быть здоровым и долго жить - занимайтесь ежедневно гимнастикой". Этот его совет мною осуществляется каждодневно уже более полувека. И ему, только ему я обязан тем, что за 52 года врачебной деятельности я ни одного дня не был на больничном листе.

Наука мне давалась легко, хотя тогда считалось, что медицинский факультет самый трудный. Я ничего не заучивал. Просто читал учебники по несколько раз, и все. Такая была у меня манера учиться.

Вспомнилась, правда, сцена в Саратове, когда в 1918 году моя мать уговаривала не уезжать в Киев продолжать учиться на естественном факультете, а поступить в Саратов на медицинский факультет.

Она говорила: ты любишь географию, а разве медицина это не география человека, даже самая трудная, изучать

самого себя и даже долго, так как учиться не 4, а 5 лет. Далее шли уговоры мамы чисто мещанского, сугубо практического характера: на свете больше всего нужны врачи. Во время войны строители не нужны, артисты, музыканты тоже, а врачи всегда и чем хуже людям (во время войны, эпидемий) тем больше нужно врачей.

К концу 1922 года весь курс медицины был пройден. На 1923 год оставались: стажировка по терапии, хирургии, гинекологии и государственный экзамен.

В начале 1923 года ликвидировалась наша караульная команда. Я стал безработным. Перешел исключительно на чай и гречневую кашу. Стал искать работу. Кое-что давали ночные дежурства у больных на частных квартирах. Поступить на работу в учреждение мешало то, что надо было полтора-два месяца стажировать по терапии, потом по хирургии и, наконец, по гинекологии. Короче говоря, около полугода быть днем занятым. Я бросился на хит-рость: чтобы сократить это время я в одной клинике зачислился стажером по терапии, в другой по хирургии и в третьей по гинекологии, при чем в одно и то же время - январь, февраль и частично март. Я надеялся на то (и не ошибся), что это мошенничество пройдет незаметно, и вот почему: в тех же клиниках занимались студенты-медики старших курсов, а мы, без недели врачи, всем мешали и, откровенно говоря, медицинскому начальству в клиниках хотелось, чтобы мы пореже их отведывали и не мешали другим. Короче говоря, стажировка носила формальный характер. Достаточно было во время обхода профессора со студентами попасться ему на 2-3 минуты на глаза и улизнуть в другую клинику и проделать там такую-то про -

цедуру...., а потом и в третью. Сама же история болезни обычно списывалась с той, которую вел ассистент с некоторыми, конечно, изменениями. Словом со стажировкой я дело уладил. Но голод при безработице брал свое. Наконец, я службу нашел, но вне города. Со мной училась студентка Заика, моя соседка по улице, на которой я жил. Ее брат должен был в конце марта 1923 года выехать в Яготин, где находился крупный сахарный завод. Этому заводу в районе станции Гребенка и Лазорки под урожай 1923 и 1924 гг надо было вспахать более 1000 га целинной степи. У завода было три трактора купленных в Англии.

Одним из трактористов был брат студентки Заики. Он меня пригласил в качестве плугатора, т.е. я должен был выключать плуги перед встречной дорогой, а проехав ее, сейчас не включать снова. Был еще и помощник тракториста. Всего в бригаде 3 человека. Тракторов три-всего 9 человек плюс заведующий всем этим парком. Итого, 10 человек.

Выехали мы 27 марта, а 1.1У. уже приступили к вспашке. Жили в степи - в палатках. Питались очень хорошо, и вот почему. Население окрестных сел нуждалось в смазочных веществах, в бензине и керосине. А этого у нас было достаточно. По теперешним законам такая мена - это преступление. Но тогда это разрешалось, ибо деньги нам не платили. Расчет в конце года, примерно к 1.XI. при чем не деньгами, а сахаром. Такой был договор.

У нас было достаточно молока, сала и хлеба, а летом еще овощей, фруктов. Все мы до ноября поправились, примерно к началу ноября и зарплата нам была. Потом уходили.

Она была беднячкой. Ее муж погиб на фронте во время 1-й

загорели и выглядели здоровяками.

Здесь, в степи, кстати, произошел перелом в моих возрениях относительно советской власти.

До середины 1923 года я относился к Советам если не враждебно, то во всяком случае не сочувственно и вот почему. Как большинство выходцев из интеллигентных семей я никак не мог понять, почему Учредительное собрание, избранное народом, совершенно свободно тайным голосованием (всеобщим), разогнано. Я считал это узурпаторством. Далее, хотя я с 14 лет атеист и к этому пришел сам своим умом, я все же был крайне настроен против тех, кто учинил насилие и хулиганские поступки в церквях, что в начале революции часто имело место, особенно со стороны комсомольцев.

~~И еще одно обстоятельство меня возмущало — это объявление Чрезвычайной Комиссии в гор. Киеве о том, что предлагают доносить на всех контрреволюционеров, спекулянтов и врагов советской власти, при чем можно не указывать своей фамилии.~~

~~Это, конечно, как и многие так думали, давало возможность сводить счеты со своими личными недругами.~~

Все же я стал замечать, что советская власть много дала, особенно бедному люду, и образование, и медпомощь, и все бесплатно. Но полностью научила меня уму-разуму деревенская простая "неграмотная баба".

Кроме 10 человек, что в штате, у нас еще была кухарка, приходящая из ближайшего села. Она приходила, примерно к часам 11-ти и варила нам обед. Потом уходила. Она была беднячкой. Ее муж погиб на фронте во время 1-й

Единственно чему я удивился: окончил я школу, гимназию, Университет, а вот простая, неграмотная "баба" умнее меня.

Вспомнил я тогда гениальных людей древности: неграмотных Гомера, Сократа, чьи поэмы и учения записывали другие. Вспомнил великих предводителей народных восстаний: Пугачева, Сирко, Кармелюка - тоже неграмотных. Оказывается у неграмотных тоже можно учиться.

Это как-то сразу изменило мое отношение к советской власти.

Я, проживший до 15 лет в деревне, прекрасно все понимал и с 1923 года стал уже сторонником Советской власти.

Кстати, я, в период культа личности Сталина, совершенно не был согласен с его нарушениями советской законности - и это была главная причина, почему я не стал официально коммунистом.

Когда степь была вспахана к 1.XI.23 г. в Яготине за свою работу мы получили в мешках сахар: тракторист 12 мешков, его помощник 6, я - 3 мешка. Договорились с администрацией Яготинского завода отвезти и нас и сахар в Киев в ближайшее воскресенье на Еврейский (Галицкий) базар. Сразу же сахар был продан. Я тотчас же купил на базаре костюм, решив, что неудобно врачу явиться просить службу в солдатской одежде.

Вскоре были сданы и государственные экзамены.

В декабре 1923 года нам, молодым врачам, были вручены дипломы врача. Этот день мне казался самым счастливым в моей жизни. Вот для чего я прожил 27 лет, часто голодный, оборванный, стоящий под 30-ти градусным морозом

в карауле на посту, чтобы наконец получить эту зеленую бумажку с текстом на русском и украинском языках, что ты уже врач, что уже конец нищете, мукам и всяческим страданиям. Что бы там ни было впереди, но того ужасного 8-ми летнего периода больше не будет. С такими мыслями я протянул руку, получая диплом врача за № 1011.

По приходе домой, я стал внимательно читать полученный диплом... и пришел в ярость. Диплом состоял из двух листов: на левом было написано по украински, на правом по русски. В той части диплома, что написана от руки, я сразу же обнаружил три ошибки, не говоря уже о том, что этот текст был написан очень некрасивым, небрежным почерком. Эти ошибки следующие: фамилия на русском тексте была написана не БИЧУК, а БЫЧУК; на украинском тексте, если читать по русски было БИЧУК, но это читалось по украински, как БЫЧУК; второе - дата рождения неверна, не 27-го ноября (по старому стилю), а 7 ноября - ошибка в двадцать дней; третье - место рождения проставлено село Олешковичи Брест-Литовского уезда, Гродненской губ., т.е. место рождения отца и вообще нашего рода, ибо это село целиком состояло тогда из Бичуков.

Я был в отчаянии. Но мне посоветовали: написать от руки копию одной какой-нибудь половины (лучше русской), а вторую букву "И" написать так, чтобы она походила и на "Ы". Нотариусы сейчас все заняты, спешат, и на маленькую закорючку в букве не обратят внимания. Я так и сделал. Всегда я подавал в учреждения заверенные копии. Подлинники держал дома. А в копии у меня стояла фамилия, написанная правильно: "БИЧУК".

Теперь оставалось самое главное - устроиться на работу. Тогда в 1923-1924 гг дела в этом отношении обстояли не так как сейчас, когда заранее известно уже после окончания вуза, где придется работать. Место надо было искать.

Большинство моих коллег были жителями или Киева, или ближайших мест и уже заблаговременно подготовили себе местечки.

Как-то я зашел к своему однокурснику, другу А.Ф. Билибину побеседовать о своих судьбах.

У Билибина дела были проще: он ехал на родину в город Брянск, где его отец был лесничим. Позже он выдвинулся как талантливый врач, и ныне он академик Академии Медицинских Наук. Жил Билибин в Киеве на Златоустовской улице и снимал комнату у железнодорожного служащего Пршедромирского, занимавшегося розыском пропавших грузов и посылок в Управлении Юго-Западных жел. дорог. Семья Пршедрамирских (он и она) вмешалась в наш разговор и посоветывали ехать в уездный город Умань. По словам Пршедрамирского, это богатый исторический город, стоит на втором месте в России по количеству отправляемых посылок. Земля там черноземная, засухи там не бывает и нигде так люди не живут хорошо, как там. Кстати, у них имеются родственники в Умани, и нам на первое время можно у них остановиться. Тут я вспомнил и Ярошевскую, тоже хвалившую Умань.

Не долго думая, я послал запрос в Уманский окр - здрав, могу ли я у них на селе (я это нарочно подчеркнул) получить работу. Ответ был положительный.

Сборы были недолгие. Да и имущества у меня не было никакого. Взял с собою самое необходимое, заявив хозяйке комнаты, которую я занимал, что когда устроюсь - приеду за вещами (в основном книгами), а комнату освобождаю.

Выехал я вечером 8-го января 1924 года. 9-го января утром я приехал на станцию Умань. Было 8 час. утра. Только, только начало рассветать. Первым человеком, мне попавшимся, был железнодорожник с ведром воды. Я спросил его, где живут тут поблизости Нагурные, к которым у меня было письмо. Кстати, я его держал в руке. Железнодорожник усмехнулся и сказал: "идите за мной". По дороге я спросил "а далеко идти"? Нет, тут близко". Я пошел за ним, вышли на улицу и примерно через 2-3 дома мы свернули через калитку во двор. "Вот здесь живет Нагурный". Спасибо, а Вы куда? "Я сюда же, ведь я и есть сам Нагурный".

Теперь я понял, почему на вокзале он усмехнулся.

Войдя в квартиру и поздоровавшись с его женой и сестрой жены, я вручил им письмо от Пршедремских. Рассказал в чем дело, что хочу поступить работать ^{врачом}; уже принципиальное согласие на это есть (я им показал соответствующую бумажку). Дело лишь за оформлением и местом службы. Я ведь не знаю, где именно я буду работать. А согласен я в любом месте, т.к. одинок, ни семьи, ни родных у меня нет. Тут же я обратился с просьбой (об этом же писали и Пршедромирские) одну ночь переночевать. Я хотел сразу же идти в окрздрав и спросил их, как туда попасть. Но они задержали меня, угостив завтраком.

В окрэдраве мне предложили на выбор три места: два села и местечко Тальное. Я остановился на последнем.

Это было местечко очень бойкое, торговое при железно-дорожной станции в 42 кил. от Умани. В окрэдраве одобрили мой выбор. Там есть больница, имеется опытный врач, но один он не может справляться. "Вы у него и подучитесь, наберитесь опыта".

Вернувшись к Нагурным, я им все рассказал. Они восторженно отозвались о Тальном. Кстати там жил старший брат Нагурного. Вечером я познакомился с их дочерью Валентиной (в будущем моей женой). Утром я-10.1.24, ушел в окрэдрав оформлять документы, а в часа три дня поездом отправился в Тальное. Вечером я был уже там, представился главврачу Кравченко и 11 января 1924 года впервые в своей жизни начал работать врачом.

Главврач 10.1. вечером отвел меня в комнату, в которой я должен был жить и объявил, что работать придется следующим образом: утром амбулаторный прием терапевтических больных, после чего я перехожу в стационар (терапевтическое отделение). Он же ведет хирургический и гинекологический прием и хирургическое отделение.

Оставшись вечером один я предался философским размышлениям и, можно сказать, уснул лишь часам к четырем ночи. Я вспомнил всю свою жизнь. Я знал, что завтра, 11 января, начинается совершенно новый, третий период моей жизни, но каков он будет? Что он будет лучше только что пережитого, я не сомневался, но повезет ли мне или не повезет на врачебном поприще - я предвидеть не мог.

Решил эту ночь проанализировать всю свою жизнь и наметить планы на будущее.

Я начал с родителей. Что от них я унаследовал и стал все укладывать ~~в~~ полочки в своем мозгу.

Итак папа и мама, резко противоположные по своему характеру, сходились в одном: своим детям, в том числе и мне, привили во-первых скромность, скромность во всем: поведении, одежде, в еде, в приобретении вещей; второе — точность, пунктуальность, верность данному слову, третья — любовь к книгам. Я перечитывал все книжечки, лежавшие на полках книжного киоска на вокзале у матери, все учебники братьев и сестер, т.е. все их книги по юриспруденции брата Коли, ветеринарии брата Жени и по русской литературе и истории своих сестер и все то, что мы получали как приложения к журналу "Нива".

Далее, от матери я унаследовал доброту и излишнюю доверчивость к людям, которая очень часто оборачивалась для меня большими неприятностями. От отца я унаследовал вспыльчивость, какую-то немецкую педантичность, пунктуальность, подвижность, постоянную спешку, граничащую с неряшеством. Но у меня были еще черты, не имевшиеся ни у отца, ни у матери. Неумная любовь к передвижениям, любовь к изучению местности, равнодушие к географическим картам и учебникам + прекрасная память.

Об этой памяти необходимо сказать несколько слов. Не будь ее, едва ли я стал бы в будущем лектором и экскурсоводом. Память была (да и сейчас сохранилась) замечательная, особенно на исторические события и даты. Конечно не такая как у Александра Македонского и Юлия Цезаря, которые

которые знали по имени и в лицо каждого своего солдата, не такая как у Наполеона, знавшего в лицо всех своих воинов, не такая как уThemistocles, знавшего в лицо и по имени всех граждан своего города - Афин (а их было 20 тысяч), но все же прекрасная. Все исторические события с ранней юности я цепко удерживал в памяти до сих пор. Правда, память у меня однобокая, сугубо-краеведческая. На улице, в автобусе я совершенно не обращаю внимания на людей, не замечаю совершенно кто, как одет, но ни - когда не пропущу мимо своего внимания увиденного здания, а особенно названия улицы и № дома. Где бы я ни находился вид дома и № дома для меня основное. Более 60 лет т.н. я покинул свой город Белу., но названия улиц и № домов помню. В 1915 году я жил несколько месяцев в Киеве, в 1916 г. в Саратове, но улицы (название и № тогдашние помню и поныне). Я уже не говорю о том, что сейчас знаю все дома до единого по проспекту Ленина, б. Винтера, Кияшко, Днепропетровскому шоссе, ул. Истомина в В. Хортице... и совершенно нет памяти на фамилии. Спустя две минуты после того, как мне сообщили фамилию, я ее уже не помню. В своих лекциях я всячески избегаю упоминание фамилий.

К этому всему теперь добавилась специальность врача, специальность, которая мне нравится, и которой я должен был посвятить теперь всю свою жизнь. А вдруг я осканда-люсь, а вдруг я растеряюсь? Успокаивало то, что рядом находится старый, опытный коллега, с которым только что я беседовал откровенно и просил его исправлять мои ошибки. Я еще раз пробежал рецептурный справочник. Заложил

было письмо. Оказался веселый человек с бесконечными страницами, где были отмечены ходкие, самые употребляемые рецепты, перекрестился, хотя с 14 лет я уже был атеистом, лег спать со страхом ожидая завтра свой первый дебют.

Сон был какой-то нервный. Я еще раз вспомнил советы своих профессоров о спокойствии, выдержке, коими качествами я не обладал, неторопливости (этого качества у меня не было) и "не отказывать никому в приеме" это, кажется, единственное качество, унаследованное от матери, коим я обладал в избытке.

Как показало будущее, за 52 года своей врачебной деятельности, я никогда никому не отказал (помочь больному).

Утром 11 января 1924 года я заранее пришел на амбулаторный прием. Надел халат, спрятал на столе за письменным прибором заранее приготовленные ходовые рецепты. Прием был начат. Недоразумений не было. Лишь один раз обратился к главному врачу Кравченко разъяснить мне как выписать больничный лист (этому нас не учили).

После приема ушел в стационар. Больных было немного, около 8 человек.

Кравченко накануне о них все уже рассказал. Я их тщательно осмотрел. Записал в истории болезни примерно то же, что и мой предшественник. Назначения, конечно, остались те же.

Как только что прибывшему, главврач распорядился дать мне на кухне обед. После обеда я ушел осматривать Тальное вдоль и поперек. Зашел к брату Нагурного. К нему

было письмо. Оказался веселый человек с бесконечным количеством "сальных" анекдотов. И только поздно вечером вернулся домой.

На следующий день работы добавилось. Мне еще было поручено делать квартирные вызовы и не только в самом Тальном, но и выезжать в ближайшие села. При моей подвижной натуре и любви к краеведению это доставляло для меня большое удовольствие, несмотря на холодный январь и отсутствие теплого пальто (я все еще был в военной шинели).

Правда в холодные дни Кравченко давал на вызовы специальный теплый тулуп. Зажил я неплохо. Питался хорошо. Можно считать, что слова матери оправдались. Вспоминал и о Нагурных в Умани, о их понравившейся мне дочери Вале. Изредка туда навещался.

Смерть Ленина 24.1.24 г. меня опечалила. Впервые я о нем узнал еще в 1910 году из "Энциклопедического Словаря" И.Ф.Павленкова о чем сказано выше.

В апреле 1917 года, когда стали много говорить о Ленине — я заинтересовался им, но, как это всегда со мной водится, не как политическим деятелем, а как человеком вообще, особенно тем, как он себя ведет в жизни, скромен ли, состав семьи.

Вскоре все же пришлось с Тальным распрощаться. Кравченко женился. Женой была врач. А по штату в Тальном было положено только два врача. Я понял намек Кравченко о том, что мне надо переменить место. От окрадрава я получил назначение заведывающим амбулаторией

в райцентре Подвысоком. Это на 35 кил. южнее от Тального.

Село было большим, зеленым и тоже в 42 кил. от Умани.

Основано оно было в тридцатых годах ХУШ века и принадлежало польскому магнату графу Потюцкому, основателю в г. Умани знаменитого парка "Софиевка". Село считалось богатым.

С одной стороны, как будто бы работы меньше: 5 часов амбулаторного приема и все. Но вызовов на дом по районному центру и по окрестным селам было больше. Коротче говоря, я был все время в разъездах.

Все вскоре узнали, что я никому не отказываю. А разъезжать я любил.

Один раз произошел случай, запомнившийся на всю жизнь. Ночью приехали трое на крестьянском возу: в Нерубайке несчастный случай. Это в 7 километрах от Подвысокого. Это село было мною самым нелюбимым. В нем больше, чем в других селах, было сифилитиков и бандитов.

В эти годы еще имел место и политический и уголовный бандитизм.

Но главное — очень мне не понравились лица этих трех приезжих и невозможность точно узнать, а что именно произошло. От прямых ответов все трое как-то увиливали. На сей час я поехал с большой неохотой, предчувствуя что-то неладное. А ехать то — надо — врач.

Доезжаем до села. Надо влево делать поворот, а эта тройка заявляет — несчастный случай не тут, а в

лесу. Это еще за селом километр. Я ясно понял: тут какое-то преступное дело. Доезжаем до леса и вдруг эти люди заявляют: "мы, вам, доктор, завяжем глаза, чтобы Вы не знали, где несчастный случай". Тут мне стало все понятно. У меня сразу возникла мысль: здесь повидимому произошла перебранка, кто-то из бандитов ранен. Я ему окажу помощь, а потом, чтобы я не выдал, они меня убьют.

Сколько мы ехали по лесу я не знаю, но мне показалось вечность. Все время ветки деревьев хлестали меня по завязанному лицу.

Наконец остановка. Повязку с меня снимают, указывают рукой на какую то не то яму, не то землянку. Лежит раненый с физиономией бандита. Раны ножевые. Перевязал, все сделал. Сам ни жив, ни мертв. Жду немедленной расправы над собой. "Ну, что-же, едем назад". Сели в повозку. Опять мне завязали глаза. Думаю вот, вот сейчас трахнут по голове. Но ветки перестали бить по лицу. Остановились на минутку. Повязку сняли и мы поехали в Подвысокое. Приехав попросили бинтов: мол, сами будем перевязывать. Это меня обрадовало: больше ехать не придется. Уезжая, пригрозили кулаками. Я это понял, что должен молчать, иначе укокошат. Через несколько дней в окружную милицию я написал анонимное письмо без подписи: в Нерубайском лесу прячется банда, есть тяжело раненый. Я никогда не думал, что мне, как врачу, придется столкнуться с таким фактом. А это запомнилось на всю жизнь.

Кстати, работая в Подвысоком я познакомился с героем гражданской войны Григорием Ивановичем Котовским.

Дело было в следующем. Моему врачебному Подвысо-

Будучи в Подвысоком более самостоятельным, в ковскому участку подчинялось село Перегоновка, где находился сахарный завод. Завод этот принадлежал 2-му конному корпусу, находившемуся в г. Умани. Командиром корпуса был Г.И. Котовский. Он, как бывший агроном, очень интересовался подчиненным ему сахарным заводом и часто наезжал в Перегоновку, медпункт которой мне был подчинен.

Котовский интересовался всем, в том числе и подачей медпомощи населению.

Он подробно меня расспрашивал о моей работе, о моей жизни и очень хорошо отзывался о Нагурных - наших общих знакомых в Умани, позже ставших моими родственниками.

В Подвысоком же в 1924 году произошла встреча с И.Д. Черняховским. Ему тогда было 16 лет и он жил в подведомственном мне селе Оксанино.

Этот будущий дважды Герой Советского Союза, генерал армии проходил у меня комиссию перед поступлением в военные училище.

Подведомственно было и село Торговица, известное еще с 1331 года и прославившееся в 1792 г. "Торговицкой конфедерацией 14.У1.1792 г.", направленной против прогрессивных реформ "Четырехгодичного сейма" и приведшая ко II разделу Польши. При мне в 1925 году, это было малолюдное, обшарпанное село, грязное и ни одного забора. Ровно через полстолетия, в 1975 г. я его проезжал по дороге в Умань с экскурсией: цветущее село, все дома под шиферной крышей, у всех заборы - разница с 1925 г. колоссальная.

*Котков Котков и мило
Знакомый села.*

Будучи в Подвысоком более самостоятельным, чем в Тальном и имея по вторникам выходной день, я почти каждый понедельник после приема уезжал в Умань к Нагурным. Тогда еще не было колхозов. Нанимал я крестьянина, всегда одного и того же. В час дня мы выезжали, примерно к 5-ти были в Умани. Останавливались во дворе Нагурных. Подводчик спал на возу. Я же в квартире моей возлюбленной.

Так примерно длилось до поздней осени 1925 года. У меня уже был почти двухлетний врачебный стаж. Пора было подумать о специализации, о городе, о женитьбе.

Вспомнил, что Нарком здравоохранения Канторович мой земляк, учившийся в одном классе с моим братом. Я написал ему официальное заявление, упомянул, конечно, что окончил Бельскую гимназию, т.е. ту же, что и он. Этим самым я дал понять, что пишет ему не какой-то Бичук, а его товарищ по гимназии. Я просил послать меня на курсы или ушников или глазников. Обе специальности мне очень нравились. Получил ответ, что курсы ушников уже начались, а окулистов начинаются. Можно приезжать в г. Харьков, где в те годы находились и Наркомат здравоохранения в 11-ую больницу Гиршмана, в которой подготавливались на двухлетних курсах врачи-окулисты.

1.XI.25 г. я выехал в Харьков и начал изучать глазные болезни в Офтальмологическом институте им. Гиршмана.

Фактически все съехались к февралю 1926 года.

Начались занятия, учеба, длившаяся 2 года.

Мы назывались врачами-интернами.

Были разбиты на группы. Каждому ассистенту было приписано 2-3 интерна. Я попал в асс.Сановичу.

В том же 1926 году летом во время отпуска 19.УП. я женился на Валентине Нагурной, которая приняла мою фамилию (в 1976 году 19.УП. отмечается "Золотая свадьба").

По просьбе родных мы венчались в церкви. Это было сделано в 6 часов утра, когда город Умань спал. Сделано это было еще и потому, что шаферами были коммунисты.

Короче говоря, о нашем венчании город узнал после свершившегося факта.

За четыре месяца до свадьбы, т.е. в апреле 1926 года в моей жизни произошло небольшое событие, которое определило мою судьбу на все последующие годы моей жизни. Это поездка на днепровские пороги. В те годы только и говорили о предстоящей стройке Днепрогэса. Все газеты пестрели заметками об этом уникальном строительстве и увидеть пороги, которые вскоре исчезнуть навсегда - стало моей неотступной целью.

Отпросившись у директора Офтальмологического института на несколько дней, я прямым поездом поехал 24.1У. в Днепропетровск. Там я узнал, что в соседнем селе Лоцманской Каменке имеются люди-лоцманы, за плату перевозящие через пороги. И как раз сейчас пора - конец апреля и начало мая, когда самая высокая вода. Пошел туда. Переночевал в балке, что между Мандрыковкой и Лоц.Каменкой и утром 25.1У. уже был в селе.

Оказывается, что таких охотников посмотреть пороги перед их затоплением было много.

Я примкнул к двум лицам, повидимому, студентам, которые уже шли к определенной хате, где жил лоцман, чтобы с ним договориться об условиях перевоза.

Между прочим, уезжая из Харькова, в дорогу, я захватил охотничье ружье. Вообще-то я не охотник, никогда в жизни не охотился. А ружье в мои руки попало случайно от одного харьковчанина, уезжавшего в Казахстан и продавшего мне за бесценок ружье и какие-то старинные книги.

Я как-то бессознательно взял это ружье: авось хоть раз в жизни поохочусь или хотя бы сфотографируюсь на Днепре в районе порогов на лодке с ружьем — это будет память потомству.

Денег же я с собой взял мало т.к. собирал их на свадьбу.

Лоцман, к которому мы втроем обратились, сразу же почему-то обратил внимание на мое ружье. "Вот бы мне такая рушница". Я ответил: "Ну, что-я берите вместо грошей". Ото добре, гроши в Вас братья не буду, а тільки с тых двох".

На том и порешили.

Переночевали тут же во дворе и утром чуть свет уселись на его "дуб" и тронулись.

По дороге, заметив нашу общую любознательность, лоцман все рассказывал и рассказывал: о польской крепости в Старых Кодаках, которая была так прекрасно видна, так как мимо нее мы проплывали, о немецкой колонии Ямбург (ныне Днепровка), об истории села Волосское. Воды в Днепре было много и наша "чайка" до-

вольно/ удачно прошла Кодацкий, Сурский, Лоханский и Званецкий пороги. Но скоро лицо нашего лоцмана посуровело. Он сказал несколько слов о селе Никольском и весь превратился "во внимание впереди".

Шум и грохот нарастают.

"Хлопцы, держитесь спокойно, не вставайте; как сидели, так и сидите, сейчас начнется самое главное". Действительно, едва он успел это сказать, как лодку подхватило: что-то по дну скребнуло, нас всех залило водой и пеной и унесло быстро вперед. "Ну, слава богу" - лоцман перекрестился и мы, хлопцы, тоже за ним, уже смеясь, перекрестились. За поворотом Днепра перед с. Вошники мы на правом берегу Днепра сделали остановку: отдохнули, покушали, кто что с собой взял, и про себя как-то высказались, что "основное уже все сделано".

Лоцман поправил: есть впереди в двух километрах еще порог "Вовнигский" - тоже опасный, но все же не такой, как "Ненасытец". Воды много, может быть, удачно его миновем. Действительно, Вошникский порог был что-то среднеарифметическое между Ненасытцем и тем, что были до него: Кодацкий и Сурский и т.д. Следующий порог - Будилковский тоже был не особенно опасным.

Вскоре Днепр сделал еще поворот на юг. Справа село Федоровка, слева громадный трехкилометровый остров "Таволжанский", от травы "таволги", которой запорожцы лечили своих лошадей. Через этот остров в период "Дикого Поля" проходила знаменитая "Большая Татарская переправа".

Остальные пороги Лишний и "Гадючий" (или Вильный) по сравнению с Ненасытцем были детской игрушкой.

Стало темнеть. Мы приближались к Кичкасскому мосту, через который проходил товарный поезд. Лоцман заявил, что теперь поезда проходят чаще. Скоро тут начнется стройка, а нам, лоцманам, "капут".

Проехали справа немецкую больницу "Бетань", слева грозные скалы "Разбойники" и красивый 194-х метровый Кичкасский мост. Справа немецкая колония Кичкас или Эйнлаге, показавшейся мне мрачной, т.к. было очень мало огней. Еще мрачнее мне показалось урочище "Сагайдачное" — это на левом берегу рядом со скалой "Дурной" против северной части остр. Хортицы — орлиным гнездом Запорожских казаков.

Мы пристали к мрачному урочищу "Сагайдачное". На берегу переночевали и рассчитались с лоцманом. Тот поплыл дальше вниз продавать свой "дуб", а мы втроем пошли к Кичкасскому мосту. Купили билеты по 5 коп. за его проезд, зашли на ст. Кичкас и затем отправились осматривать село Кичкас. Эта немецкая колония сейчас днем выглядела совсем не такой, как вчерашним вечером. Это было довольно бойкое поселение с заводами. Было немало и русских. Но немцев, а особенно немок мы сразу узнавали: последние были молчаливы и все в черном.

Нам посчастливилось. Нам попался какой-то геодезист, который очень подробно с картами в руках рассказал нам о той величайшей стройке, что здесь начнется с весны будущего года.

Тут, 27.1У. и решилась моя судьба.

Мысленно я дал слово себе, куда бы меня после интернатуры (глазной) не забросит судьба, но рано или

поздно я буду тут.

Так оно и случилось. Через четыре года, 1-го марта 1930 года я уже был "навсегда" здесь.

Вечером мы поехали рабочим поездом в Александровск (ныне Запорожье). Я купил билет в Харьков на какой-то проходящий поезд и утром был уже дома.

После свадьбы я уже с женой приехал в Харьков: Я - продолжать свою учебу в глазном институте, жена поступила в Харьковский муз. драм. институт, где ей пришлось проучиться 5 лет.

Моя же интернатура заканчивалась в феврале 1928 г. Я получал 58 руб. зарплаты + 6 рублей за то, что был секретарем местного комитета. Жили мы скромно на Чернышевской 87 и занимали только 1/2 комнаты; вторую половину занимала какая-то безмужняя гражданка. Тогда в Харькове с квартирами было очень трудно.

В нашей полукомнате был лишь стол, пианино, одна кровать, шкаф - и больше ничего. И я и жена были заняты до 3-х часов дня. После 3-х часов мы приходили домой почти одновременно. Я изучал глазные болезни, она музыку. Летом ездили в отпуск в Умань к родителям жены.

В феврале 1928 года закончилась моя глазная интернатура. Мне было предложено несколько мест. Я должен был отработать за интернатуру 2 года. Я выбрал г. Марганец - тогда в 1928 году шахтерский поселок - как место самое близкое к Днепрострою. Марганец мне понравился. Во-первых близко Днепр и Днепрострой, во-вторых врачебный коллектив был очень симпатичный (во всяком случае ко мне относились хорошо), в-третьих я имел совместительство: после

глазного приема, выполнял квартирные вызовы. Для меня это имело большое значение. Я ведь жил на два дома: я, здесь, в Марганце, а жена в Харькове до 1931 года. Работая на две ставки, я конечно, жил неплохо и мог послать ежемесячно деньги на жизнь жене. Летом и на время зимних каникул жена приезжала ко мне.

И хотя мне жилось в Марганце хорошо, все же мысль о Днепрострое, который был в 47 километрах от меня, никогда меня не покидала. Я все ждал февраля 1928 года, когда кончится срок моего обязательства отработать за интернатуру.

Каждое воскресенье летом, а зимой раз в месяц я ездил на Днепрострой. Делалось это так. Утром рано в воскресенье я приходил на ст.Марганец, где мне были все знакомы. Железнодорожники знали мое увлечение - и всячески старались мне помочь. Усаживали на любой, чаще товарный, поезд. Через полтора - два часа я уже был на ст.Кичкас. Начальник станции Кичкас т.Казаков Р.И. тоже был мой знакомый.

Среди врачей на Днепрострое я отыскал своего товарища по медицинскому факультету Поповича - человека необычайной скромности. Он был женат на дочери начальника МСУ (Медико-санитарное управление) т.Троицкого.

Что могло быть лучше? Служба меня ждала всегда. Лишь бы скорее отработать два года за интернатуру. И, наконец, февраль 1930 года.

Я подаю главврачу больницы в Марганце заявление об уходе. Жду больших неприятностей и споров - кто же будет здесь без меня. Замены нет. Сверх ожидания глав-

врач моментально подписывает приказ о моем переводе на Днепрострой. Меня это поразило. И только спустя полтора месяца все разъясняется. Получаю от него письмо. "Ради бога устройте на Днепрострое меня" Все понятно. Ему нужен был в системе здравоохранения Днепростроя свой человек. Таким оказался я. Поговорив с начальником МСУ Днепростроя, я телеграфировал: "Вас принимают, приезжайте". Через три недели он уже перевелся на Днепрострой и опять... моим начальником, так как был назначен главврачем поликлиники, в которой работал я.

Официально я был зачислен на службу 1.Ш.1930 года.

К сожалению, место окулиста было занято, свободным было место врача скорой помощи. Троицкий меня успокоил: "скоро мы и на левом берегу открываем поликлинику; там и будете работать глазником".

Я никогда не работал врачом скорой помощи и сначала это меня пугало. Врачей скорой помощи было три: каждый работал сутки, два дня отдыхал. Но я, как начинающий, для ознакомления с работой и с местностью должен был 1-го и 2-го марта дежурить со своими опытными старыми коллегами по скорой помощи, а 3.Ш. уже первые сутки самостоятельно.

И вот в первый же день моего самостоятельного суточного дежурства произошел такой казус, который попалось он Гоголю, Аверченко, Зощенко немедленно попал бы в печать.

Дело было так: около 11 часов дня поступил вызов: "несчастный случай на скале "Дурной", рабочий сломал руку".

Порядок был такой тогда: скорая помощь немедленно выезжала с правого берега через Кичкасский мост, поворачивала вправо к скале "Дурной". Оказывали на месте помощь и увозили в стационар в больницу "Бетань", которая была примерно на берегу правом, там, где между Кичкассом и Великим Лугом сейчас, находится справа одинокий домик.

Я взял сумку и поехал с шофером Колей Бером на вызов. Оказав помощь, вняли на носилки пострадавшего, уложили в санитарную машину, чтобы отвезти в Бетань на стационарное лечение. Дорога шла через колонию Кичкас, затем надо было возле мельницы Бродского подняться на горку и через виадук быв. жел. дороги привезти в больницу. Я сидел рядом с шофером. Подъезжаем к Бетани. Там уже встречают: "а что вы привезли?" Мы с Колей пошли открывать дверь... о ужас: дверь задняя открыта, нет ни больного, ни носилок.

Я впервые вполголоса выругался матерщиной и мы мгновенно на глазах недоумевающего медперсонала пулей направились в обратный путь.

Мы догадались, что подымаясь у мельницы Бродского на гору, носилки ударили в заднюю дверь, та открылась и больной с носилками пополз на землю. Через 5-6 минут езды видим: идет наш больной, шкандыбая нам навстречу, в здоровой руке неся носилки (а вес то 10,5 кг). С виновным видом пострадавший стал извиняться: "а я вам кричал, кричал, а вы не слышали".

Мы быстро его уложили в машину и повезли в больницу. Молча открыли дверь, ни слова не проронили, когда санитары переносили его в стационар и быстро уехали.

Я ждал крупного скандала... не спал ночей. Но никто об этом ни слова. По крайней мере в поликлинике об этом так никто и не узнал.

Меня больше всего поразил сам больной. Будучи раненым, он взял носилки и хромя, весь потный шел в стационар.

Этот случай я никак не могу забыть.

Как-то (прошло уже 18 лет) после войны, собрав зав. областравотделом И.И.Демидов по поводу какого-то торжества врачей. Потом был ужин. Он предложил рассказать что-нибудь интересное из своей жизни. Когда я это рассказал, многие от смеха надрывали свои животы.

Мил я поначалу в Старом Кичкасе по ул.Ленина, 83. В первые годы Днепростроя там была амбулатория. Там же жило еще несколько врачей.

Несколько слов о врачах и постановке здравоохранения на Днепрострое.

Основные врачебные кадры во главе с начальником Медико-Санитарного Управления Днепростроя (сокращенно МСУ) Винтер перевез сюда из предшествующей стройки - Шатуры.

Это был костяк - врачи стационара больницы "Бетань" - бывшей до 1927 года Психо-неврологической больницы немцев юга России. Но такая громадная стройка требовала громадного количества врачей и фельдшеров на многочисленных медпунктах Днепростроя.

У Начальника МСУ Троицкого была своя тактика, которая некоторыми осуждалась. А, по-моему, он был прав. Троицкий принимал обычно на работу только тех врачей,

которые раньше работали на селе, т.е. были универсалами и могли оказать любую медицинскую помощь и не были "капризными", как городские и особенно из клиник и институтов.

На работу в медпункты принимал пожилых, опытных фельдшеров.

В доверительной беседе он как-то мне сказал: "Здесь величайшая стройка. Каждую минуту возможно все: и тяжелые увечья и острые заболевания и эпидемии - мне не нужны узкие специалисты, а врачи, которые мгновенно разбираются в чем дело и, второе, выносливые и безоговорочно все выполняющие. Вот почему он избегал врачей городских и из клиник. Считал их "капризными". Он был прав. Стройка дала за 5 лет 1,5 тыс. смертельных и несчастных случаев. Тут действительно нужны были медики типа земских врачей.

Тем не менее и среди них были люди очень талантливые. Врач Триодин, например, был композитором, врач Данник В.Д. писателем и руководителем хорового кружка,

Позже я работал в поликлинике на правом берегу, в здании, которого сейчас уже нет, но находилось оно там, где сейчас Ленинский райполком.

Поликлиника на Днепрострое несколько отличалась от других поликлиник СССР. В ней была штатная должность дежурного суточного врача по поликлинике. Он был в день дежурства заместителем главврача, а самая главная его задача: ни одного отказа в приеме. Все должно быть до постоянным девизом.

Я понял тогда почему Троицкий принимал на работу только опытных всесторонне образованных сельских врачей.

Повидимому днепростроевская поликлиника была единственной в стране, где можно было во всякое время дня и ночи получить и не срочную, а обыкновенную врачебную помощь, *т.к. на стройке работали в этот вечер*

Считаю, что это величайшая заслуга А.В.Винтера,

Работал и тогда много: и на "скорой", и глазником. Следил за стройкой изо дня в день. Принимал участие в раскопках. Познакомился с археологом И.Д.Яворницким, которому и обязан тем, что я сейчас представляю. Это был замечательный человек. Подобного ему я не встречал.

Заметив мою страсть к краеведению, он всегда брал меня на раскопки.

Как то получилось так, что мое медицинское начальство направило меня в ближайшее село ~~станице~~ Привольное *Ныне* Приднепровское для борьбы с малярией. *Может быть* С ним две недели я прожил в одной палатке. Многие, многие я почерпнул от него за эти две недели. Оказывается, он семь раз переплывал пороги и ломал себе руки; 8 раз посетил бывшие места Запорожских сечей. Рассказчик он был великолепный. Такого патриота своего края я никогда не встречал. Когда взрывали "Дурную скалу", он плакал - "гибнет история".

Особенно запомнились его слова - правила его жизни: "работай, не вглядываясь вперед и не озираясь назад; работай, не ожидая ни откуда и ни от кого ни награды, ни похвалы; работай до тех пор, пока служат тебе руки и бьется сердце в груди".

Эти слова запомнились на всю жизнь и служили моим постоянным девизом.

В связи со строительством на Днепрострое для археологов здесь работы было непочатый край. Что ни день, то

Сама стройка и находки привлекали сюда множество туристов — всего 620 иностранных делегаций перебивало за время стройки. И каких только гостей мы не видели. Так из США прибыла писательница миссис Кани. Когда она увидела о. Хортицу, то воскликнула: "Ах, это и есть тот остров, где по Гоголю Тарас Бульба сдал в Запорожскую Сечь своих двух сыновей Остапа и Андрея?"

Пришлось согласиться и подтвердить что это и есть тот самый остров.

Постепенно я стал замечать, что от любви к географии я перешел к любви к истории.

По словам знаменитого французского географа Элиае Реклю "география — это история сегодня, а история это география в прошлом".

Таким образом я решил, что разница между ними небольшая.

Вскоре у меня появилась новая специальность: лектор. В прошлом, ни в гимназии, ни в университете, я никогда не выступал. В гимназии вообще собраний не было, а в университете я всегда молчал. Для этого правда имелась причина: в молодом возрасте я заикался, особенно если слово начиналось на букву "н" или "м".

Лектором я сделался случайно.

Главврач поликлиники во время эпидемии скарлатины поручил мне прочесть на 159-й версте в бараке № 8 (теперь он не существует) лекцию о скарлатине. Дал мне на это 5 дней.

Я развернул все свои медицинские учебники и по ним составил лекцию. Я ее выучил наизусть. Как я упоминал,

память у меня была замечательная. Лекция была прочитана. Я доложил об этом врачу (главному). Главврач молчал. Через несколько дней опять лекция, но уже про грипп. Тоже ее написал и тоже выучил наизусть. Никакого плана или шпаргалки на лекцию я не брал. Доложил главврачу и об этой лекции я опять молчок. Через несколько дней вызывает главврач меня вновь: "Вот что, Иван Михайлович. У меня есть свободных полставки. Я даю Вам ее и делаю вас санпросветчиком. Вы обязаны еженедельно читать лекции 2 раза и следить за тем, чтобы другие врачи читали по одной в месяц." На мой недоуменный вопрос "а почему меня?" услышал ответ: "Вы очень хорошо читаете". "Да, Вы не слышали". "Я не слышал, но другие слышали и очень хвалили. Подобного лектора-врача на Днепрострое не было".

Итак, я стал лектором.

Постепенно, постепенно, я стал читать и на краеведческие темы, и о международном положении. Сначала в отдельных бараках, позже и в клубах. Жизнь стала очень интересной. Днепрострой меня захватил целиком. Я только им и жил. Оказалось, что место, где я жил, не только место грандиозной, невиданной в нашей стране стройки, но сугубо историческое. Я весь углубился в историю этого края. Вся доступная для меня литература по истории этого края была прочитана от корки до корки, начиная от 1У тома Геродота, который в V веке до н.э. посетил Скифию и писал о ней и об острове Хортице, кончая трехтомником Д.И.Яворницкого об истории Запорожского казачества.

Стройка фотографировалась. Собирались сведения, главным образом, исторические, в гор. Александровске, ставшем с 1921 года Запорожьем.

Для узкого круга медиков и знакомых я стал как бы частным справочным бюро.

Год 1930 вообще был очень интересным: шла бетонировка плотины. Возле главной конторы на пр. берегу висели две громадные доски и ежедневно на них вывешивались итоги соревнования укладчиков плотины левого и правого берегов.

Поголовно все население училось. Все или повышали свою квалификацию или просто изучали какую-нибудь профессию, например, никогда не работавшие жены инженеров, служащих поступали на курсы камеральных техников. Это была невиданная в истории "эпидемия учебы". Мгновенно появились 2 вуза: Строительный и Энергетический - оба на нынешней ул. Трегубенко, Народный Университет в подвале дома гаража ныне "Сакко и Ванцети" № 5. В числе его преподавателей был и я. А в клубе ДИТР (ныне Швейная фабрика) шли концерты, или представления, или танцы.

Днепрострой тогда был чрезвычайно популярен.

Артисты всей страны с удовольствием ехали сюда. Сюда стремились, кто только мог. Условия жизни здесь были гораздо лучше, чем в других местах. Бесплатная квартира, отопление, освещение, вода. Зарплата высокая. Например, моя ставка в Марганце 125 руб. - здесь 220 руб., т.е. почти вдвое больше + всевозможные совмещительства.

Безупречно работала фабрика-кухня и столовая ИТР.

Все это заражало нас работать как можно лучше. Лично я считаю первые годы Днепростроя самыми счастливыми в своей жизни. ~~Никогда ни ДО, ни ПОСЛЕ постройки ДЮ"са мне не жилось так хорошо.~~

Надо отдать должное начальнику строительства А.В. Винтеру. Это полковнец. Едва ли в мире существовал инженер, на плечи которого ввалилось столько работы: Днепротэс - 16 тыс. рабочих и стоимость 300 мил. рублей и Днепрокомбинат (ныне заводы на площадке А) - 34 тыс. рабочих строителей - 650 мил. рублей. И все это выполнить в 6,5 лет. Таких инженеров в мире можно сосчитать на пальцах. Недаром главная улица правого берега носит его имя. Там же поставлен ему и памятник.

Лично мне не раз приходилось с ним *Березин*
~~сталкиваться~~, особенно во время несчастных случаев на стройке и пожарах. Меня всегда удивляло, что я, как врач скорой помощи после телефонного вызова мгновенно появлялся на месте пожара или катастрофы и всегда на месте видел уже Винтера. Как он мог опередить меня? Оказывается был его приказ: раньше всего первому звонить ему, а потом пожарной команде ие скорой помощи.

Однажды, в интимной беседе с ним я его спросил, - почему я его застаю на месте пожара или на месте катастрофы, ведь я выехал сразу же и ближе к этому месту чем его квартира? Он сознался. Дело в том, что на предшествующей стройке на Шатуре, когда он уже много построил, в один миг сгорела вся его стройка. "Вот почему я так боюсь пожаров и дал приказ о пожаре сообщать мне раньше,

чем пожарной команде, а уж после меня звонить пожарной команде".

После этого разговора мне стало все понятно, и мое уважение к нему стало еще больше.

Его считали почему то очень суровым, конечно, по внешнему виду. Его лицо всегда было серьезным и выглядело действительно суровым. Недаром его сотрудники, в основном инженерно-технический персонал, называли его "Саша Черный", имея в виду и то, что он брнет и его внешне-суровый вид.

На самом деле в душе это был добрейший человек, большой патриот, энтузиаст своего дела. Он всегда исходил в своих действиях из интересов государства.

Я припоминаю такой факт. Директор В. Хортицкой школы Водолашенко Н.П. обратился как-то к Винтеру с просьбой дать лес для его школы. Но эта школа была вне сферы деятельности Днепростроя, а школьники сидели на полу. Помещение расширили, а парт не было. Тем не менее Водолашенко рискнул обратиться не в свое ведомство.

Винтер задал ему лишь один вопрос, повидимому для проформы. "А среди ваших учеников есть такие, родители которых работают на Днепрострое?" "Есть" и стал перечислять фамилии. "Пишите заявление". Водолашенко написал. Винтер прочел заявление и сказал "Слишком мало, увеличьте количество леса вдвое".

Винтер терпеть не мог разгильдяйства, пустословия, не выполненных обещаний. Таких увольнял без стеснения.

Помню следующий случай.

Был вызов скорой помощи на 7-й поселок. Проезжая по южному шоссе, где сейчас памятник сталевару, я обратил внимание: на краю улицы храпит какой-то молодой парень, рядом из крана течет вода. Повидимому парню, возможно подвыпившему, захотелось пить. Он открыл кран, напился воды и тут же лег, забыв закрыть кран.

На обратном пути вижу картину. Стоит машина Винтера там, где лежал заснувший. Винтер его распекает предпоследними словами. Заставил его закрыть кран. Записал адрес и место работы. Через несколько дней узнаю от шофера Винтера - этот рабочий уволен. Действительно А.В.Винтер в отношении разгильдяйства был беспощаден.

У Винтера были, конечно, и сильные помощники. Прекрасно работала партийная организация: Туманов, Макаров, Лейбензон. Они все обладали прекрасным качеством: умением мобилизовать людей. Весь мир поразила победа днепростроевцев в 1930 году. Было уложено 518 тыс. кубов бетона - мировой рекорд. А ведь 1930 год был нелегкий год. Многие из рабочих еще полностью не порвали с селом и в июле, августе разбрелись по своим селам. К этому еще добавилась шель в скале на среднем протоке. Пришлось мобилизовать и даже воинские части. Все это заслуги партийной организации. Все работали с воодушевлением. И этот год в моей памяти запечатлился как-то особенно среди всех 47 лет прожитых уже здесь.

Наступил 1931 год. Тоже памятный, тоже запечат-

левшийся навсегда. Плотина уже начала поднимать воду в Днепре. Кичкас стал тонуть. Всех жителей выселили на возвышенную часть. Кое-кому пришлось потесниться. Мне предоставили комнату в квартире врача Тиссена.

Затопление Кичкасса представляло собою замечательное зрелище, длившееся несколько недель. Сначала вода затопила фундаменты, потом постепенно стены, наконец крыши. Вода прибывала очень быстро по сантиметру в час, каждые сутки по 1/4 метра. Нависла угроза затопления котлована будущей ГЭС. День и ночь укладывали мешки с песком. Уложили 30 тысяч и все же в последний раз Днепр победил. Котлован затопило. После спада воды, ее из котлована откачали и стройка двигалась дальше.

Начали снимать знаменитый Кичкасский мост и перевозить его на Иртыш.

И в моей личной жизни также с лета 1931 года произошли большие перемены. Моя жена закончила в Харькове Муз.драминститут и получила назначение на Днепрострой. Устроилась на работу музвоспитателем в детском саду.

Вскоре, в связи с рождением дочери, мы получили двухкомнатную квартиру на Клубной улице № 24. И я, и жена были весь день заняты с утра до вечера. Тем не менее, первые мои годы на Днепрострое: 1930, 31 и 32-й - я считаю, как сказал уже выше, самыми счастливыми в моей жизни.

Несмотря на занятость, чувствовалась какая-то полнота жизни, было очень приятно видеть, как все кругом движется, как все спешат, как быстро на глазах воздвиг-

гаются ГЭС, плотина, дома, и хорошеет все кругом.

Необычайный подъем не только у себя лично, но у всех окружающих бросался заметно и ярко.

Служба, преподавание, концерты, танцы, участие в археологических раскопках, записи об основных работах на стройке, изучение истории края — все это полностью поглотило мою персону.

Такой полнокровной жизнью я еще не жия.

Тогда же на Днепрострое я сделал для себя еще один житейский вывод: работается и живется хорошо там, где нет склок, споров, доносчиков и где люди думают о работе, а не о карьере и стяжательстве.

Вот так и было на Днепрострое и, в частности, среди врачей, где за все время строительства ни единого скандала. Все думали только о работе.

Нужно отдать должное руководителям Днепростроя. Они заботились не только о стройке, но и о культурной жизни строителей. На углу Клубной улицы и Короткого переулка находился клуб "ДИГР" — дом инженерно-технических работников. Ныне в этом здании швейная фабрика. Это был центр культурной жизни Днепростроя. Доклады, лекции, пьесы, концерты, танцы и т.п. — ежедневно что-то там имело место. Причем приглашались артисты обычно из столичных центров. Приезжавшие артисты были очень рады приглашению, так как всем им хотелось увидеть Днепрострой, о котором писали все газеты мира, своими собственными глазами.

Как правило, сборы были полными.

А я жил напротив: из окна видел объявления и знал что творится в ДИГР"е. Кстати в нем была прекрасная столовая для итееровцев, куда были включены учителя и врачи.

Не менее интересным был 1932 год. В этот год о Днепрострое заговорил весь мир. Этот год, затаив дыхание, ждала вся наша страна - год пуска Днепрогэса. На пятнадцатом году советской власти, наконец, осуществлялась наша мечта: Днепр стал судоходен на всем своем протяжении. Особенно стал замечателен день 28 марта, когда в 5 часов дня были уложены последние бады бетона в плотину. Эту часть предоставили лучшим бетонщикам: Ткаченко, Ильгову, Жене Романько, Макаренко.

Незабываем был и день 1 Мая, когда пустили первый агрегат, но особенно 10-е октября 1932 года - день официального пуска Днепрогэса, когда уже работало 5 агрегатов. Это был особенно торжественный день. Приглашены были Калинин, Орджоникидзе, Чубарь и многие видные иностранные представители.

По секрету я узнал, что 10 октября день рождения Винтера. Наше правительство и решило, чтобы сделать что-то приятное ему, объявить день официального пуска Днепрогэса 10-го октября.

Этот жест правительства я считаю очень и очень красивым. Повидимому потому, что и в нашей семье ничто так торжественно не отмечалось и не отмечается как день рождения.

Я же особенно всегда по-мальчишески гордился, что мой день рождения 10-го декабря 1896 года совпал с

особо-знаменательной датой в мировой истории - с Днем Нобеля Альфреда. В этот день 10.XII.1896 года он умер (совпал не только день, но и час).

Весь мир тогда же узнал о его завещании: оставшийся после его смерти капитал (больше 31 миллиона шведских крон + ежегодные % с них каждый год) присуждать людям любой национальности за новейшие достижения в области науки, медицины, литературы и за деятельность по укреплению мира. Эта торжественная церемония вручения Нобелевской премии проводится в день Нобеля 10.XII.

На многолюдном митинге у ГЭС"а было объявлено о награждении орденами и медалями лучших работников, а в помещении, где еще недавно находился (Кияшко 16) гидротехникум, был накрыт стол на 500 персон.

В этот день я дежурил на скорой помощи. Все мы, дежурные, были начеку. Слишком много было народу, бесконечное движение транспорта. Мы ждали, что будет больше обычного несчастных случаев. Но оказалось наоборот. Их почти не было. Повидимому, потому, что было много милиции, регулировавшей движение и пешеходов и транспорта.

В тот же день был пущен ЦИС: цех инструментальной стали - в будущем "Днепроспецсталь".

Через несколько дней мне позвонил секретарь Винтера, чтобы я зашел к последнему. Я сразу же пошел в приемную Днепростроя. Секретарь мне сказал: "заходите к Александру Васильевичу". Я зашел. Он был один. Приветливо улыбнулся и протянул мне в коробочке красивый значек Днепростроя.

Должен сказать, что сколько наград я не получал, особенно во время ВОВ, все же лично для меня значек Днепростроя ценнее всего. Я его постоянно ношу и очень его люблю. Не раз он меня выручал из беды. Ведь после постройки ДГЭС, днепростроевцы рассеялись по всему Советскому Союзу.

Однажды на станции Иловайской я никак не мог купить билет в гор.Запорожье. Расстроенный, вхожу в кабинет начальника станции. Он сразу же "а,днепростроевец пришел". В чем дело, земляк?

"Никак не могу купить билета вот туда" и указал пальцем на значек".

"Сейчас будет" - и мгновенно все было улажено.

"Мы днепростроевцев никогда не обидим" на прощанье сказал начальник *станции.*

Примерно то же произошло на станции Казань, где сам начальник ходил по перрону с днепростроевским значком. До того в почете в тридцатых годах были днепростроевцы.

1-го Мая 1933 года вновь торжество: за всю мировую историю впервые прошел через покрытые водой пороги пароход "Софья Перовская". На нем были: Петровский Г.И., Чубарь и др. Но вообще 1933 год был неудачным и не только на территории, где возникла ДГЭС. Предыдущий год был неурожайным, засушливым и вся тяжесть недоедания пала на 1933 год. Было много "пухлых". Немало людей умерло от голоду.

Кстати, уехал и Винтер. Станцию заканчивали уже без него. Вся стройка перешла на левый берег, где возд-

Как известно на территории Запорожского края были выгали заводы Днепрокомбината (Запорожсталь, Днепроспецсталь, Алюминиевый, Коксохимический, Ферросплавный и др.). Уже там, на левом берегу, закипела творческая, созидательная работа. Постепенно правый берег становился западной окраиной большого Запорожья.

Зато 6-й поселок восхищал всех своей красотой, чистотой, освещенностью и многолюдием.

22.1V.1934 г. Медико-Санитарное управление Днепро-строя было ликвидировано и мы, медики, стали подчиняться Днепропетровскому облздраву.

Изменились наши ставки. Мы стали платить, как и все, за квартиру, свет, воду.

Тем не менее, жизнь все же лично мне попрежнему казалась прекрасной. Мечта навсегда остаться здесь оказалась полной реальностью.

В 1934 году почти все днепростроевцы уехали на другие стройки, остались эксплуатационники. Освободились некоторые квартиры. Мы получили двухкомнатную с кухней отдельную квартиру на Коротком переулке № 3. Дочь росла. Встал вопрос о переезде в Кичкас (так теперь переименовали большую территорию Днепро-строя) всей семьей моей жены (Нагурных) из Умани. Тем более, что отец жены оформил пенсию. Родители жены приехали и ее отец тоже устроился на работу: сперва бухгалтером в порту им. Ленина, позже инкассатором Днепроэнерго - учреждения, появившегося после ликвидации Днепро-строя.

Я же углубился в изучение Запорожского края, как его прошлого, так и настоящего.

В изучении Запорожского края помогла моя специальность врача-окулиста.

Как известно, на территории Запорожского края было много немецких (около 90) и болгарских (около 48) колоний. Все они были затрахомлены. Началась борьба с трахомой. И вот меня, как окулиста, посылают во все концы нашего края бороться с этой эпидемией.

Помимо этого, был также консультантом по своей специальности. Передвижение только самолетом. Коротче говоря, едва ли есть на нынешней территории Запорожской области село, в котором я не был бы или не видел бы его сверху из окна самолета.

Летать по области доставляло мне большое наслаждение. У меня, как и у летчика, была подробная карта нашего края. Летая, я все время изучал местность и фиксировал все места, над которыми мы проплывали самолетом.

В течение первых пяти лет своей работы на Днепро-строе, т.е. с 1930 - 1934 года я отпуска не брал. В 1935 году решил взять за несколько лет с тем, чтобы попутешествовать. Ехал я дикарем. Билет взял до Баку, где сделал суточную остановку. Оттуда поехал в Тбилиси. Из Тбилиси автобусом до Владикавказа (ныне Орджоникидзе). Осмотрев последний и Казбек Пасандури, вновь вернулся в Тбилиси. Из Тбилиси, где прожил несколько дней, поехал в Батум, где прожил два дня. Из Батума теплоходом в Новороссийск, оттуда в Ялту. Из Ялты автобусом в Севастополь и Симферополь, из Симферополя поездом в Запорожье.

На следующий 1936 год проделал турне по России: Москва, Ленинград, Нижний Новгород, Казань, Свердловск, Запорожье.

Больше всего мне понравился Ленинград. Все остальные города я по красоте ставил ниже Запорожья, особенно его правого берега, где посаженные еще в 1927 году по приказу Винтера деревья разрослись и превратили правый берег с его 11 скверами в прелестный зеленый оазис.

Влюбленный в Запорожье, я не замечал красоты других городов.

В последующие годы я усиленно стал заниматься историей Запорожской области. Написал историю города, историю острова Хортицы, историю Верхней Хортицы и историю заповедника Аскания-Нова.

Стал лектором. Лекции читал сначала на медицинские темы, затем перешел на краеведческие и о международном положении. Завел большую библиотеку. Все лишние деньги тратил только на книги.

По мнению некоторых из частных библиотек - моя была одной из лучших.

На библиоманию я смотрел, как на редкую, но очень "целительную" болезнь, которая исцеляет от многих недугов, делает жизнь чрезвычайно интересной, а самое главное - долголетней. По моим наблюдениям, книголюбы долго живут, все они скромны и в еде, и в одежде и в общении с людьми. Многие из них пенсионеры, живущие только на пенсионные деньги, лишь изредка некоторые из них подрабатывающие.

Влюбленный в книгу - духовно богатый человек. В книгах его счастье и смысл жизни. В трагические моменты жизни книга заменяет многим все: и друзей и семью (А.С. Пушкин). Это единственное счастье у одиноких людей.

И когда началась 2-я Мировая война и пришлось бросать имущество в связи с эвакуацией на произвол судьбы, ни о чем я так не жалел, как об оставленных книгах. Некоторые из них были уникальными.

Начиная с 1938 года и до 1941 г., когда в Европе уже шла война (а перед этим в 1935 г гражданская война в Испании) я много уделял внимания лекциям о международном положении и лекциям об отдельных государствах. Кстати, у меня был прекрасный Атлас Мира. Таких в Запорожской области было только два (у меня и в алюминиевом техникуме).

В эти же годы, я по совместительству, был преподавателем на курсах медсестер. Преподавал я одновременно в двух учреждениях: на 2-х годичных курсах медсестер они находились в помещении теперешней 30 школы и на полугодичных курсах медсестер Красного Креста. Последние находились в подвальном помещении Дома Блока - ныне гостиница Запорожстали на 6-м поселке.

Как и большинство населения я тщательно следил за всеми изменениями на политической карте мира. Мне очень, очень помогло то, что в свое время я побывал почти во всех государствах Европы.

Когда грянула война в 1941 году я был мобилизован, как врач, в Красную Армию. Получил направление в 1809 госпиталь, который находился в г.Мелитополе. Но в августе этот госпиталь, в связи с наступлением немцев, был эвакуирован на восток в Дагестан в гор.Хасовюрт.

В Мелитополе, куда переехала и моя семья, произошел конфликт между моей женой и комиссаром госпиталя № 1809.

Алексей Степанович Степанов

Дело было так. Меня начальник госпиталя № 1809 послал в какой-то соседний госпиталь, по просьбе последнего, подежурить. А в этот день был подан состав железнодорожный для эвакуации медперсонала нашего № 1809 госпиталя. За моей семьей была послана подвода для перевозки ее и имущества на вокзал. У нас имелась собачка. Жена прихватила и ее, но комиссар госпиталя запротестовал брать с собой собачку. Тогда жена заявила: раз так, мы не поедем и остаемся в Мелитополе и подвода отвезла семью обратно в город.

Когда же я отдежурив явился на вокзал (об инциденте я ничего не знал) то мои коллеги сообщили, как было дело.

Скоро подошел ко мне и комиссар, заявив с возмущением, что "Ваша семья затеяла со мной спор из-за собаки и отказалась эвакуироваться". Я ему ответил по Лермонтову:

Учить глупца

Шутить над дураком

и спорить с женщиной

все то же, что черпать

воду релетом".

Короче говоря, когда мы прибыли в г. Хасавюрт комиссар донес начальнику, что семья врача Бицука отказалась эвакуироваться из-за собачки.

В Хасавюрте мы пробыли год. Получали раненых с фронта, некоторое время их лечили и эвакуировали дальше. Но наступление немцев летом 1942 года на Сев. Кавказ и на Сталинград заставило наше медицинское командование эвакуировать наш город еще глубже, в Дагестан.

Сначала в Дербент, но там не нашлось помещения для госпиталя. Нашли для нашего госпиталя помещение в поселке "Двигательстрой". Это в 16 кил. на восток от Махач-Калы. Но вскоре наш госпиталь отправили в другое место. Я же, чтобы избавиться от комиссара, разлучившего меня с семьей, остался на Двигательстрое, взяв перевод в госпиталь 42-23, который получил прекрасное 4-х этажное здание. Я был назначен начальником 5-го отделения этого госпиталя. Отделение находилось на 4-м этаже. В нем можно было разместить до 70 коек, но обычно было 40-50-60 коек.

Раненные поступали непосредственно с фронта. Канонаду артиллерийскую мы часто слышали. Здесь я пробыл до конца войны и даже дольше, т.к. демобилизовался 20 октября 1945 года. Имея уже около 20 лет врачебного стажа, я иногда игнорировал те инструкции, что "шли сверху", считая их несуровыми, ничуть не помогающими в исцелении больных.

Например, госпиталь получил инструкцию распределить больных в палатах по виду ранения: раненых в голову в одни палаты, в верхние конечности в другие, в нижние конечности в третьи и т.д.

Это мы между собой называли "размещение по головам, рукам и ногам".

Я же распределил своих раненых по другому краеведческому принципу: "по областям и национальностям".

Из истории медицины я знал (это особенно применял знаменитый французский хирург XVII века Перо), что веселые люди быстрее выздоравливают от ран, что раны во время наступления быстрее заживают чем при отступлении.

А поэтому я решил создать хорошее настроение раненым тем, что разместил их в палатах ^{по} ~~по областям и националь-~~ ^{учитывая не место проживания} ~~ности~~, считая что нижегородцу приятно лежать рядом с нижегородцем, ~~чем с казахом~~; саратовку с саратовцем, ~~а не дагестанцем~~. Этим больные были очень довольны. *Берега с за-*

Маски, одежале и стирки
Кроме того я завел такой порядок: как только прибыла санитарным поездом партия раненых, я, после перевозки, подробно расспрашивал раненого о его адресе и семье и сразу же, не уходя домой, писал семье открытку с указанием, какое ранение (у мужа, сына, брата) и адрес госпиталя, но самому раненому об этом не говорил. И иногда получался веселый курьез. Раненый от семьи получал письмо раньше, чем он сам надумал туда написать и узнать адрес госпиталя. Он все время ломал голову, а кто же домой сообщил о нем. Конечно, вскоре он узнавал в чем дело. Конечно он был этому несказанно рад.

В конце концов, мое начальство оставило меня в покое.

Да и по другим вопросам медицины, в особенности по вопросам канонв, у меня часто возникали споры с коллегами. Медицинские каноны - это твердо установленные (догматические) правила, ведущие свое существование уже много десятилетий и веков и даже тысячелетий. Некоторые из них я считаю неправильными. Например, считается: читать лежа вредно. Лично я и гимназию и Мединститут окончил, если так можно выразиться, лежа. Прошло почти 80 лет, но зрения не потерял. На всех лекциях и во всех учебниках профессора твердят - лежа читать вредно. И вот, как окулист, просматривая иностранную офтамологическую литературу, наталкиваюсь на фразу одного английского окулиста. "Читать

лежа не только не вредно (лишь бы уровень глаз был не ниже текста), но и полезно, т.к. отдыхает весь организм, не тратятся усилия на поддержание его в вертикальном положении, а работает только один мозг и все лучше усваивается".

Итак я нашел во всем мире только одного окулиста согласного со мной, при чем объяснившего, почему полезно в то время как все говорили и писали "вредно", но не давали объяснений почему.

Далее, во всех учебниках гигиены указывается, что мыться надо по утрам и чистить зубы по утрам. Я всегда был против и вот почему. За весь день на кожу лица и рук оседает много пыли, бактерий, вредных веществ. И с этим багажом мы ложимся спать. Утром моемся. Так поступает весь мир. А по моему, если бы вы вечером помылись, смыли бы всю грязь, все инфекции (а ночью мы ведь спим и загрязнений новых не поступает), то можно утром и не мыться. Я, конечно, не возражаю, чтобы мыться по утрам, но если человек, как обычно, моется один раз в сутки, то уж лучше вечером.

Или возьмем так называемый "сквозняк". Что он собою представляет — Чистый ток воздуха. А люди в подавляющем большинстве боятся этого чистого воздуха как огня. С раннего детства я полюбил "сквозняк". Мне всегда приятен этот ветерок, охватывающий мое тело и доставляющий мне наслаждение. И моему уму непостижимо, почему в поездах, в автобусах, квартирах так его боятся — его, чистого воздуха.

Или всюду читаешь "вредно на ночь кушать". Лично я

с юных лет больше всего ем на ночь. Иначе и не засну. Только при полном желудке я могу заснуть и ни одного дня на всю жизнь желудком не болел.

Таких людей как я встретил в жизни еще шесть. То же не заснут, если не наедятся. Может быть кому и вредно на ночь есть, но этот канон никак не подходит к моей персоне.

Примерно я воевал со своими коллегами три с половиной года.

А вообще-то еда - это такая проблема в жизни, которая меня никогда особенно не интересовала, но которая, высказанная мною другим лицам вызывала постоянное неудовольствие и неодобрение у других людей. Для меня лично еда - неприятный акт, отнимающий у меня время, как заливка, скажем, бензина в мотор или дефекация, или мочеиспускание. Но акт необходимый, поскольку этого требует организм.

Что кушать? Для меня, можно сказать, безразлично лишь бы заполнить чем-то желудок, чтоб не давал о себе знать.

Вот почему на еду я трачу минимум времени - 15 минут в сутки: 4 минуты на завтрак, 7 на обед и 4 на ужин. Не люблю первых блюд. Ем их потому, что их подают. Лично я обошелся бы только вторыми блюдами. Большой любитель есть всухомятку, что очень удобно для меня, особенно в дороге. Даже при длительных поездках ем только то, что беру с собой: хлеб, сало, колбасу, консервы, воду.

В столовую никогда не хожу, даже когда останавливаемся специально для обеда. Ем всегда в автобусе. Это

для меня приятнее, чем в помещении. А дома люблю есть, прохаживаясь по комнате или по двору. Это приятнее, чем сидя. Самые неприятные для меня моменты длительной экскурсии — это ожидание когда туристы обедают, т.е. по моим представлениям, даром тратят время: могли бы съесть сухой паек в автобусе, а время, проведенное в столовой потратить на осмотр города, музея и т.д.

В своей душе, когда туристы в столовой обедают, я их готов послать ко всем чертям, как людей, нерационально использующих время и за то, что обедают не 7 минут, в которые я обычно укладываюсь, а во много раз дольше. Ем же я чрезвычайно быстро, как быстро привык делать все, а в данном случае, чтобы скорее избавиться от этой неприятной, но требуемой организмом акции. Короче говоря, если у меня когда-нибудь и бывают споры с туристами, то только из-за еды, что они не берут с собой сухой паек и не едят в автобусе, а ищут столовые и теряют драгоценное время для ознакомления с достопримечательностями чужого города. Я с удовольствием вспоминаю свои студенческие и военные годы, когда я был одинок: никаких супов и борщей; варил свою любимую гречневую кашу или картофель с салом, запивая чаем — и, слава богу, закончил мед — институт и отвоевал войну. Позже, уже в наше время, с чрезвычайной неприятностью стал замечать, особенно с 70-х годов, что треть населения после 30 лет, весят больше нормы; на каждом шагу отмечаю массу ожиревших людей, что для меня, как врача, страшнее всяких гриппов, инфарктов и раков, т.к. тучность нынешнего поколения вызывает смертность людей гораздо большую, чем все эти три болезни разом взятые.

И это потому, что при ожирении каждый лишний килограмм сокращает жизнь на 8 месяцев; у ожиревших камни почек встречаются чаще в 5 раз, камни желчного пузыря в 4 раза и сахарный диабет в три раза, чем у худых. Они же гораздо чаще болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями и гипертонией.

А все начинается зачастую еще с детства, когда насильно заставляют ребенка много есть: "за маму, за папу, за тетю" и заодно оберегают от сквозняка, ветра т.е. от свежего воздуха.

В результате малоподвижность, тучность с последующей расплатой в пожилом возрасте.

Но еще больше чем переедание меня возмущает пьянство. Пьяных я просто ненавижу. Я, как врач, хорошо знаю, как кончают жизнь пьяницы и до чего это пьянство доводит. Всегда был сторонником сухого закона, как в Аравии и в Ливии. Я четыре года был свидетелем сухого закона в нашей стране, когда с первого дня войны 1.УШ. 1914 года царское правительство запретило на все время войны продажу спиртных напитков. И за это время я не видел в России ни одного пьяного.

Это единственное мероприятие царского правительства, от которого я был в восторге. Жалею, что нет его в нашей стране, где развелось так много пьяных и гибнет много людей.

Меня в госпитале скоро раскусили и в отношении лекций. Все лекции о Международном положении и о положении на фронтах (а это во время войны почти одно и то же) в основном читал я.

Там же, в Дагестане, пристрастился к новой науке-топонимике, т.е. науке о географических названиях, и сейчас это новое увлечение охватило меня целиком. Стал увлекаться в связи с этим и тюркскими языками.

Наступил 1945 год - год победы. С нетерпением ждал встречи со своей семьей. Все время с 1941 по октябрь 1943 года мучился мыслью, а где моя семья, живы ли, где живут, и живут ли, а если живут, то как и на какие средства.

Оказывается во время войны семья жила в р.ц.Веселом, что в 38 кил. от Мелитополя и вернулась в Мелитополь после его освобождения. Нашел я их через Мелитопольский горсовет и Мелитопольскую милицию, но увиделись мы только через два года, после демобилизации в октябре 1945 года.

Я попросил Управление уже нового "Днепростроя", который возник в апреле 1944 года и начал восстанавливать все то, что немцами было разрушено, чтобы оно сделало вызов, т.к. в госпитале уже было нечего делать, а Днепрострой остро нуждался во врачах. Вызов был сделан и меня отпустили. Сначала я, а через несколько дней и семья, вернулись в Запорожье.

Когда я увидел разрушенную плотину и ДГЭС слезы навернулись на глазах. Было разрушено самое любимое и, по моему, возможно ошибочному мнению, самое красивое место в мире.

Когда-то на площади Звезды мне сказали в Париже в 1912 году - "это самое красивое место в мире". Но когда

я прохожу по плотине и, остановившись на минуту, смотрю во все стороны (на зеленый правый берег, на Старый Днепр, на остров Хортицу, на Новый Днепр, на 6-й поселок, заводы, Павло-Кичкас, на о.Ленина) - мне кажется, что такое сочетание красот на одном пункте в мире только одно - ажурная дуга плотины и ее окружение.

Находившиеся возле меня видели мои слезы - вероятно, они меня понимали, судя по их сочувственным взглядам.

Жилось нам вначале очень тяжело. Наша квартира была занята тремя семьями: в кухне жила одна семья, в одной комнате другая, в другой третья.

Я жил в поликлинике, т.е. в том кабинете, в котором принимал, а семья у знакомых.

После долгих мытарств через прокуратуру я добился возвращения мне бывшей моей квартиры. А в 1946 году неурожай. А мой тесть, Нагурный, по старости лет, потерял (вернее, у него украли) карточки на хлеб и вся семья лишилась на месяц хлеба.

Пришлось покупать кукурузу, молоть ее и печь лепешки. А работы было очень, очень много. Врачи не все вернулись, нас, врачей было мало. И пришлось работать за троих: и как глазник, и как врач скорой помощи и как квартирный врач.

К 1947 году стало легче. Пустили З.Ш.47 г. ДГЭС. Стали быстро восстанавливаться дома. Добавилось *М.М.*-ое количество врачей. Появилось общество "Знание". Меня здесь уже знали, как лектора, еще до войны. Лекциями я был загружен полностью.

Эпопея восстановления Днепрогэса лишь в некоторой доле напоминала первую стройку. В конце концов, плотина была не полностью разрушена. Не было того муравейника, того Вавилона, что наблюдался когда-то.

Но все же имел место энтузиазм при восстановлении ДГЭС. Многие были награждены орденами и медалями.

К 1949 году все эвакуированные вернулись и правый берег вновь, как и прежде, напоминал по обилию зелени и воды курортное место.

Лично у меня работы было очень много: и врач, и лектор, и депутат Ленинского райсовета, и нарзаседатель в суде. Только закаленность и железное здоровье, тренируемое каждый день гимнастикой, дало мне возможность безболезненно и спокойно перенести этот тяжелый период восстановления Днепрогэса, и столько нагрузок.

Из всех этих нагрузок я не любил только одну: быть нарзаседателем в суде. Причина этого: мое воспитание. Еще в детстве меня приучили не лезть в душу другого человека, не копаться в ней, воспитывали т.н. "тактичность", а это в нашем доме означало "не делать другому того, что ему неприятно".

14 лет я был нарзаседателем. При мне переменялось 5 судей. 8 раз в году я должен был заседать и эти дни были самыми неприятными в году. Дело не только в том, что мне было неприятно копаться в чужой душе. Я за все время ни разу не задавал подсудимым ни одного вопроса. Дело в том, что живя на Днепрострое не один десяток лет и выполняя обязанности и глазного врача и врача скорой помощи и квартирному врачу — я в то время знал абсолютно

всех на правом берегу. И меня, повидимому, знали все.

Кого же я судил? Своих знакомых. И обвиняемый и обвиняющий были моими знакомыми. Судьи это прекрасно знали. Они понимали, почему я никогда на судебном заседании не задавал вопросов, но зато в закрытом заседании пользовались моими сведениями (я старался быть сугубо-объективным) в освещении того, как живут эти люди, их характер, поступки, их прошлое, материальное положение и т.д. Никогда, повидимому, судящимся и в голову не приходило, что один из судей переживал, возможно, больше, чем они сами.

Тогда обычными судебными разбирательствами были: ссоры, воровство, разводы, алименты.

Я всегда вспоминал родителей, как они были правы, когда осуждали стяжательство, погоню за богатством, пьянки и ратовали за скромную жизнь.

При разбирательстве разводов я пришел к выводу, что не бывает виновата только одна половина, а обязательно обе. Если одна половина пьянствует, грубиян, стяжатель, изменяет другой, то где же были глаза другой половины до брака?

Характер человека уже устанавливается чуть ли не в 7 лет. Только легкомысленность и беспечность одной половины при явной виновности другой половины и ведет к разводу в семье. А цифра разводов доходит до 50% браков. У меня и тут сложилось свое, основанное на воспитании еще с детства, такое мнение: мало одной любви (она впоследствии потихоньку исчезает), сходства характеров, общности интересов. Нужна культура пове-

дения, воспитанность и также скромность в поведении. Мне бросилось в глаза, что если не оба, то один из разводящихся обязательно человек нескромный, не освоивший самых элементарных азов сосуществования и культуры поведения. А другой из разводящихся в свое время не изучил, не присмотрелся внимательно к будущему члену семьи и вот расплата.

Но особенно я не любил алиментных дел, особенно тех, что касались стариков, которых дети не хотели содержать. Это меня возмущало до глубины души. Человека родили, выкормили, воспитали, поставили на ноги, а на старости лет эти люди от сыновей и дочерей получают пуховку ... на кладбище.

"Или я или твоя мама" заявляет новоиспеченная жена своему мужу. "Нам под одной крышей не жить". Вот и прогоняет любящий муж свою родную мать в угоду своей черствой и жестокой жене, которую он то и не сумел во время изучить.

В этих случаях в суде проплывала моя жизнь и до моей свадьбы и после нее.

Была у нас бабушка и все мы ее любили и были ей рады: богомольная, тихая, добрая, всеми нами любимая. После женитьбы у меня таких стариков увеличилось в четыре раза. Отец жены, мать жены и две ее сестры, которые дожили до 92-94 лет. Кроме радости и выгоды ничего плохого от них не было. Отец что-то столярничал во дворе, мама хозяйничала, одна ее сестра бегала по магазинам, вторая варила. Все работали, все что-то делали, никаких ссор, никаких ругательств последними или

Государство выдавало ссуду для желающих "построиться", а райсоветы отводили участки земли. Меня также уговорили строиться. Выделили на втором поселке у Днепра 6 сотых земли для постройки дома. Начал я строиться в 1951 году, закончил в 1955 году. Пришлось брать совместительства и жить поскромнее.

17. IX. 1955 года перешли в свой дом. Дочь, студентка Харьковского вуза, вышла замуж. А дома начали на 6 сотых разводить цветы и фруктовые деревья.

С 1954 года у меня появилась еще новая профессия - экскурсовод. Эта профессия мне очень нравилась. Весь город я знал прекрасно, окрестности и все вокруг также. Говорить натренировался на лекциях.

Несколько слов об этой профессии. Она в несколько раз тяжелее "лекторской" *экскурсии, и - л. удивительный*

От лектора требуется: вынятность речи, ясность и понятность - и больше ничего. Лектор видит публику только впереди себя. Он не думает о том, что у него за спиной. Прочитав лекцию (45 - 60 мин.) он уходит.

Другое дело "экскурсовод". Это тоже лектор, но на колесах. Здесь особая специфика - и показ, и рассказ и движение. У экскурсовода люди и впереди и по бокам. Говорить надо о том, что по сторонам, а думать о том, что сзади за спиной, о том, что видит пока шофер, а не он - лектор. Все должно быть рассчитано по минутам. Ошибаться нельзя.

Экскурсовод - это полпред города, области, олицетворяющий экскурсионное учреждение. Он несет ответственность за достоверность излагаемого. Он должен об-

ладать широким кругозором и энциклопедическими знаниями + умением владеть собой, тактичностью, находчивостью и изворотливостью.

Его внимательно изучают туристы: как он одет, как стоит, его выражение лица, его жесты.

В основном ценятся знания не только того, что было в прошлом, но и современность вплоть до мелочей, где такая то улица, где купить то то, где столовая, где такое то учреждение, где туалет.

С каждым годом капризных туристов становится все больше.

Должность экскурсовода настолько трудная, что редко кто работает больше 10-15 лет. Уходят, т.к. не выдерживают этого длительного напряжения, особенно многодневного.

А между тем считается, что должность экскурсовода легкая. Сужу по тому, что часто ко мне обращаются чертежницы, уволенные из вуза студенты, устроить их на работу в качестве гида, считая, что если они прожили в Запорожье 5-10 лет и знают где находится облизполком, обком, памятники, Дуб и профилактории Хортицы - этого достаточно, чтобы быть экскурсоводом.

Эти люди не понимают, что история Запорожского края имеет более чем 2,5 тыс. лет, что на ней живет 104 национальностей, что здесь сосредоточена громадная индустрия и развитое сельское хозяйство и надо знать все до мелочей.

Это мне напоминает диалог между кучером и знаменитым Ф.И.Шаляпиным, который также возмущался людьми,

которые считают труд артиста легким.

Извозчик, который вез Шаляпина, как-то его спросил:

"А ты, барин, чем занимаешься?"

Да вот пою...

Я не про то. Я спрашиваю чего работаешь? Петь это мы все поем. И я пою, когда скучно станет".

Так и экскурсоводничество, требующее ежедневных в течении всей жизни напряженного труда, поисков и усилий.

Прошло 20 лет - и я до сих пор этой профессии не бросаю. Наоборот, расширил сферу деятельности во всех направлениях - на север до Полтавы и Миргорода, на восток до Донецка, Каменных Могил и Жданова, на юг до Херсона, "Аскании-Нова", на запад до г.Умани. И на все эти направления написаны путеводители. Совместительство по медслужбе я уже не брал. Вел только один глазной прием. Но, как и в молодые годы, загрузил себя полностью.

Погибшую во время войны библиотеку не только восстановил, но и увеличил, причем настолько, что уже негде держать книги: все полки, все диваны, все стеллажи заняты. Собственно говоря, сейчас, на старости лет - это самое главное мое утешение. Мне не надо ходить в библиотеки. Все энциклопедии, все справочники у меня под руками. Кстати, и у жены и у внучки - тоже экскурсовода - свои библиотеки, и неплохие. У меня, конечно, больше всего книг по краеведению, истории, географии и топонимике; у жены по музыке и воспитанию, у внучке по литературе, беллетристике и туризму.

Кстати внучка - Жолтикова Татьяна Борисовна - меня перещеголяла. Закончив с отличием литературный факультет Запорожского Пединститута в 1975 году, она поступила на постоянную работу в Экскурсбюро и, как я заметил сам и по словам других, очень "красиво говорит". Я так не умею. Еще девчоночкой я ее всегда брал с собой на экскурсии. Результаты на лицо. Первоначальные сведения ей дал я, а "хорошо привязанный язык - литературный факультет + семилетний стаж.

После 50-летней работы врачом я в 1974 году стал пенсионером.

Сообщение о том, что я должен уйти на пенсию я воспринял с очень тяжелым чувством, скажу прямо - трагически.

Человеческую жизнь я представлял себе как непрерывную, до гробовой доски, работу. А пенсионерство, т.е. ничегонеделание для меня смерть, хотя многие эту пенсию ждут как манну небесную.

Дело было так. Главврач вызвал сразу трех врачей (хирурга, рентгенолога и меня-окулиста) и заявил, что нам пора идти на пенсию.

Мы поняли, что есть на этот счет секретное указание. Мне то, 74-летнему, уже 14 лет т.н. по штату, надо было уже быть пенсионером. Но я никак не мог себя представить в этой роли: работал, работал, никогда ни одного дня за 50 лет врачебной деятельности не болел и вдруг всему этому конец: сиди дома и не рипайся, отдыхай. Спрашивается отчего? Разве я устал, разве я болен. Ни одного бюллетеня за 50 лет.

Я ходил как оцумелый.

Дома отнеслись к этому гораздо спокойнее: ты лектор, экскурсовод, пишешь статьи в газеты, разве мало вокруг тебя найдется любимой твоей работы. Да и сама поликлиника предложила после выхода на пенсию подать заявление о приеме на работу врачом-санпросветчиком в какой-нибудь должности я проработал еще год. И вскоре вообще переключился на лекционную и экскурсионную работу. Это то, о чем я мечтал с детства, но чего не мог тогда претворить в жизнь. И только сейчас на склоне лет, наконец, я нашел себя.

Итак лекции читаются, экскурсии проводятся, книги покупаются, рукописи по краеведению и топонимике пишутся. Занят, хотя и пенсионер, и часто даже не хватает времени.

Такова моя непоседливая натура, которой вот, вот скоро 80 лет.

Да и поликлиника меня не забывает.

В январскую и февральскую эпидемию 1975 года пригласила работать вновь в качестве врача по борьбе с гриппом, а осенью в качестве врача-окулиста.

К сожалению, должен признаться, что нынешний состав врачей несколько иной по сравнению с тем днепропетровским, о котором я писал выше. Имеются, как и прежде, большие патриоты своего дела, очень преданные, их любят больные. Но есть категория врачей (ее раньше не наблюдалось), работающих только по талонам, только от и до и, кроме зарплаты, ничем не интересующихся. Об этом писалось горьковато в местной га-

вете "Индустриальное Запорожье" от 1.УТ.1972 г. Их 15%, т.е. 1/7. Это случайные люди в медицине, поступившие в Медвуз не по призыванию, возможно по благу или просто, чтобы иметь диплом - вход в высшее общество. Как они далеки, эти 15%, от старых днепростроевских врачей.

Основное в практической жизни - это план.

План - это порядок. Планировать свой рабочий день я начал с 14 лет, когда стал заниматься репетиторством. В последующие годы и в настоящее время живу по строго установленному плану. Это давало и сейчас дает возможность всегда выполнить то, что на меня вваливалось.

Я не верю тем, кто постоянно говорит: "у меня нет времени". Это лодыри, лентяи. А суть в том, что у них крайне неправильно составлено расписание дня, отчего собственно говоря, зависит все.

В данный момент моей жизни распорядок дня у меня такой: встаю в 5 часов утра. Время от 5 час. утра до 7 1/2 ч. самое плодотворное. В эти часы я пишу письма (а их я получаю много), пишу планы маршрутов, составляю новые лекции. В этом отношении я последователь французского писателя Бальзака, который когда писал свои произведения по вечерам, у него дела шли чрезвычайно медленно. Стоило ему перейти на работу с 5 час. утра, все пошло иначе - плодотворность писателя возросла в несколько раз.

Как и все серьезное (уроки в гимназии, лекции в Университете, доклады в настоящее время) я делаю только в постели дивана, вбок ребром поставив подушку. По моему глубокому убеждению в таком положении отдыхает весь

организм, а работает только один мозг. После этого, в постели же, проделываю гимнастику для ног в течение 7 минут. Затем, тоже 7-8 минут, гимнастика уже на полу для рук и туловища. Затем умывание, одевание и еда (4 минуты).

К 8-ми часам утра я уже готов к любой служебной работе.

Ложусь спать я рано: в 9 час.30 мин., при чем первый час идет на обдумывание того, что сделано и что предстоит сделать и в каком порядке на следующий день.

Таков примерно распорядок дня, если нет ничего из ряда вон выходящего: экскурсии, командировки и т.п.

1976 год

Для меня он дважды юбилейный. Первое: 19.УП. исполняется 50 лет со дня моей свадьбы. Второе: 10.ХП. исполнится 80 лет.

Оглядываясь на свой 80-ний жизненный путь приходишь к выводу, что то воспитание, которое получил я в детстве, наложило свой отпечаток на всю последующую жизнь.

Все мы дети: 3 брата и две сестры, хотя и имели свои индивидуальные черты, но все же в практической жизни были одинаковыми: вели себя скромно, все были трудолюбивы, ненавидели лень, стяжательство, карьеризм, эгоизм и алчность и не стремились к подъему по иерархической лестнице. А такие возможности, по крайней мере у меня, были.

Все памятовали слова отца: : "не будь первым, живи в тени".

кенишьбы. Это любовь к животным, птицам и цветам. У нас всегда были собаки, кошки, куры. Всю жизнь. Есть и сейчас. Конечно, кроме расходов, куры ничего нам не дают. Но лично у жены такая страсть к курам, что без них она прожить не может. Но особенно к собакам. ^{Выше,} на странице 180 я говорил о конфликте жены с комиссаром госпиталя из-за собаки, лишившей меня в течение 5 лет семьи. В нашей жизни собака, кошка - это члены семьи. Они живут в комнатах с нами, едят ту же пишу, что и мы, и в то же самое время (вернее на 2-3 минуты раньше нас получают пишу).

Когда мы входим в квартиру, собачки нас встречают: передние лапки ставят на наши голени или ступни, опираясь задними о пол. И хотя они маляпенькие - лапипу - сенькие, но от них есть и польза: уже 20 лет как нас не обворовывают. Кроме разве раз ночью во дворе. Но на последнее мы не обращаем внимания, зная хорошо, что розы воруют ученики школы, где училась и преподавала дочь, где училась одна внучка и учится другая - воруют не для себя, а для учителей - во время экзаменов. Правда, у собачек поразительный нюх: они все же и ночью лают. А розы - это такое дело: сегодня сорвешь, послезавтра зацветут опять новые бутоны. Из-за этого не стоит волноваться. Школа то для нас родная.

К настоящему моменту (1973 г) семья наша небольшая, но с тремя фамилиями: Бичуки двое: я и жена (пенсионеры). Остапенко трое: дочь, ее муж и их дочь, ^{Т.т.} Жолтикова Таня (моя внучка) - одна дочь моей дочери от первого мужа.

Все живем скромно: едим скромно и одеваемся скромновато, за исключением внучки Тани. Она молодая, 23 года да и служба такая: всегда на людях, в автобусах, парходах экскурсоводом. По штату и по смете уж положено одеваться, как надо. Жалоб по службе никто не имеет. Лично я в гимназии не пропустил ни одного урока, в университете ни одной лекции. За 50 лет работы врачом ни одного дня не пропустил. Не дал мне бог ни одного дня даже проболеть. Хотя и были деньки, когда чувствовал себя плохо и была высокая температура. Но об этом не знал ни главврач, ни моя жена. Терпеть не могу лечиться. Верю в то, что сам организм поборет болезнь, не отягощенный табаком, водкой, солью и прочими вещами, разрушающими наше тело.

Считаю, что правильный образ жизни, гимнастика, длительное хождение — самые лучшие лекарства в мире + еще сдержанность в своих чувствах: ни с кем не спорить и лучше всего побольше молчать.

Я почему то не люблю многоговорящих, болтающих людей.

Таково мое кредо — возможно оно ошибочное, а возможно и нет, по крайней мере, по отношению к моей персоне с установившимся уже характером и складом жизни.

На мой взгляд болеют те, кто хочет болеть, а, вернее, т.е. кто ленится быть здоровым: ленится рано вставать, ленится заниматься гимнастикой, ленится много ходить. А ходить надо не меньше двух часов в день, хотя бы в конце концов по своей комнате, но ходить.

Я, между прочим, очень люблю и лежать, но не сидеть.

Гимназию я окончил, читая учебники лежа. То же самое и в Университете. Все свои труды, все лекции, маршруты и настоящее описание жизни все сделано лежа на диване с высоко поднятой подушкой. На этот счет у меня своя теория: весь организм лежа отдыхает, работает лишь голова.

То же возможно ошибочная теория, но она, как ничто, подходит к моей персоне и имеет 80-ти летний ^{про}реный стаж.

За всю свою жизнь сидя за столом я ничего не написал. Все делалось и делается только в лежащем положении. Скажут: ненормально. Возможно, но что сделать — такая уж Бицуковская натура. Ведь живет на свете божьем 4 миллиарда 100 миллионов человек. У каждого лоб, уши, глаза и нос, но ни один не поход на другого.

То же самое и в привычках, образе жизни и поведении.

Мои привычки и образ жизни никому не мешают. Я их не пропагандирую и не распространяюсь о них. Но мне лично они приносят пользу и немалую. Вот это то, что мне и надо.

На пороге 80-тия не вредно оглянуться назад и сделать кой-какие выводы в отношении основных проблем человеческой жизни.

1) Чтобы быть здоровым обязательно не менее 15 минут ежедневно заниматься гимнастикой. Ввесив себя в 20-22 года следить, чтобы этот вес никогда не увеличивался ни на один грамм; не пить, не курить. Ежедневно 2 часа ходить, т.е. в течении дня делать около 10 килсм.

2) Чтобы быть счастливым, т.е. прожить благополучно, главное - умение довольствоваться малым. К сожалению, наши потребности созданы искусственно. Подавляющее большинство стремится к приобретению, стяжательству, богатству.

Все мы в какой-то степени Чичиковы.

Богатство не дает счастья. Оно уродует характер, делает его более эгоистичным, а организм изнеженным, не способным переносить невзгоды жизни и многие заболевания.

Скромность во всем: в поведении, еде, одежде, обстановке.

Избегать выработанных еще древними мудрецами 7 смертных грехов: 1. Высокомерие. 2. Скупость. 3. Разврат. 4. Гнев. 5. Чревоугодие. 6. Зависть. 7. Праздность. Итак, избегайте этих 7 грехов, ведущих быстро к смерти. Особенно последнее - ЛЕНЬ - основоположник всех бед человеческой жизни.

3. Чтобы быть всюду желаемым и всеми любимым - обладать добрым характером. Быть вежливым, быть во всем эрудированным. Никогда не следует забывать слова Сервантеса: "Ничто так дорого не ценится и ничто так дешево не стоит, как вежливость". Побольше читать и уметь ответить на каждый вопрос. Такой вывод сделал я. Никому его я не навязываю и не считаю его обязательным. Возможно есть и другие пути к здоровью, счастью и благополучию, но лично я на 80-м году жизни пришел к вышеуказанному выводу.

И.... наконец последнее: а почему появились "Мои воспоминания"?

Мне лично за 80 лет никогда в голову не приходила мысль писать свою автобиографию.

Я не ученый, прожил серую обычную жизнь, не имею никакого ученого звания, ничего не изобрел, ничего не предложил, ничего не выдумал. И считаю, что они не нужны.

Но вот в конце 1975 года ко мне обратился мой приятель - местный писатель с просьбой написать свою биографию: мой много прожил, был за границей, провезвал две мировых войны, участник стройки Днепрогэса, хорошо помнил Винтера и провращивал уже 52 года. Я решительно отказался, оправдываясь своей незначительностью, не приметностью и непопулярностью.

Но мой приятель был неумолим.

Он заявил, что собирает автобиографии старых за 70-лет людей (своего отца, своей любимой учительницы и других) с целью изучения, как жили люди в начале, в середине и в конце XX века.

В конце концов мне стало неудобно. Ведь он и мне и моей внучке сделал немало добра. Не желая быть "неблагодарным" я вынужден был, очень неохотно, окинуть вкратце свою 80-ную жизнь и все, что вспомнил, описать. Так появились эти записки "Мои воспоминания" - Кстати, мое потомство знает не так, как прожил я. Пусть оно теперь знает, как жили их деды и прадеды и сделает свои выводы.

Запорожье-10.
Черкасский-13.
т. 793-24-70.

Бичук

Бичук И.М.

11/11/76 г.

"... Ещё ровно четыре года, как я закончил запись
"Мои воспоминания". Конечно постарел. Уже 84 года. Болеть
лично не болел, но стал в целом слабее, хотя и сохра-
нил быстроту походки, хорошую память и громадный интерес
к окружающему меня миру. Но судя по тому, что все встре-
чавшиеся мне на улице мои знакомые всегда задают, как
будто сговорились "а как ваше здоровье?", что раньше бы-
ло редкостью, надо полагать, что признаки старости на
моем лице бросаются им в глаза. По-прежнему занимаюсь
кровообращением и, кажется: беззусонно. Даже в местной га-
зете была заметка обо мне очень лестная с моей фотого-
ловкой статьи.. Эта статья ещё больше и настойчивее побуж-
дила меня продолжать дело изучения родного края.

Уклад моей жизни и мое умозрение совершенно не изме-
нились. По-прежнему считаю, что скромность самое лучшее
качество человека, а не исполнение обещаний - самое худ-
шее. И по-прежнему считаю, что для полного счастья, бла-
гополучия необходимо наличие четырёх условий:

- 1/ здоровье,
- 2/ материальная, хотя бы скромная обеспеченность,

3/ любимое занятие, увлеченность какой-либо работой

4/ хорошая окружающая среда.

Достаточно хотя бы одному из этих ингредиентов отсутствовать - счастья не будет. Без здоровья счастья нет; нет обеспеченности - тоже жизнь не будет какая хорошая. Нет любимой работы - тоже несвое и тоскливо. И, наконец, если в семье, соседи, на службе есть недруги, которые не могут жить без ссор, счетов и скандалов, тоже жизнь испорчена. Мне в этом отношении повезло. Своей доброй привычкой со "здоровья" - 30 минут уделяю гимнастике и она придает мне на целый день бодрость и предохраняет от болезней старческого возраста.

Моя пенсия - 90 рублей, меня, при моих скромных и притязаниях, полностью обеспечивает..

Есть и любимая работа - красводенко, без которого я не могу прожить ни одного дня, а эта тема не имеет границ: ее можно заниматься бесконечно долго. А что касается среды - я никогда не скандалю, не ссорюсь, даже если и окружают меня иногда недобрые люди: и их просто не замечая и избегаю иметь с ними какие-нибудь дела.

Думаю, что в этом и заключается причина моей долгой
жизни. Основным качеством всё же я считал скромность хо-
данья. Я прожил 84 года, но не встретил человека, кото-
рому я мог бы позавидовать. Этого качества у меня никог-
да не было. Меня никогда не прельщало: высокое положение,
слава, власть, деньги. По-моему эти качества не способст-
вуют долголетию. Даже считал наоборот: они заключают в
себе элементы, сокращающие жизнь. Прав ли я или нет,
но своего вынужденного умозаключения я уже изменить
не могу. Таково моё кредо.

1.1.1981 г.

Вичук И. М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

• Место рождения, родители	-	-	87
• Детские годы	-	-	78
• Учеба в гимназии; мои увлечения	-	-	88
• Поездка по Северной Европе	-	7	89
Финляндия	-	9	87
Швеция	-	12	88
Норвегия	-	15	90
Дания	-	16	92
Голландия	-	19	
Англия	-	22	
Франция	-	29	96
Бельгия	-	33	
Германия	-	34	104
5. Поездка по Южной Европе	-	40	107
Болгария	-	42	108
Турция	-	44	110
Греция	-	48	
Италия	-	53	112
Корсика	-	61	
Марсель	-	62	120
Испания	-	62	
Баскония	-	67	125
Ницца	-	70	
Монте-Карло	-		8.
Генуя	-	72	9
Венеция	-	73	10
Триест	-	74	11
Загреб	-	75	
Сараево	-	76	5
Белград	-	77	
Бухаре ст	-	78	8
20. Бенигуба	-		6
21. Поездка в Люблин	-		8
22. Окончание путешествия, служба в войсках	-		10

6. Поездка по Средней Европе	-	87
Австро-Венгрия	-	78
Краков	-	78
Буда-Пешт	-	78
Дебрецен	-	78
Вена	-	87
Прага	-	88
Швейцария	-	88
Женева	-	22
7. Окончание гимназии. Характеристика режима в гимназии и семейного режима	-	96
8. Поступление в Киевский Университет	-	104 V
9. Первая поездка в Асканию-Нова	-	107
10. Переезд в Саратов	-	100
11. Вторая поездка в Асканию-Нова	-	108
12. Мобилизация в армию, военная служба	-	112
13. Третья поездка в Асканию-Нова	-	120
14. Возвращение в Киевский Университет	-	120
15. Служба в караульной команде и учеба. Смерть матери.	-	128.
16. Работа в тракторном отряде	-	140
17. Получение диплома врача	-	140
18. Служба врачом в Уманском округе	-	145
19. Перевод в Харьковскую глазную интернатуру (в г. Харьков)	-	155
20. Женитьба	-	156
21. Поездка на Днепрострой	-	156
22. Окончание интернатуры, служба в Марганце.	-	164